

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

The journal is included in the List of periodicals recommended by the Higher Attestation Commission for publication the main results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Тетеля Дан. Факторы институционализации криптовалюты в финансовой системе РФ: аспекты применения модели UTAUT.....	3
Куровский С.В., Соснин Д.А., Мишин Д.А. ESG-трансформация российских компаний в условиях культуры отмены.....	9
Новичкова И.А., Удалов Д.Э., Силаева А.А., Петраш Е.В., Дмитриева Н.В. Менеджмент клиентоориентированных сервисных предприятий.....	17

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Васильев И.И. Зарубежный опыт использования финансовых технологий.....	24
--	----

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. КРЕДИТ

Акуликин С.С. Использование технологии распределенного реестра при формировании трансграничной платежной инфраструктуры.....	30
Дубова С.Е., Балалаев И.В. Инфраструктура обеспечения финансовой доступности.....	38
Зубкова С.В. Цифровое развитие банковского сектора и проблемы регулирования.....	44
Криворучко С.В., Медведева М.Б., Ризванова И.А. Зарубежный опыт цифровизации финансовых услуг: банки новой волны.....	49
Соколинская Н.Э., Маркова О.М. Применение цифровых технологий в банковской отрасли.....	56
Никитин Д.Н. Современные методы анализа финансовой устойчивости в корпорации.....	60
Пашковская И.В. Управление банковской ликвидностью в условиях экономической турбулентности.....	64
Шансков Н.С. Экосистемы банковского сектора России: понятие, принципы и правовые основы функционирования.....	71

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ

Красильников А.И. Стратегии социально-экономического развития субъектов Северо-Западного макрорегиона.....	77
Курныкина О.В. Риски информационных технологий и методические рекомендации по их контролю.....	82
Куровский С.В., Соснин Д.А., Мишин Д.А. Ключевые проблемы развития системы здравоохранения: макроэкономический анализ.....	87
Мальсагова Р.Г. Зарубежный опыт создания и развития метавселенных на примере Китая.....	95
Мухтаров И.Ш. Методология использования больших данных в сфере финансовых услуг для повышения эффективности принятия решений.....	104
Альпидовская М.Л., Сироткина А.И. Анклавный тип развития в неокOLONIALНОЙ социально-экономической системе XXI века на терминальной стадии кризиса капитализма.....	116

Учредители: ООО «Издательство «КНОРУС»,
Соколинская Н.Э., Зубкова С.В., Рудакова О.С., Григорян А.Ф.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74240 выдано 02.11.2018
ISSN 2658-3917

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Сайт: <http://finmarketbank.ru>

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛАВРУШИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ, д-р экон. наук, проф., академик РАЭН, член-корр. РАЕН, научный руководитель Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Соколинская Наталия Эвальдовна (зам. главного редактора), канд. экон. наук, проф., проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Авис Олег Ушеревич, канд. экон. наук, доц. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Альпидовская Марина Леонидовна, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Амосова Наталья Анатольевна, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента банковского дела и финансовых рынков, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Андрюшин Сергей Анатольевич, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Центра эволюционной экономики РАН

Безмертная Екатерина Рэмовна, канд. экон. наук, доц., декан факультета финансовых рынков имени профессора В.С. Герашенко, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Валиурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, проф., заведующая кафедрой инновационной экономики, Башкирский государственный университет

Вахрушев Дмитрий Станиславович, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры финансов и кредита, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Галазова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры экономики Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова

Гамза Владимир Андреевич, канд. экон. наук, канд. юрид. наук, председатель Комитета по финансовым рынкам и кредитным организациям, Торгово-промышленная палата Российской Федерации

Егоров Владимир Георгиевич, д-р экон. наук, проф., первый зам. директора, Институт стран СНГ

Зубкова Светлана Валерьевна, канд. экон. наук, доц. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ильина Лариса Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова

Комов Николай Васильевич, академик РАН, д.э.н., профессор, заслуженный землеустроитель Российской Федерации, зав. кафедрой кадастра недвижимости и землепользования ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»

Коробов Юрий Иванович, д-р экон. наук, заведующий кафедрой банковского дела, денег и кредита Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова

Криничанский Константин Владимирович, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Ларионов Аркадий Николаевич, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры экономики и управления в строительстве, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет)

Ларионова Ирина Владимировна, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Левин Юрий Анатольевич, д-р экон. наук, проф., МГИМО

Мазур Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры инновационной экономики, Башкирский государственный университет

Мешкова Елена Ивановна, канд. экон. наук, доц. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Морозова Ирина Анатольевна, д-р экон. наук, проф., заведующая кафедрой экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет

Попова Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Рубцов Борис Борисович, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Рудакова Ольга Степановна, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Сильвестров Сергей Николаевич, д-р экон. наук, проф., Департамент мировой экономики и мировых финансов, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Травкина Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, проф., замдиректора по науке Высшей школы экономики и менеджмента ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Ушапов Александр Евгеньевич, канд. экон. наук, доц. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Фиапшев Алим Борисович, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Халилова Миляуша Хамитовна, д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Сальникова Нина Николаевна, директор SIA Finansu universitate, председатель правления SIA MKC VERTSPAPIRI (Латвия)

Бутиков Игорь Леонидович, д-р экон. наук, проф., директор Центра исследований Агентства по управлению государственными активами Республики Узбекистан (Узбекистан)

Хуммель Детлев, д-р экон. наук, профессор Университета Потсдама (Германия)

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.09.2023
Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.
Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

TABLE OF CONTENTS

ECONOMICS AND ENTREPRENEURSHIP

<i>Tetelea Dan.</i> Factors of Institutionalization of Cryptocurrency in the Financial System of the Russian Federation: Aspects of Application of the UTAUT Model.....	3
<i>Kurovsky S.V., Sosnin D.A., Mishin D.A.</i> ESG-Transformation of Russian Companies in the Context of Cancel Culture.....	9
<i>Novichkova I.A., Udalov D.E., Silaeva A.A., Petrash E.V., Dmitrieva N.V.</i> Management of customer-oriented service enterprises.....	17

WORLD ECONOMY

<i>Vasilyev I.I.</i> Foreign experience in the use of financial technologies	24
--	----

FINANCE. TAXATION. CREDIT

<i>Akulinkin S.S.</i> The use of distributed ledger technology in the formation of a cross-border payment infrastructure	30
<i>Dubova S.E., Balalaev I.V.</i> Financial Inclusion Infrastructure	38
<i>Zubkova S.V.</i> Problems of regulation of digital development of the banking sector.....	44
<i>Krivoruchko S.V., Medvedeva M.B., Rizvanova I.A.</i> Foreign experience in digitalization of financial services: new wave banks.....	49
<i>Sokolinskaya N.E., Markova O.M.</i> Application of digital technologies in the banking industry	56
<i>Nikitin D.N.</i> Modern methods for analysis of financial stability in a corporation	60
<i>Pashkovskaya I.V.</i> Bank liquidity management in economic turbulence	64
<i>Shanskov N.S.</i> Ecosystems of the Russian Banking Sector: Principles and Legal Basis of Functioning	71

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS

<i>Krasilnikov A.I.</i> Strategies for the socio-economic development of the subjects of the North-Western macroregion	77
<i>Kurnykina O.V.</i> Risks of information technologies and methodological recommendations for their control.....	82
<i>Kurovsky S.V., Sosnin D.A., Mishin D.A.</i> Key problems of the development of the healthcare system: macroeconomic analysis.	87
<i>Malsagova R.G.</i> Foreign experience in the creation and development of metaverses using the example of China.....	95
<i>Mukhtarov I.S.</i> Methodology of Leveraging Big Data in Financial Services for Enhanced Decision-Making.....	104
<i>Alpidovskaya M.L., Sirotkina A.I.</i> The enclave type of development in the neocolonial socio-economic system of the 21st century at the terminal stage of the crisis of capitalism	116

Founders: **Knorus Publishing House LLC, Sokolinskaya N.E., Zubkova S.V., Rudakova O.S., Grigoryan A.F.**

Media Registration Certificate

PI No. FS77-74240 issued 02.11.2018

ISSN2658-3917

Editorial office: 117218, Moscow, ul. Kedrova, d.14, building 2

Website: <http://finmarketbank.ru>

CHIEF EDITOR

LAVRUSHIN OLEG IVANOVICH, Doctor of Economics Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Corresponding Member. RANS, Scientific Supervisor of the Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Sokolinskaya Natalia Evaldovna (deputy editor-in-chief), Ph.D. economy sciences, prof., prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Avis Oleg Usherovich, Ph.D. economy Sciences, Assoc. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Alpidovskaya Marina Leonidovna, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation

Amosova Natalya Anatolyevna, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Department of Banking and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation

Andryushin Sergey Anatolevich, Doctor of Economics. Sci., Prof., Chief Researcher, Center for Evolutionary Economics, Russian Academy of Sciences

Bezsmertnaya Ekaterina Removna, Ph.D. economy Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Financial Markets named after Professor V.S. Gerashchenko, Financial University under the Government of the Russian Federation

Valinurova Liliya Sabikhovna, Doctor of Economics Sciences, Professor, Head of the Department of Innovative Economics, Bashkir State University

Vakhrushev Dmitry Stanislavovich, Doctor of Economics. sciences, prof., prof. Department of Finance and Credit, Yaroslavl State University. P.G. Demidov

Galazova Svetlana Sergeevna, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova

Gamza Vladimir Andreevich, Ph.D. economy Sciences, Cand. legal Sciences, Chairman of the Committee on Financial Markets and Credit Organizations, Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

Egorov Vladimir Georgievich, Doctor of Economics. Sciences, prof., first deputy. director, Institute of CIS countries

Zubkova Svetlana Valerievna, Ph.D. economy Sciences, Assoc. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Ilyina Larisa Vladimirovna, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Saratov Socio-Economic Institute of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

Komov Nikolai Vasilyevich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Honored Land Surveyor of the Russian Federation, Head. Department of Cadastre of Real Estate and Land Use of FSBEI HE «State University for Land Management»

Korobov Yury Ivanovich, Doctor of Economics Sci., Head of the Department of Banking, Money and Credit, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics

Krinichansky Konstantin Vladimirovich, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Larionov Arkady Nikolaevich, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Department of Economics and Management in Construction, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Larionova Irina Vladimirovna, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Levin Yury Anatolevich, Doctor of Economics. Sciences, Prof., MGIMO

Mazur Natalya Zinovievna, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Department of Innovative Economics, Bashkir State University

Meshkova Elena Ivanovna, Ph.D. economy Sciences, Assoc. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Morozova Irina Anatolyevna, Doctor of Economics Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University

Popova Elena Vladimirovna, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Department of Management Theory and Business Technologies, Russian University of Economics. G.V. Plekhanov

Rubtsov Boris Borisovich, Doctor of Economics. sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Rudakova Olga Stepanovna, Doctor of Economics sciences, prof., prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Silvestrov Sergey Nikolaevich, Doctor of Economics. Sci., Prof., Department of World Economy and World Finance, Institute for Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation

Travkina Elena Vladimirovna, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Turgel Irina Dmitrievna, Doctor of Economics sciences, prof., deputy. Director for Science, Higher School of Economics and Management, Ural Federal University. The first President of Russia B.N. Yeltsin

Ushanov Alexander Evgenievich, Ph.D. economy Sciences, Assoc. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Fiapshev Alim Borisovich, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University under the Government of the Russian Federation

Khalilova Milyausha Khamitovna, Doctor of Economics sciences, prof. Department of Banking and Monetary Regulation, Financial University

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Salnikova Nina Nikolaevna, director of SIA Finance universitate, chairman of the board of SIA MKC VERTSPAPIRI (Latvia)

Butikov Igor Leonidovich, Doctor of Economics Sciences, Prof., Director of the Research Center of the State Assets Management Agency of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Hummel Detlev, Dr. of Economics . Sciences, Professor at the University of Potsdam (Germany)

Printed at the printing house LLC Rusyns, 117218, Moscow, st. Kedrova, d.14, building 2

Circulation 300 copies. A4 format. Signed to print: 30/09/2023

Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development"

Факторы институционализации криптовалюты в финансовой системе РФ: аспекты применения модели UTAUT

Тетеля Дан,

магистр по направлению «Менеджмент»; кафедра менеджмента, Высшая школа менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: dantetelya@yandex.com;

В этом исследовании рассматриваются социокультурные, поведенческие и экономические компоненты внедрения биткойнов в России с использованием Модели принятия технологий (ТАМ) и Единой теории принятия и использования технологий (УТАУТ). Исследование подтверждает теоретическую основу с использованием первичных данных жителей России. Основные выводы исследования показывают сильное влияние «ожидания усилий», «социального влияния» и «финансовых ограничений» на поведенческие намерения в отношении принятия биткойнов. Однако «облегчающие обстоятельства» оказали незначительное влияние. Исследование дает стратегическую информацию для российских криптовалютных предприятий и определяет потенциальные области исследований, такие как более глубокий анализ предполагаемых рисков и благоприятных условий. Исследование вносит большой вклад в научные знания и дает практические идеи для развития и управления формирующимся рынком цифровой валюты в России.

Ключевые слова Криптовалюты, UTAUT, принятие технологий, ТАМ, блокчейн, криптовалюта;

Мотивация и пробел в исследовании

Криптовалюты стали все более популярными, предлагая новый, безопасный и глобальный способ проведения финансовых операций. Однако, несмотря на их потенциал, существуют проблемы, такие как использование в незаконных действиях и техническая сложность. В России криптовалюты используются для обхода финансовых ограничений, но исследований, посвященных этой теме, недостаточно. Основой данного исследования будут модели ТАМ и UTAUT, ранее не применявшиеся в контексте России. Криптовалюты стали все более популярными, предлагая новый, безопасный и глобальный способ проведения финансовых операций. Начало этому явлению положил Сатоши Накамото в 2008 году, представив технологию блокчейн. Несмотря на широкий потенциал блокчейна, криптовалюты остаются его наиболее значимым применением. Они рассматриваются как альтернатива текущей неэффективной платежной системе и находят применение в различных странах, включая Россию, для обхода финансовых ограничений. Однако, широкое принятие криптовалют сталкивается с рядом проблем, таких как их использование в незаконных операциях и техническая сложность. Важно развивать публичное понимание и осознание возможностей и рисков, связанных с использованием криптовалют. Несмотря на многочисленные исследования в мировом масштабе, существует недостаток исследований, фокусирующихся на России и учитывающих социальные и культурные аспекты. Это исследование направлено на комплексный анализ принятия криптовалют в России, с акцентом на экономические, регулятивные и поведенческие факторы. Оно может быть полезным для политиков и финансовых учреждений, а также для бизнеса в России. Теоретическая база исследования основана на модели принятия технологий (ТАМ) и Объединенной теории принятия и использования технологий (УТАУТ), которые до сих пор редко применялись в контексте принятия криптовалют в России.

Цель и вопросы исследования

Целью данного исследования является анализ факторов, влияющих на принятие криптовалют в России. Исследование направлено на выявление

ние ключевых элементов, которые способствуют или препятствуют развитию криптовалют в России с учетом ее экономических и законодательных особенностей.

Основные исследовательские вопросы

ИБ1: Какие факторы являются значимыми для намерения использовать криптовалюты в России?
ИБ2: Как влияют опыт, возраст и пол на намерение использовать криптовалюты?
ИБ3: Как можно использовать выявленные факторы для стимулирования принятия криптовалют?

Для ответа на эти вопросы будет проведен анализ существующей литературы и первичное исследование среди российских пользователей в виде опросов. Исследование разделено на три части: обзор литературы, разработка исследовательской модели и анализ модели. Основным препятствием может стать доступ к пользователям криптовалют в России. В заключение исследование стремится к комплексному пониманию факторов, влияющих на принятие криптовалют в России, и планирует сделать вклад в развитие этой актуальной темы.

Обзор литературы

Криптовалюта является цифровой формой денег, защищенной криптографией, что делает ее практически невозможной для подделки. Она не зависит от центральных органов, что теоретически защищает ее от государственного вмешательства. Первой криптовалютой стал Биткойн, созданный в 2009 году неизвестным автором или группой авторов под псевдонимом Сатоши Накамото. С тех пор появилось множество альтернативных криптовалют, таких как Эфириум, Лайткоин и Риппл, каждая из которых имеет свои уникальные характеристики. Криптовалюты можно добывать, покупать на биржах или получать в качестве вознаграждения за работу в блокчейне. Однако их применение в розничной торговле ограничено. На рынке существует около 21,910 криптовалют с общей капитализацией в \$850 млрд [3]. Криптовалюты базируются на сложных принципах информатики, обеспечивая их целостность и безопасность. Основными технологиями здесь являются блокчейн и криптография [6]. Блокчейн представляет собой последовательный ряд блоков, каждый из которых содержит запись транзакций [14]. Эта децентрализованная структура обеспечивает высокий уровень прозрачности и устойчивость к цензуре. Механизмы консенсуса, такие как Proof-of-Work (PoW), служат для валидации транзакций [7]. Однако из-за высоких энергозатрат PoW, разрабатываются альтернативы, такие как Proof-of-Stake (PoS). Кроме того, некоторые блокчейны, например, Эфириум, используют инновационные «умные контракты», которые автономно исполняются при выполнении определенных условий. Тем не менее, у блокчейн-технологии есть и недостатки. Одним из них является масштабируемость: сеть Биткойн может обрабатывать всего

до семи транзакций в секунду [2], что значительно меньше, чем у системы Visa. Этот вопрос активно решается введением новых блокчейнов и обновлением существующих, таких как Эфириум 2.0. Еще одной проблемой является возможность использования блокчейна для незаконных действий из-за возможной анонимности.

Правовой статус криптовалют в мире различается, отражая разнообразные позиции регуляторов к этой инновационной технологии. Некоторые страны, такие как Япония и Швейцария, активно интегрируют криптовалюты в свою финансовую систему. В то время как другие, например, Китай и Индия, ограничивают их использование, ссылаясь на риски для финансовой стабильности. Регулятивные подходы в Европейском Союзе, США и некоторых азиатских странах также разнообразны. Важно, чтобы регуляторы продолжали мониторить развитие рынка криптовалют и корректировали свои подходы в соответствии с изменениями. В России статус криптовалют определяется Федеральным законом от 31 июля 2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (259-ФЗ). Согласно этому закону, криптовалюты не являются денежной единицей РФ или других государств и не могут использоваться для оплаты товаров и услуг. Они могут служить объектом инвестирования, при этом налоговые обязательства регулируются тем же законом. Цель регулирования – борьба с негативными явлениями, такими как отмывание денег и коррупция. На 2023 год отношение к криптовалютам в России остается сложным. Центральный банк России (ЦБР) высказывает опасения относительно рисков, связанных с легализацией криптовалют, включая возможность использования для незаконной деятельности и высокую волатильность рынка. Тем не менее, ЦБР признает потенциал криптовалют в международных операциях и обсуждает вопросы регулирования майнинга. Однако критические вопросы, такие как проблемы правоприменения, остаются нерешенными, что затрудняет развитие конкурентоспособной цифровой экономики.

Экономические санкции, введенные против России в 2022 году, серьезно сказались на экономике и банковской системе страны. Основные ограничения касались нефтегазового сектора и запрета на импорт из ряда стран. Эти меры привели к снижению потенциального роста экономики с 5–6% до прогнозируемого убытка в 4%. В ответ на это, российские компании и граждане стали активнее использовать криптовалюты для международных операций, особенно после прекращения работы Visa и Mastercard в России. Однако, рост использования криптовалюты привел к увеличению крипто-преступности и не стал универсальным решением экономических проблем. Центробанк России предпринял меры для стабилизации экономики, но криптовалюты не являются эффективным средством для обхода финансовых ограничений из-за их отслеживаемости

и проблем с ликвидностью. Санкции 2022 года привели к значительным изменениям в финансовой сфере России, в том числе к росту интереса к криптовалютам. Однако, несмотря на увеличение их использования, криптовалюты не являются эффективным инструментом для обхода финансовых ограничений, что подчеркивает сложность взаимодействия между международной политикой, традиционными банковскими системами и новыми цифровыми валютами в условиях финансовых ограничений.

Понимание механизмов выбора, приобретения и использования товаров и услуг потребителями является ключевым [5]. Эта область исследования объединяет концепции из маркетинга, социологии и экономики, и направлена на анализ факторов, влияющих на решения потребителей. Особое внимание уделяется демографическим и поведенческим характеристикам, а также влиянию социального окружения [9]. Для бизнеса изучение поведения потребителей имеет несколько преимуществ. Во-первых, это помогает лучше понять потребности клиентов для создания ценностных предложений. Во-вторых, это облегчает эффективное сегментирование рынка и выбор целевой аудитории. В-третьих, это способствует укреплению отношений с клиентами и их удержанию [8]. В контексте криптовалют, понимание поведения потребителей становится ещё более важным из-за уникальных характеристик этих цифровых активов. Факторы, такие как воспринимаемая полезность, уровень доверия и воспринимаемый риск, оказывают значительное влияние на намерения потребителей использовать криптовалюты [10].

Исследование принятия технологий актуально для ученых, разработчиков, маркетологов и законодателей [11]. Важно понимать факторы, влияющие на принятие новых технологий, таких как криптовалюты [12]. Этот вопрос становится все более значимым из-за быстрого темпа технологического развития. Наше исследование фокусируется на принятии криптовалют в России. Для анализа используются различные теории принятия технологий, включая модель приемлемости технологий (TAM), теорию планируемого поведения (TPB) и унифицированную теорию принятия и использования технологий (UTAUT). Разработанная Дэвисом в 1989 году, TAM утверждает, что ключевыми факторами принятия технологий являются восприятие их полезности и простоты использования [1]. Исследования показывают, что эти факторы сильно влияют на намерения людей использовать криптовалюты [4]. UTAUT модель предлагает, что принятие технологий в основном определяется поведенческими намерениями, формируемыми четырьмя ключевыми факторами: социальным влиянием, ожиданием усилий и содействующими условиями [13]. Модель успешно применялась для анализа принятия финтех-технологий, таких как мобильная оплата и краудфандинг.

Разработка исследовательской модели

В данной главе представлена модель исследования, направленная на изучение принятия криптовалют в условиях быстро меняющейся экономической ситуации в России. Основой модели служит Объединенная теория принятия и использования технологий (UTAUT), широко применяемая в исследованиях в области технологического принятия. Модель адаптирована к специфике криптовалют и учитывает особенности российского социо-экономического и регулятивного контекста.

Концептуальная основа исследования базируется на модели UTAUT, выделяющей четыре ключевых фактора, влияющих на принятие технологий: ожидание производительности, ожидание усилий, социальное влияние и содействующие условия. Эти факторы модулируются переменными: пол, возраст, опыт и уровень образования. В рамках исследования будут также рассмотрены дополнительные факторы, специфичные для криптовалют, такие как доверие к системе, восприятие риска и регулятивные аспекты.

Воспринимаемый риск (PR) является ключевым фактором, влияющим на решение потребителей использовать криптовалюту. Этот риск связан с неопределенностью и потенциальными негативными последствиями использования криптовалюты. Он напрямую связан с поведенческими намерениями и техническим осведомленностью потребителя.

Гипотеза 1: Воспринимаемый риск негативно влияет на поведенческое намерение использовать криптовалюту.

Социальное влияние (SI), определенное в модели UTAUT, охватывает влияние окружающих людей на решение индивида использовать новую технологию. Этот фактор становится особенно важным для тех, кто ценит коллективное принятие решений или не очень хорошо знаком с технологией.

Гипотеза 2: Социальное влияние положительно влияет на поведенческое намерение использовать криптовалюту.

Облегчающие условия (FC) в модели UTAUT относятся к наличию организационной и технической поддержки для использования технологии. Это может включать в себя доступ к ресурсам, образовательным материалам и инфраструктуре.

Гипотеза 3: Облегчающие условия положительно влияют на поведенческое намерение использовать криптовалюту.

Ожидание усилий (EE) в модели UTAUT относится к восприятию простоты использования технологии. Это может включать в себя дизайн пользовательского интерфейса, сложность транзакционного процесса и доступность службы поддержки.

Гипотеза 4: Ожидание усилий положительно влияет на поведенческое намерение использовать криптовалюту.

Влияние Финансовых Ограничений. Влияние Финансовых Ограничений введен как конструкт в модель для охвата уникальных финансовых ограничений в России, таких как международные

санкции. Эти ограничения могут стимулировать использование криптовалюты как альтернативного финансового инструмента.

Гипотеза 5: Финансовые ограничения положительно влияют на поведенческое намерение использовать криптовалюту.

Цель данной статьи заключается в интеграции предыдущих исследований с количественными методами для проверки выдвинутых гипотез на эмпирических данных. Исследование направлено на выявление факторов, влияющих на распространение криптовалют в России. Для сбора данных был выбран онлайн-опрос, проведенный в течение 15 дней в апреле 2023 года. Методология исследования была разработана с учетом двойного подхода к выборке, сочетающего удобный и квотный методы. Это обеспечило репрезентативное распределение по полу и интересам. После тщательного анализа данных, в исследование были включены 293 респондента, из которых 136 женщин (46,4%) и 157 мужчин (53,6%). Детального обзора собранных данных см. таблиц. Исследование представляет метрику для оценки опыта использования криптовалюты, что позволяет проводить многогрупповой анализ и оценивать влияние предыдущего опыта на намерения к использованию данной технологии. Эта метрика также помогает понять, как опыт влияет на восприятие рисков и условий для применения криптовалюты. Для учета разнообразия опыта мы разработали шкалу от «никогда не использовал» до «использую регулярно». Включение этой метрики в исследование расширяет наше понимание факторов, влияющих на принятие криптовалюты в России. В будущих исследованиях целесообразно рассмотреть дополнительные аспекты опыта, такие как типы используемых криптовалют и частота транзакций, для более точных рекомендаций по продвижению технологии. Целью исследования является изучение взаимосвязи между воспринимаемым риском, ожиданием усилий, социальным влиянием, содействующими условиями и финансовыми ограничениями среди российских потребителей в 2022 году. В работе применяется количественная методология, начиная с обзора литературы, который служит основой для модели исследования и проверки гипотез с помощью структурного уравнения моделирования (SEM). Используется ковариационный SEM для его точности и надежности. Достоверность данных подтверждается анализами дискриминантной и сходимостной достоверности, начиная с исследовательского факторного анализа (EFA) и заканчивая подтверждающим факторным анализом (CFA). Исследование включает в себя надежную выборку из 293 случаев, соответствующую строгим критериям SEM-анализа. Исследование направлено на внесение вклада в литературу по вопросам внедрения криптовалюты в России.

Анализ модели

В этой главе подробно рассматриваются статистические методы, используемые для изучения приня-

тия криптовалюты в России. Анализ включает в себя проверку надежности данных, исследовательский и подтверждающий факторные анализы, проверку гипотез и многогрупповой анализ. Исследование обеспечивает нормальность данных, надежность измерений и отсутствие коллинеарности. Исследовательский факторный анализ подтверждает загрузку факторов, а подтверждающий факторный анализ подтверждает их различие. Структурная модель проверяет гипотезы и оценивает объяснительную силу модели. Дополнительные тесты проводятся для выявления различий между группами на основе таких критериев, как опыт использования криптовалюты, возраст и пол.

Мы оценили нормальность данных, рассмотрев их асимметрию и эксцесс. Показатели соответствовали нормам: асимметрия от -1.118 до 0.521 и эксцесс от -1.285 до 1.054 . Коэффициенты альфа Кронбаха для всех факторов превышали 0.7 , что указывает на надежность измерений.

ИФА проводился с использованием метода максимального правдоподобия и ортогонального вращения Varimax. Некоторые факторы, не показывающие значимых нагрузок, были исключены. Итоговый набор элементов имел КМО 0.821 и подтверждал тест сферичности Бартлетта.

После ИФА была оценена сходственная валидность всех конструкторов. ПФА подтвердил надежность и валидность модели, с соответствующими показателями качества подгонки. Средняя извлеченная дисперсия (AVE) и Композитная надежность фактора (CR) превышали рекомендуемые пороги, подтверждая сходственную и различительную валидность.

После проведения подтверждающего факторного анализа (CFA) и удостоверения в надежности модели, были проверены гипотезы и оценена её объяснительная сила. Квадраты множественных корреляций (R^2) показывают, что модель объясняет 68% изменчивости в намерении использовать криптовалюту. Значения R^2 превышают рекомендованный порог в 50% , что подтверждает надежность модели для анализа факторов, влияющих на принятие криптовалют в России. Из шести предложенных гипотез пять были приняты. Согласно H_1 , воспринимаемый риск незначительно влияет на намерение использовать криптовалюту ($p=0.929$, $\beta=-0.006$). H_2 указывает на положительное влияние социального фактора ($p=0.11$, $\beta=0.215$). H_3 не подтвердилась ($p=0.209$). H_4 и H_5 подтвердили положительное влияние финансовых ограничений и ожидания усилий соответственно ($p<0.001$, $\beta=0.353$ и $\beta=0.790$).

Мы провели многогрупповые анализы для изучения модерационных эффектов в нашем наборе данных, сосредоточив внимание на опыте использования криптовалюты, возрасте и поле. Было выполнено четыре теста, три из которых оказались успешными. Участники были разделены на основе их опыта с криптовалютой и возраста, для каждой группы были созданы бинарные переменные. Структурное уравнение моделирования подтверди-

ло различия в отношениях между факторами. Для тех, у кого уже есть опыт использования криптовалюты, воспринимаемый риск и социальное влияние значимо влияли на намерение использовать криптовалюту. Однако эти факторы не были значимыми для неопытных индивидов. Финансовые ограничения значимо влияли на намерение использовать криптовалюту только для тех, у кого нет опыта. Социальные факторы значимо влияли на намерение молодых людей использовать криптовалюту, но не старших. Различия по полу наблюдались только в воздействии социального влияния; оно было значимым для мужчин, но не для женщин.

Теоретические выводы

Данное исследование направлено на заполнение научного пробела, сосредоточив внимание на принятии криптовалют в Российской Федерации. Мы модифицировали модель UTAUT, добавив новый конструкт – влияние финансовых ограничений (EFR). Измененная модель оказалась надежным предиктором поведенческого намерения (BI) принять криптовалюту в России. Два ключевых фактора из модели UTAUT, а именно ожидание усилий и социальное влияние, оказали значимое влияние на BI. Ожидание усилий выделилось как наиболее доминирующий предиктор, что соответствует предыдущим исследованиям. Социальное влияние также значимо влияет на BI, но его значимость варьируется в зависимости от пола, возраста и предыдущего опыта использования криптовалют у индивида. Вопреки некоторой существующей литературе, условия содействия не оказались значимым предиктором BI в российском контексте, что привело к отклонению одной из наших первоначальных гипотез. С другой стороны, финансовые ограничения оказались значимым предиктором, особенно среди тех, кто ранее не имел опыта использования криптовалют. Фактор воспринимаемого риска в целом показал низкую значимость на всей выборке. Однако его значимость увеличивается при рассмотрении индивидов с предыдущим опытом использования криптовалют. Наш многогрупповой анализ дополнительно показал, что опыт служит сильным модератором фактором в модели, заметно влияя на три из пяти наблюдаемых факторов.

Практические выводы

Исследование выявляет факторы, влияющие на использование криптовалюты в России. Финансовые ограничения 2022 года стали ключевым фактором, способствующим росту интереса к криптовалютам как альтернативному финансовому инструменту. Несмотря на существующую регуляцию (Федеральный закон 259-ФЗ), необходимо усилить меры по обеспечению стабильности и прозрачности криптовалютных операций. Рекомендуется разработка системы мониторинга, включая обязательное раскрытие информации о криптовалютных активах. Компаниям, работающим с криптовалютами, следует акцентировать внимание на стратегиях снижения рисков. Особое внимание стоит уделить стабильным

монетам, привязанным к рублю, как нише с потенциальным спросом. Социальное влияние и удобство использования являются значимыми факторами, которые компании могут использовать для привлечения новых клиентов.

Ограничения и Перспективы Дальнейших Исследований

Это исследование фокусируется на факторах, влияющих на принятие криптовалюты в России. Несмотря на удовлетворительные результаты модели, два фактора оказались незначительными, что указывает на необходимость дальнейшего исследования. Конкретно, фактор восприятия риска имел низкую значимость, несмотря на его релевантность. Аналогично, фактор содействующих условий также оказался незначительным. Демографическое покрытие опроса, методология опроса и географическая однородность выборки являются потенциальными областями для улучшения. Будущие исследования могут рассмотреть возможность включения элементов из других моделей принятия технологий, таких как TAM или TRB, и учесть фактор фактического использования в модели.

Заключение

Эта статья вносит значительный вклад в академическое понимание принятия криптовалют в России, рассматривая его как транзакционный инструмент, а не инвестицию. Исследование применяет модели TAM и UTAUT в новом контексте, обогащая понимание факторов, влияющих на принятие криптовалют. Работа не только продвигает научное понимание, но и предоставляет ценные рекомендации для регулирующих органов и бизнеса. Центральной целью исследования было выявление факторов, влияющих на принятие криптовалют в России. Для этого был проведен опрос среди российских граждан, а полученные данные были проанализированы с использованием структурного уравнения моделирования (SEM). Результаты подтвердили значимость таких факторов как «ожидание усилий» и «социальное влияние», а также выявили новый фактор «финансовые ограничения». Исследование также предлагает практические рекомендации для бизнеса в сфере криптовалют в России. Особое внимание уделяется снижению воспринимаемого риска и улучшению пользовательского опыта. Наконец, данная работа открывает новые направления для будущих исследований, включая более глубокий анализ факторов воспринимаемого риска и облегчающих условий, а также сравнение с другими странами и расширение теоретической базы.

Литература

1. Davis F., Bagozzi R. Warshaw P. (1989). User Acceptance Of Computer Technology: A Comparison Of Two Theoretical Models. *Management Science*, 35(8), 982–1003.

FACTORS OF INSTITUTIONALIZATION OF CRYPTOCURRENCY IN THE FINANCIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: ASPECTS OF APPLICATION OF THE UTAUT MODEL

Tetelea Dan

St. Petersburg State University

The research examines the socio-cultural, behavioral, and economic components of bitcoin adoption in Russia using the Technology Acceptance Model (TAM) and the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology (UTAUT). The study validates the theoretical framework using primary data from Russian residents. The study's key findings show the strong effect of "effort expectancy", "social influence", and "financial restriction" on behavioral intention toward bitcoin adoption. However, 'facilitating circumstances' had a negligible impact. The study provides strategic insights for Russian cryptocurrency enterprises and identifies potential research areas, such as a deeper analysis into perceived risk and conducive conditions. The study greatly contributes to scholarly knowledge and gives practical insights for managing Russia's emerging digital currency market.

Keywords Cryptocurrencies, UTAUT, technology adoption, TAM, blockchain, cryptocurrency.

References

1. Davis F., Bagozzi R. Warshaw P. (1989). User Acceptance Of Computer Technology: A Comparison Of Two Theoretical Models. *Management Science*, 35(8), 982–1003.
2. Gracy, M., & Rebecca Jeyavadhanam, B. (2021). A systematic review of blockchain-based system: Transaction throughput latency and challenges. 2021 International Conference on Computational Intelligence and Computing Applications (ICCICA). <https://doi.org/10.1109/iccica52458.2021.9697142>
3. Hicks, C. (2023b, March 20). Different types of cryptocurrencies. *Forbes*. <https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/different-types-of-cryptocurrencies/>
4. Koksalmis G.H., Arpacı İ., Koksalmis E. (2022). Predicting the intention to use bitcoin: An extension of technology acceptance model (TAM) with perceived risk theory. *Recent Innovations in Artificial Intelligence and Smart Applications*, 105–120. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14748-7_6
5. Kotler P., Keller K.L., Chernev A. (2022). *Marketing management*. Pearson Education.
6. Lantz, L., & Cawrey, D. (2022). *Mastering blockchain*. Ascent Audio.
7. Lashkari B. and Musilek P. (2021). A Comprehensive Review of Blockchain Consensus Mechanisms. *IEEE Access*, 9, 43620–43652. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3065880>
8. Oliver R.L. (2015). *Satisfaction a behavioral perspective on the consumer*. Routledge.
9. Schiffman L.G., Kanuk, L.L., Hansen, H. (2020). *Consumer behaviour: A European outlook*. Custom Publishing.
10. Scimone X. (2022). Knowledge about cryptocurrencies: Consumer behavior survey. *International Journal of Community Service & Engagement*, 3(4), 175–185. <https://doi.org/10.47747/ijcse.v3i4.955>
11. Sudipta K.G. (2022). Adoption of blockchain in financial services. *International Journal of Scientific Research in Science, Engineering and Technology*, 161–165. <https://doi.org/10.32628/ijrset229143>
12. Taherdoost H. (2022). A critical review of blockchain acceptance models – blockchain technology adoption frameworks and applications. *Computers*, 11(2), 24. <https://doi.org/10.3390/computers11020024>
13. Venkatesh, Morris, Davis, Davis. (2003). User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*, 27(3), 425. <https://doi.org/10.2307/30036540>
14. Zheng, X. R., & Lu, Y. (2021). Blockchain technology – recent research and future trend. *Enterprise Information Systems*, 16(12). <https://doi.org/10.1080/17517575.2021.1939895>
1. Davis F., Bagozzi R. Warshaw P. (1989). User Acceptance Of Computer Technology: A Comparison Of Two Theoretical Models. *Management Science*, 35(8), 982–1003.
2. Gracy, M., & Rebecca Jeyavadhanam, B. (2021). A systematic review of blockchain-based system: Transaction throughput latency and challenges. 2021 International Conference on Computational Intelligence and Computing Applications (ICCICA). <https://doi.org/10.1109/iccica52458.2021.9697142>
3. Hicks, C. (2023b, March 20). Different types of cryptocurrencies. *Forbes*. <https://www.forbes.com/advisor/investing/cryptocurrency/different-types-of-cryptocurrencies/>
4. Koksalmis G.H., Arpacı İ., Koksalmis E. (2022). Predicting the intention to use bitcoin: An extension of technology acceptance model (TAM) with perceived risk theory. *Recent Innovations in Artificial Intelligence and Smart Applications*, 105–120. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14748-7_6
5. Kotler P., Keller K.L., Chernev A. (2022). *Marketing management*. Pearson Education.
6. Lantz, L., & Cawrey, D. (2022). *Mastering blockchain*. Ascent Audio.
7. Lashkari B. and Musilek P. (2021). A Comprehensive Review of Blockchain Consensus Mechanisms. *IEEE Access*, 9, 43620–43652. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2021.3065880>
8. Oliver R.L. (2015). *Satisfaction a behavioral perspective on the consumer*. Routledge.
9. Schiffman L.G., Kanuk, L.L., Hansen, H. (2020). *Consumer behaviour: A European outlook*. Custom Publishing.
10. Scimone X. (2022). Knowledge about cryptocurrencies: Consumer behavior survey. *International Journal of Community Service & Engagement*, 3(4), 175–185. <https://doi.org/10.47747/ijcse.v3i4.955>
11. Sudipta K.G. (2022). Adoption of blockchain in financial services. *International Journal of Scientific Research in Science, Engineering and Technology*, 161–165. <https://doi.org/10.32628/ijrset229143>
12. Taherdoost H. (2022). A critical review of blockchain acceptance models – blockchain technology adoption frameworks and applications. *Computers*, 11(2), 24. <https://doi.org/10.3390/computers11020024>
13. Venkatesh, Morris, Davis, Davis. (2003). User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*, 27(3), 425. <https://doi.org/10.2307/30036540>
14. Zheng, X. R., & Lu, Y. (2021). Blockchain technology – recent research and future trend. *Enterprise Information Systems*, 16(12). <https://doi.org/10.1080/17517575.2021.1939895>

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Соснин Дмитрий Андреевич,

магистр ФГАОУ ВО «ПНИПУ»
E-mail: traph-perm@yandex.ru

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

Настоящая статья посвящена анализу ESG-трансформации российских компаний с учетом роли совета директоров в текущих условиях антироссийских санкций и санкций против отдельных представителей топ-менеджмента компаний. В статье проведен кейс-стади для исследования текущего статуса проводимых ESG-трансформаций для двух российских компаний – ПАО «Роснефть» и Группа «НЛМК». В рамках исследования сделан вывод, что российские компании продолжили осуществлять ESG-трансформацию даже после того, как были введены санкции, однако требования азиатских партнеров в отношении принципов ESG не смогли значимо повлиять на данную трансформацию. Также, удалось доказать, что роль совета директоров при осуществлении ESG-трансформации в российских компаниях стала еще более значимой после того, как были введены санкции, несмотря на наблюдающуюся в настоящее время культуру отмены.

Ключевые слова: ESG-трансформация; российские компании; культура отмены; санкционное давление; кейс-стади.

Введение

Одним из наиболее значимых для деятельности компании рисков является риск ESG, так как вероятность его возникновения является достаточно высокой, а оказываемое им влияние – в большой степени ощутимым. По этой причине определенные меры принимаются компаниями для уменьшения данного риска. В частности, более 4100 крупных компаний присоединилось к данной инициативе по состоянию на конец 2021 г. [1].

Тем не менее, введение санкций ознаменовало собой резкое изменение основного фокуса ESG-повестки, что стало характерно как для России, так и для других стран, в особенности европейских. Как международный энергетический рынок, так и все отрасли, связанные с энергетикой, испытывали на себе сильное влияние изменившейся геополитической ситуации, а модернизация и трансформация энергетики оказалась под угрозой в связи с введенными экономическими санкциями [2]. В качестве примера оказанного на энергетические отрасли воздействия можно привести стремительный рост цен на такие ресурсы, как природный газ и нефть, что в то же время сопровождалось необходимостью продолжать осуществление трансформации ESG в связи с усиливающимся давлением со стороны регуляторов. Вследствие обострения геополитической ситуации было также обнаружено большое количество проблем, связанных с поставками, безопасностью и отсутствием экономической стабильности, что стало еще одним поводом для продолжения дискурса, посвященного трансформации ESG. Так, сложившаяся в мире ситуация доказала необходимость принципов ESG для дальнейшего перехода к низкоуглеродной экономике и достижения нулевых выбросов к 2050 г.

Существующие научные публикации последнего года подтверждают наличие воздействия со стороны геополитической ситуации на деятельность компаний и инвесторов в рамках трансформации ESG. Например, в мае 2022 г. фонд ESG превысил в два раза показатели этого же месяца в 2021 г., в то время как для глобальных фондовых рынков за данный период была характерна отрицательная доходность [3]. Также имеется свидетельство того, что осуществлять бизнес в России с более высокой вероятностью продолжают компании с более плохими показателями ESG, несмотря на проводимую в мировом сообществе культуру отмены [4]. С другой стороны, в феврале и марте 2022 г. акции, поддерживающие возможности перехода к низкоуглеродной энергетике, выиграли, что связывается с тем, что участники рынка, вероятно, ожидали более решительных политических мер в поддерж-

ку возобновляемых источников энергии в условиях ярко выраженной зависимости Европы от российской нефти и газа [3]. Более того, отмечается, что, так как возобновляемые источники энергии возможно использовать в качестве инструментов хеджирования и диверсификации, в связи с событиями 2022 г. и их последствиями они стали еще более востребованными.

В то же время, для большинства западных компаний в рамках ESG необходимо достижение именно высоких, а не средних, показателей. При этом, с одной стороны, культура отмены России в том числе является одним из необходимых элементов поддержания принципов ESG, так как в современных условиях компания в том числе должна представлять собой моральный ориентир для привлечения управленческих, социальных и экологических инвестиций [5]. С другой стороны, добыча нефти и угля увеличилась в связи с кризисом и падением объемов экспорта из России. Вследствие этого проблема следования принципам ESG стала еще более актуальной для многих международных компаний. Следует учитывать также и проблему оценивания эффективности следования принципам ESG. Так, если принимать во внимание актуальную геополитическую обстановку, сложно сказать с уверенностью, будет ли лучшим решением в контексте благополучия общества в целом сократить объемы добычи нефти с целью уменьшения выбросов CO₂, или, напротив, увеличить их с целью снижения цен на нефть.

В настоящее время различные рейтинги и индексы могут использоваться для получения представления о внедрении ESG в деятельность компаний. Предоставляются такие оценки различными консалтинговыми агентствами, в числе которых MSCI, TCFD, S&P Global Sustainable, GRI, SASB и др.

Однако составление таких рейтингов в большинстве случаев основано главным образом на финансовых показателях, которые фактически не служат индикаторами возможных проблем, связанных с экологией [6]. Безусловно, часть проблем управления можно нивелировать через проведение особой финансовой политики или же формирование нормативно-правовой базы, хотя данные пути решений имеют ряд ограничений. Помимо этого, существуют и иные барьеры для достижения достаточно точного учета показателей устойчивого развития в рамках принятия решений об инвестировании, такие как отсутствие единых стандартов составления отчетности и достижения прозрачности деятельности компаний, а также трудности, связанные с переводом данных из качественных в количественные [1].

По вышеуказанным причинам индексно-рейтинговый метод не может на данный момент считаться надлежащим методом учета следования компаний принципам ESG. Поэтому в качестве более оптимального метода анализа следует предложить кейс-стади.

Настоящее исследование, таким образом, будет посвящено рассмотрению двух российских

компаний (ПАО «Роснефть» и Группа «НЛМК») с целью оценки прохождения ими процесса ESG-трансформации в контексте распространенной в мировом сообществе культуры отмены России.

Если говорить об общих трендах ESG-трансформации, характерных для российской действительности, можно отметить следующие [7]:

- Факторы устойчивого развития в большинстве своем являются такими же, как и в западных странах – к ним можно отнести повышающиеся требования со стороны регулятора и инвесторов, а также потенциал привлечения новых клиентов и уменьшения издержек.
- Изменение в рамках факторов устойчивого развития началось с 2022 г., когда влияние западных инвесторов стало менее существенным, а влияние регулятора, напротив, возросло и, более того, стало необходимым принимать во внимание требования, предъявляемые новыми партнерами.
- Большинство российских компаний характеризуется средним уровнем ESG-культуры, ими активно поддерживается путь ESG-трансформации и проводится оценка воздействия.
- Основные трудности на пути ESG-трансформации – это недостаток средств, необходимых для осуществления проектов; отсутствие требующихся навыков у сотрудников; недостаточное понимание возможных результатов и последствий реализуемых инициатив на корпоративном уровне.
- Ожидается, что, одновременно со снижением количества проектов, связанных с устойчивым развитием, развитию локальных практик и стандартов в сфере ESG будет уделяться повышенное внимание.
- Основной функцией совета директоров является создание стратегического направления деятельности компании и общего видения, которое должно осуществляться правлением на практике одновременно с подготовкой необходимой отчетности.

В основе настоящего исследования находится опрос 53 членов корпоративного управления российских организаций. Используемые эмпирические данные позволяют на настоящий момент получить наиболее полное представление о процессе трансформации ESG в России. Однако результаты опроса были получены за период с января по февраль 2022 г., и поэтому условия культуры отмены фактически не принимаются во внимание.

Указанное эмпирическое исследование дополняется примерами кейсов двух российских компаний. В рамках кейс-стади предлагается осуществить проверку нескольких гипотез, сформулированных на основе проведенного анализа научной литературы:

H1: Российские компании продолжили осуществлять ESG-трансформацию даже после того, как были введены санкции.

H2: Требования азиатских партнеров в отношении принципов ESG являются основным факто-

ром, влияющим на ESG-трансформации российских компаний.

НЗ: Роль совета директоров при осуществлении ESG-трансформации в российских компаниях стала еще более значимой после того, как были введены санкции, несмотря на наблюдающуюся в настоящее время культуру отмены.

Кейс ПАО «Роснефть»

ПАО «Роснефть» – одна из крупнейших нефтегазовых компаний в России. В сравнении со своими конкурентами она характеризовалась наилучшей динамикой в рамках показателей ESG, занимая высокие места в соответствующих рейтингах. Например, отмечается, что, тогда как в среднем полнота ESG-отчетности компаний в отрасли оценивается в 70%, данный показатель для рассматриваемой компании составил 88% [8].

Система корпоративного управления компании ПАО «Роснефть» органичным образом включает в себя принципы ESG. Так, можно отметить, что повторное использование воды находится на уровне 94%, что является одним из наиболее высоких показателей среди других компаний.

Согласно рейтингу ESG, составляемому Refinitiv, в котором максимальная оценка составляет A+, а минимальная – D-, ПАО «Роснефть» за период с 2017 г. по 2021 г. находится на достаточно высоком уровне, а в 2021 г. присвоенная ей оценка была B+ (рис. 1).

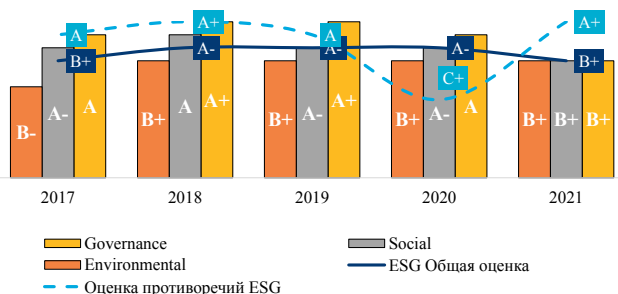

Рис. 1. Ключевые составляющие ESG для ПАО «Роснефть» по версии Refinitiv, 2017–2021 гг.

Источник: база данных Refinitiv [Refinitiv..., 2023]

Отдельно следует отметить Carbon Disclosure Project, международный климатический рейтинг, в котором ПАО «Роснефть» в 2021 г. заняла лидирующую позицию среди других компаний нефтегазовой отрасли. Наиболее важным достижением для компании стала повышенная значительным образом рационализация использования попутного нефтяного газа (ПНГ) при реализации новых проектов добычи нефти (например, на Юрубченко-Тохомском газовом месторождении), а также активное развитие таких флагманских проектов, как «Сахалин-1» и «Восток Ойл».

Деятельность ПАО «Роснефть» в 2022 г. показала заметные улучшения, на что не смогла повлиять отрицательно культура отмены, и что произошло главным образом за счет роста экспорта в адрес ряда заинтересованных зарубежных партнеров,

а также улучшения операционных показателей. Капитальные вложения компании в 2022 г. превысили отметку в 1,1 трлн руб. Компания также отличается высоким уровнем социальной активности в области управления качеством, стремится активно заниматься деятельностью по защите окружающей среды и поддерживать спорт, культуру и образование.

Возврат к активному формированию ESG-политики продолжился в 2022 г. При этом первоначально политика в области устойчивого развития в компании принята была еще в 2008 г., хотя ее трансформация была ознаменована только принятием стратегии под названием «Роснефть-2030: надежная энергия и глобальный энергетический переход» в 2021 г. Основными ориентирами данной стратегии стали операционное лидерство, снижение углеродного следа и увеличение эффективности.

ESG-трансформация продолжилась и после того, как были введены санкции. В качестве достижений ПАО «Роснефть» в 2022 г. в области ESG можно отметить снижение частоты происшествий, связанных с разгерметизацией оборудования с тяжелыми последствиями на 30%; сокращение объема валовых выбросов загрязняющих веществ на 28%; сокращение объема отведения загрязненных стоков на 13%; рекультивация 149 гектаров загрязненных земель «исторического наследия»; снижение объема буровых отходов на 34%; продолжение выявления, устранения утечек и сокращения выбросов метана на объектах добычи углеводородов.

Согласно информации, предоставленной в базе данных международной инициативы Глобального договора ООН [9], развитие ESG в ПАО «Роснефть» следует признать достаточно ответственным.

Активное участие в реализации ESG-трансформации принимает совет директоров компании, в состав которого входит 11 человек. Его структурная форма является унитарной, а среди задач можно выделить контроль за проектами и их развитие, разработка новых политик и стратегий, а также активная демонстрация личной заинтересованности в применении принципов ESG и развитии данного направления.

Можно также отметить и ряд внутренних проектов ПАО «Роснефть», которые реализуются компанией в связи с ESG-трансформацией. Наиболее значимые в этом отношении кейс-стади представлены в таблице 1. Можно отметить, что экологическое направление является ключевым среди иных мероприятий в области ESG-трансформации в 2022–2023 гг. В частности, более 110 сообщений на упомянутую тему встречается в отчетности ПАО «Роснефть» за обозначенный период. Можно считать, что такая тенденция является вполне закономерной, так как компания в соответствии со своим профилем деятельности вынуждена искать такие способы воздействия на своих клиентов и инвесторов, которые позволили бы обеспечить длительные и доверительные отношения.

Таблица 1. Кейс-стади ПАО «Роснефть»

Составляющая ESG	Кейс-стади
Environment	«Углеродный менеджмент ПАО «НК «Роснефть»: комплексный подход к снижению выбросов метана»
	«Непрерывное улучшение топлив и экологичности по всей цепочке создания стоимости»
	«Применение технологий в зоне многолетнемерзлых грунтов и бережное отношение к арктическим экосистемам»
Social	«Подходы к соблюдению прав человека»
Governance	«Кодекс деловой и корпоративной этики»

Источник: официальный сайт компании ПАО «Роснефть»

Таким образом, началом реализации ESG-трансформации в компании является период еще до введения санкций, которые в целом не оказали какого-либо влияния на политики и стратегии в области ESG, разрабатываемые ПАО «Роснефть», то есть компания фактически продолжила применять в своей деятельности стандарты ООН, следуя международным трендам устойчивого развития. Культура отмены не стала источником негативных последствий для устойчивого развития ПАО «Роснефть», на что указывает решение совета директоров продолжать следование принятой ранее стратегии без пересмотра показателей своего развития в рамках ESG-трансформации. Фактически, началом реализации ESG-трансформации можно считать принятие Стратегии-2030.

То есть ESG-трансформация компании продолжилась, несмотря на введенные санкции. Об этом в том числе свидетельствует программа энергосбережения, которая была реализована в 2022 г. и подтвердила свою эффективность экономией ресурсов размером в 4,4 млрд руб. (за предыдущий год данный показатель составил 5,6 млрд руб.). Именно ESG-принципы лежат в основе данного достижения, так как компания стремится на постоянной основе ремонтировать и модернизировать имеющееся энергетическое оборудование, а также следит за тем, чтобы в ее деятельности чаще находили свое применение высокотехнологичное инновационное оборудование и современные средства контроля. Более того, принципы «циркулярной экономики» были реализованы в компании в конце 2022 г., что является еще одним показателем следования по пути устойчивого развития. Также, компанией регулярно осуществляется финансирование и поддержание различных природоохранных проектов, экологических инициатив и усовершенствование принципов управления в области ESG-развития.

Культура отмены повлияла на дальнейшее направление ESG-трансформации только таким образом, что компания ПАО «Роснефть» направила усилия в этой области в сторону развития и укрепления взаимоотношений с партнерами из Индии

и Китая, что было обусловлено поворотом России на Восток. Новая политика таким образом ознаменовала собой следование международным трендам, таким как демонстрация следования ESG-принципам и расширение экологических мероприятий. В настоящее время деятельность ПАО «Роснефть» характеризуется тем, что в компании принята Стратегия-2030, в рамках которой поставлены основные цели развития в области ESG; имеется четкое видение ESG-повестки на долгосрочную перспективу; соответствие ESG-стратегии на постоянной основе подвергается внутренней проверке; составлена мотивационная часть и назначены ответственные лица. Несмотря на это, однако, этап, на котором прогресс осуществленной трансформации должен подвергнуться оценке, на основе чего стратегия может быть скорректирована, на данный момент еще компанией не достигнут. Главной причиной этого, вероятнее всего, стала возникшая в 2022 г. необходимость формировать отношения с новыми партнерами из Азиатско-Тихоокеанского региона. Тем не менее, рейтинг ПАО «Роснефть» в области ESG не должен снизиться по результатам 2022 г., так как компания обладает обширным опытом в области ESG-трансформации, что позволяет ей эффективно справляться со сложными задачами глобального характера.

Кейс Группы НЛМК

Группа НЛМК – это градообразующее предприятие, в состав которого входит крупнейший российский металлургический завод, находящийся в Липецкой области. Компания является вертикально-интегрированной, представляя собой один из наиболее эффективных и крупнейших производителей стальной продукции в мире.

Данные, представленные базой Refinitiv, позволяют сделать вывод о том, что Группа НЛМК занимает позиции выше среднего в соответствующем ESG-рейтинге за период с 2017 г. по 2021 г., при этом управление является наиболее развитой областью в этом отношении, а социальная – наименее. Совокупная оценка составляет A- за 2021 г. (рис. 2).

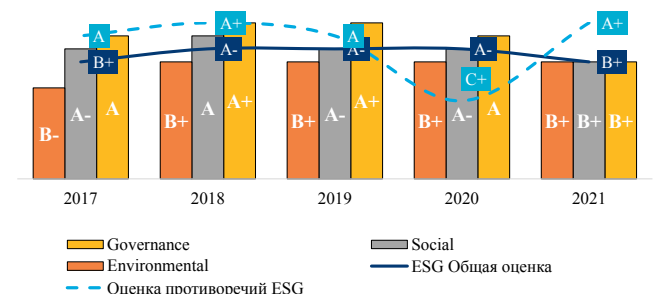

Рис. 2. Ключевые составляющие ESG для Группы «НЛМК» по версии Refinitiv, 2017–2021 гг.

Источник: база данных Refinitiv [Refinitiv..., 2023]

В то же время можно утверждать, что Группа НЛМК оказалась в определенной степени подвержена влиянию различных общемировых негативных событий, а также управленческих, социальных и экологических споров, что особенно сильно

проявилось в 2020 г. Свидетельством этого в том числе является падение рейтинга компании с самой высокой оценки А+ до С+. Компания, между тем, начала процесс ESG-трансформации в период до пандемии COVID-19. В частности, Политика в области устойчивого развития была сформирована и утверждена советом директоров еще в 2019 г., при этом ESG-трансформация в Группе НЛМК находится под управлением сразу нескольких структурных подразделений на уровне совета директоров (табл. 2).

Таблица 2. Управление ESG-трансформацией в Группе НЛМК

Структурное подразделение	Зона ответственности
Комитет по стратегическому планированию	Оценка рисков в области устойчивого развития; воздействие на окружающую среду;
Комитет по кадрам, вознаграждениям и социальной политике	Интеграция KPI в области устойчивого развития в систему вознаграждения; занятость и труд
Комитет по аудиту	Мониторинг результатов и отчетность по вопросам устойчивого развития
Совет директоров; Комитет по кадрам, вознаграждениям и соцполитике; Комитет по аудиту.	Корпоративное управление; вопросы деловой этики; противодействие коррупции

Источник: официальный сайт компании Группы НЛМК

Необходимо принимать во внимание, что корпоративное управление Группы НЛМК в качестве основного своего элемента полагается на деятельность совета директоров ПАО «НЛМК». Именно совет директоров компании отвечает за организацию эффективного управления и, как следствие, рост стоимости бизнеса, представляя интересы акционеров.

К основным принципам в области устойчивого развития в рамках деятельности компании относятся следующие: создание долгосрочной акционерной стоимости; забота о здоровье, благополучии и развитии сотрудников; ответственно относиться к окружающей среде; предоставление нашим клиентам продуктов с добавленной стоимостью; соблюдение высоких этических стандартов при ведении бизнеса; развитие, поддержка и уважение интересов местных сообществ; поддержание прозрачности и высокого качества раскрытия информации.

Устойчивое развитие и управление всеми его аспектами полностью интегрировано в деятельность компании и осуществляется на всех предприятиях, входящих в состав Группы, в том числе и на тех, которые находятся за границей. Руководство Группы НЛМК на постоянной основе осуществляет контроль за вопросами и задачами, связанными с устойчивым развитием. Стратегическое направление развития определяется советом директоров, Президентом, различными комитетами под управлением совета директоров, а также Правле-

нием; под их же руководством находится деятельность компании в области устойчивого развития.

Компания очень серьезно и активно занималась развитием в области ESG, в результате чего Группа НЛМК числится на первом месте рейтинга агентства RAEX-Europe в области ESG по состоянию на апрель 2023 г.

Исходя из имеющейся информации в отношении Группы НЛМК можно предположить, что культура отмены не привела к каким-либо изменениям в области проводимой ESG-трансформации. Следует отметить, однако, что сама компания публикует в рамках данной тематики в основном только сообщения, посвященные различным рейтингам и местам, которые Группа НЛМК занимает в них относительно устойчивого развития (к таким рейтингам можно отнести MSCI, RobecoSam, FTSE, премию ComNews Awards 2021 и др.). Более того, до настоящего момента не была опубликована часть информации за 2021 г. в отношении ряда показателей ESG. Данные факты могут свидетельствовать о возможном воздействии культуры отмены, несмотря на то что официальные заявления на данную тему отсутствуют.

Можно утверждать, что в рамках деятельности Группы НЛМК ESG-трансформация характеризуется происходящим на данный момент активным развитием, предпосылками которого стали определенные еще в 2020 г. основные цели, которые включали в себя ориентиры для всех показателей ESG. До этого, еще в 2019 г., были сформированы необходимые управленческие структуры, которые несут ответственность за устойчивое развитие; вместе с этим были принята и политика компании в области ESG. Стратегические планы, касающиеся ESG-трансформации, не испытали значимого влияния культуры отмены, и роль совета директоров в этом отношении также остается определяющей. То-есть процесс ESG-трансформации продолжается в Группе НЛМК даже после введения санкций. Можно отметить, что за 2022 г. в деятельности компании была внедрены такие новые технологии, как система контроля за качеством воздуха в режиме онлайн и система улавливания пыли на доменной печи, а также был осуществлен проект, направленный на поддержку сельского хозяйства с целью достигнуть производства 180 тыс. тонн молока в год

Группа НЛМК уже достаточно долгое время остается одним из лидеров в национальных ESG-рейтингах. Несмотря на это, ожидается замедление процесса ESG-трансформации, так как в рамках деятельности компании фокус сместился на поиск новых партнеров после того, как в 2022 г. были введены санкции. В результате этого меньше внимания уделяется отчетности в области устойчивого развития и мероприятиям, осуществляемым в области ESG-трансформации. Таким образом, этап, на котором прогресс осуществленной трансформации должен подвергнуться оценке, на основе чего стратегия может быть скорректирована, на данный момент еще компанией не достигнут. Поэто-

му следует предположить, что все показатели ESG Группы НЛМК будут уменьшены на единицу по результатам 2022 г. Такой вывод не свидетельствует о том, что ESG-трансформации в рамках деятельности компании не будет совсем уделяться внимания, тем не менее, достижение наиболее важного этапа данного процесса потребует значительных усилий.

Обсуждение результатов

Отчетность российских компаний, касающаяся не-финансового аспекта, а также раскрытия информации в области ESG и устойчивого развития, начинает совершенствоваться еще с 2018–2019 гг., стремясь достигнуть международных стандартов [10]. В частности, можно утверждать, что международная оценка ПАО «Роснефть» и Группы «НЛМК», в соответствии с рассмотренными кейсами, находится на достаточно высоком уровне. ESG-трансформация представляет собой актуальный для обеих компаний вид деятельности, на который в том числе производятся значительные затраты. Систематизация этапов ESG-трансформации каждой из рассмотренных компаний представлена в таблице 3.

Таблица 3. Этапы ESG-трансформации российских компаний, рассмотренных в рамках кейс-стади

№	Этап	ПАО «Роснефть»	Группа «НЛМК»
1	Создание долгосрочного видения компании	Пройден (2008 г.)	Пройдены (2019 г.)
2	Проведение внутренних измерений соответствия ESG-стратегии	Пройден (2008–2020 гг): выражается через место в международных рейтингах	
3	Разработка стратегии и установка целей	Начаты в конце 2021 г.	Пройден (2020 г.)
4	Назначение ответственных лиц и составление мотивационной части		
5	Оценка прогресса трансформации и корректировка стратегии	В настоящее время этап не достигнут	

Источник: официальный сайт компании Группы НЛМК; ПАО «Роснефть».

В целом, две компании, которые были рассмотрены в рамках настоящего исследования, являются одними из крупнейших игроков в рамках своей отрасли, и торговая политика России в целом во многом определяется их деятельностью. Несмотря на это, можно наблюдать, что ESG-трансформация Группы «НЛМК» началась достаточно поздно, если сравнивать с общемировыми трендами, и первый этап состоялся только на 1–2 года ранее пандемии COVID-19. В то же время, если говорить о ПАО «Роснефть», то данная компания начала процесс ESG-трансформации

довольно рано, и потому обладает уже достаточно длительным опытом внутренних измерений соответствия ESG-стратегии. Несмотря на это, этап установки целей и разработки стратегии начался практически одновременно с началом соответствующего этапа Группы «НЛМК».

Во многих источниках научной литературы указывается, что процесс ESG-трансформации является для российских компаний новым и находится в зачаточном состоянии. Проведённый кейсовый анализ подтверждает, что рассмотренные российские компании ещё не подошли к последнему и наиболее значимому этапу ESG-трансформации, отражающему, по сути, результативность всех предыдущих этапов. Так, одно дело – разработать ESG-повестку и учесть ESG-факторы «на бумаге», но совсем другое – создать реальные условия для реализации оценки прогресса ESG-трансформации и корректировки стратегий. Тем не менее, нельзя и согласиться с мнением о «зачаточной» ESG-трансформации, характерной для российских компаний. Основные этапы ESG-трансформации уже пройдены. Достижение же последнего этапа существенно замедляется вследствие введения санкций и необходимости корректировки ESG-стратегий.

Однако, несмотря на культуру отмены, последовавшую после эскалации геополитической ситуации, советы директоров рассмотренных компаний не отказались от ESG-трансформации а, напротив, активно продвигали её внутри компаний на стратегическом уровне путём разработки и внедрения политик, документов, конкретных показателей ESG и отчётности.

Проведённый нами анализ методом кейс-стади позволяет установить, что в настоящее время ESG-трансформация российских компаний не зависит от феномена культуры отмены России в смысле причинённого ущерба имиджу компаниям. Несмотря на российское «происхождение», отечественные компании продолжают являться титанами в своих отраслях не только в России, но и в мире, а потому некоторые из них по-прежнему продолжают занимать лидирующие позиции в международных ESG-рейтингах.

В целом, результаты кейс-стади подтверждают выводы, сделанные в аналитическом документе Сколково, однако явное подтверждение «разворота на Восток» в ESG-трансформации наблюдается только в деятельности ПАО «Роснефть», совет директоров которой активно и открыто сотрудничает с Китаем и Индией. С другой стороны, в рассмотренных компаниях после февраля 2022 г. роль совета директоров возросла, что можно заключить как из самой их функции (ведущие координирующие развитие ESG-повестки органы компаний), так и из участвовавших в сообщениях представителей советов директоров в масс-медиа, стратегических документах и т.д.

Говоря о сделанных нами предположениях, можно сказать следующее. Первое предположение о том, что после изменения геополитической

ситуации в результате введения санкций г. ESG-трансформация российских компаний продолжилась, **не отвергается**. Однако второе предположение о том, что в качестве главного драйвера развития ESG-трансформации российских компаний выступают ESG-требования азиатских партнёров, **отвергается**, что противоречит результатам интервью представителей корпоративного сектора, сделанным Сколково, поскольку в настоящее время во всех рассмотренных кейсах, за исключением ПАО «Роснефть», нет акцента на взаимодействии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Действительно, ESG-трансформация российских компаний, хотя и началась до событий 2022 г., всё же не набрала достаточный ход для чёткого позиционирования экспортных стратегий в рамках устойчивого развития.

Третье предположение о том, что, несмотря на условия культуры отмены России, роль совета директоров российских компаний в ESG-трансформации возросла после изменения геополитической ситуации в результате введения санкций, **не отвергается**, поскольку, действительно, советы директоров в рассмотренных нами кейсах оказывают значимое влияние на процесс ESG-трансформации, выполняя главную координирующую роль. Вместе с тем, не во всех компаниях совет директоров проводит активную информационную деятельность. Таким образом, проведённый нами анализ методом кейс-стади показывает, что роль совета директоров в ESG-трансформации в условиях культуры отмены в контексте деятельности российских компаний, в целом, является значимой, что **дополняет** результаты нашего экономического анализа.

Выводы

На наш взгляд, в условиях продолжающихся санкций, особенно увеличившихся в 2022 г., а также вследствие того, что «поворот на Восток» не может состояться одномоментно, компаниям потребуется время на пересмотр ESG-стратегий, вследствие чего их ESG-положение незначительно ухудшится. Исключением, по всей вероятности, станет нефтяная компания ПАО «Роснефть»: их общая оценка ESG останется на прежнем уровне, однако параметр «управление» снизится, так как им также придётся переориентировать ESG-трансформацию в русло выстраивания отношений с партнёрами Тихоокеанского региона, учитывать из требования и вносить соответствующие изменения в стратегические документы в области ESG-повестки.

Тем не менее, несмотря на грядущий временный спад, предполагаем, что усиление требований в области ESG со стороны партнёров Тихоокеанского региона послужит драйвером ESG-трансформации для российских компаний, которые сегодня уже имеют все возможности для грамотной рекогносцировки ESG-политики, достижения этапа оценки прогресса трансформации и корректировки стратегии и дальнейшего устойчивого развития.

Литература

1. Afanas'ev M. P., Shash N.N. ESG Transformation in the Corporate Sector: Systematizing the Global Approach //Studies on Russian Economic Development. – 2022. – Т. 33. – № . 6. – С. 707–715.
2. Jiang W., Dong L., Chen Y. Time-frequency connectedness among traditional/new energy, green finance, and ESG in pre-and post-Russia-Ukraine war periods //Resources Policy. – 2023. – Т. 83. – С. 103618.
3. Deng M. et al. Stock prices and the Russia-Ukraine war: Sanctions, energy and ESG. – 2022.
4. Basnet A., Blomkvist M., Galariotis E. The role of ESG in the decision to stay or leave the market of an invading country: The case of Russia //Economics Letters. – 2022. – Т. 216. – С. 110636.
5. Levine M. ESG Goes to War (09.03.2022). – <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-03-09/esg-goes-to-war> (Дата обращения: 22.08.2023)
6. S&P Global. The Role of Environmental, Social, and Governance Credit Factors in Our Ratings Analysis. – URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/190912-the-role-of-environmental-social-and-governance-credit-factors-in-our-ratings-analysis-11135920> (Дата обращения: 22.08.2023)
7. Корпоративное управление и ESG-трансформация российских компаний. – URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/korporativnoe-upravlenie-i-esg-transformaciya-rossijskih-kompanij/> (Дата обращения: 22.08.2023)
8. «Роснефть» – в лидерах и по раскрытию экологических показателей. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2021-04-02/rosneft-v-liderah-i-poraskrytiyu-ekologicheskikh-pokazateley-1043779> (Дата обращения: 22.08.2023)
9. 2022 Сообщение о прогрессе. НК «Роснефть». – URL: <https://cop.unglobalcompact.org/view/9315> (Дата обращения: 22.08.2023)
10. Рябова М.И. Особенности стратегий российских нефтегазовых компаний в условиях энергетического перехода //Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16. – № . 1. – С. 219–243.

ESG-TRANSFORMATION OF RUSSIAN COMPANIES IN THE CONTEXT OF CANCEL CULTURE

Kurovsky S.V., Sosnin D.A., Mishin D.A.
Higher School of Education; PNIPU

This article is devoted to the analysis of ESG transformation of Russian companies with consideration of the role of a board of directors in the current conditions of sanctions against Russian and sanctions against individual representatives of top management of companies. The article presents a case study to analyze the current status of ongoing ESG transformations for two Russian companies, PJSC Rosneft and NLMK Group. As part of the study, it was possible to conclude that Russian companies continued to implement ESG transformation even after sanctions were imposed, but the requirements of Asian partners regarding ESG principles could not significantly affect this transformation. Also, it was possible to prove that the role of the board of directors in the implementation of ESG transformation in Russian companies became even more significant after the sanctions were imposed despite the current cancel culture.

Keywords: ESG transformation; Russian companies; cancel culture; sanctions pressure; case study.

References

1. Afanas'ev M. P., Shash N.N. ESG Transformation in the Corporate Sector: Systematizing the Global Approach //Studies on Russian Economic Development. – 2022. – Vol. 33. – No. 6. – pp. 707–715.
2. Jiang W., Dong L., Chen Y. Time-frequency connectivity among traditional/new energy, green finance, and ESG in pre- and post-Russia-Ukraine war periods //Resources Policy. – 2023. – Vol. 83. – p. 103618.
3. Deng M. et al. Stock prices and the Russia-Ukraine war: Sanctions, energy and ESG. – 2022.
4. Basnet A., Blomkvist M., Galariotis E. The role of ESG in the decision to stay or leave the market of an invading country: The case of Russia //Economics Letters. – 2022. – Vol. 216. – P. 110636.
5. Levine M. ESG Goes to War (09.03.2022). – <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2022-03-09/esg-goes-to-war> (Accessed: 22.08.2023)
6. S&P Global. The Role of Environmental, Social, and Governance Credit Factors in Our Ratings Analysis. – URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/190912-the-role-of-environmental-social-and-governance-credit-factors-in-our-ratings-analysis-11135920> (Accessed: 22.08.2023)
7. Corporate governance and ESG transformation of Russian companies. – URL: <https://www.skolkovo.ru/researches/korporativnoe-upravlenie-i-esg-transformaciya-rossijskih-kompanij/> (Accessed: 22.08.2023)
8. Rosneft is also among the leaders in the disclosure of environmental indicators. – URL: <https://oilcapital.ru/news/2021-04-02/rosneft-v-liderah-i-po-raskrytiyu-ekologicheskikh-pokazateley-1043779> (Accessed: 22.08.2023)
9. 2022 Progress message. Rosneft Oil Company. – URL: <https://cop.unglobalcompact.org/view/9315> (Accessed: 22.08.2023)
10. Ryabova M.I. Features of strategies of Russian oil and gas companies in the conditions of energy transition //Bulletin of MGIMO University. – 2023. – Vol. 16. – No. 1. – pp. 219–243.

Новичкова Инна Алексеевна,

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Московский государственный университет спорта и туризма
E-mail: ikulakova@yandex.ru

Удалов Денис Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: udalov@yandex.ru

Силаева Анна Александровна,

кандидат экономических наук, доцент высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российского государственного университета туризма и сервиса
E-mail: silaeva-aa@bk.ru

Петраш Елена Владимировна,

доцент департамента гуманитарных наук, кандидат искусствоведения, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: alen-dim@yandex.ru

Дмитриева Нина Викторовна,

кандидат экономических наук, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
E-mail: dmitrievaNV@mail.ru

Целью исследования явилось формирование концептуальной модели менеджмента клиентоориентированности сервисного предприятия, позволяющей выявить факторы повышения уровня сервиса. Методология представленного исследования базируется на интеграции методов маркетинг-менеджмента, управления человеческими ресурсами, организационного поведения и операционного менеджмента. Были определены особенности, типы и уровни клиентоориентированности сервисной индустрии. Разработана концепция менеджмента клиентоориентированной сервисной деятельности, которая объединяет принципы управления маркетингом, управления человеческими ресурсами, общего управления качеством и управления потребительской ценностью сервисного продукта с помощью организационного поведения. Предложена система менеджмента клиентоориентированности сервисного предприятия, которая включает в себя четыре подсистемы: формирование функционального качества сервисного продукта, поддержка сервисного продукта, поддержка внешней и внутренней клиентоориентированности, диагностика и мониторинг клиентоориентированности. Для измерения эффективности менеджмента клиентоориентированностью сервиса предложена функциональная модель, позволяющая выявить степень клиентоориентированности на уровне межличностных взаимодействий и на уровне организации.

Ключевые слова: сервисные предприятия, сервисный продукт, сервисный менеджмент, клиентоориентированность.

Введение

Клиентоориентированность для сервисной индустрии является ключевым элементом конкурентоспособности, философией бизнеса и стратегией построения взаимоотношений всех заинтересованных сторон. Проблема клиентоориентированности в сервисной индустрии с момента введения Р. Норманом [1] в научный оборот понятия «сервисный менеджмент» не перестает быть актуальной. Внимание исследователей сосредоточено преимущественно на вопросах качества сервиса [2]. Решение противоречия между целесообразностью стандартизации услуг и необходимостью обеспечения индивидуального, клиент-ориентированного подхода является предметом оживленных дискуссий [3]. Фрагментированность исследований в области взаимодействия с клиентами создает значительные проблемы для теории и практики сервисной деятельности, и, соответственно препятствует концептуальному продвижению в этой области.

В отечественной практике управления еще не сформирован общепринятый подход к оценке клиентоориентированности как на уровне межличностных взаимодействий, так и на уровне организаций. В связи с чем выстраивание концептуальных основ управления клиентоориентированностью составляет базис такой оценки, принципы, критерии, индикаторы и непосредственно систему рычагов воздействия. Таким образом, целью исследования является построение концептуальной модели управления клиентоориентированностью сервисного предприятия, что позволит определить факторы повышения уровня сервиса.

Методология

Теоретической основой формирования системы управления клиентоориентированностью сервисных организаций стали институциональная теория фирмы Уилмсона [4] (концепция специфических и интерспецифических ресурсов), логическим продолжением которой стала теория динамических возможностей Тисса, Пизано и Шуена [5], развившая ресурсный подход стратегического менеджмента [6] в направлении создания интегральной компетентности организации, так называемой корпоративной маневренности. Другими теоретическими источниками проведенного исследования стали холистическая теория маркетинга и парадигма сервисного менеджмента. Именно теория и практика сервисного менеджмента положена в основу управления клиентоориентированностью сервисных предприятий. Сервисный менеджмент возник на стыке различных областей знаний, основываясь на междис-

циплинарном подходе, он соединил методологию маркетингового менеджмента с акцентом на управление потребительским опытом (CEM—Customer Experience Management) [7] и маркетингом взаимодействия; управление человеческими ресурсами (HRM – Human Resource Management); операционного менеджмента, в частности тотального управления качеством (TQM – Total Quality Management); управления организационным поведением (OBM – Organizational Behavior Management) в трактовке Бира [8], Надлера и Тушмана [9], идеи взаимообусловленности развития институциональной среды и поведения человека, методологического принципа холистического персонализма.

В основу нашего исследования положены критерии качества услуг, заданные Гренроосом, который выделил техническую и функциональную стороны качества [10], действующие на восприятие потребителем полученной услуги. Также использована расширенная модель качества услуг Лехтиненов, которая включает следующие составляющие: материальную (что именно получает потребитель); интерактивную (как происходит обслуживание); корпоративную (влияние имиджа, репутации) и функциональную – воспринимаемое потребителем качество услуги [11].

При данном подходе функциональное качество интегрирует все остальные стороны качества услуги.

Особое значение имеет методический подход SERVQUAL предложенный Парасураман, Зайтамл и Берри для оценки качества услуг [12]. Авторская группа предложила 22 маркера качества услуги, объединенных в 5 критериев: надежность как способность предоставить все обещанные услуги точно в срок и в полном объеме; отзывчивость, то есть готовность персонала сотрудничать с клиентом, быстрое обслуживание и искреннее желание руководства и персонала помочь; индивидуальный подход к каждому покупателю на основе его личных потребностей (кастомизация); критерий осязаемости (материальность), то есть ожидания клиентов от окружающей среды предоставления услуги (современное оборудование, интерьер, внешний вид персонала); убежденность: компетентность, ответственность и уверенность обслуживающего персонала фирмы. Данный метод основан на оценке разрывов между ожидаемым и воспринимаемым качеством услуг. Его ценность заключается в интеграции маркетинговых методов анкетного опроса с управленческими методами преодоления выявленных разрывов.

Результаты исследований

В соответствии с логикой исследования продуктом деятельности сервисной индустрии выступает сервисный продукт, представляющий собой комплексную услугу, которая целостно интегрирует материальные и нематериальные составляющие процесса обслуживания через взаимодействие персонала и клиента и предполагает целенаправленное клиентоориентированное обслуживание.

Ориентированность клиента реализуется на разных уровнях и в разных формах. Различают межличностный и организационный уровни. Межличностная клиентоориентированность устанавливается как результат отдельных, точечных взаимодействий между клиентом и персоналом, сервисным персоналом и управленческим персоналом. Тогда как организационный уровень отражает целостное стратегически направленное организационное поведение клиентоориентированности сервиса. Учитывая двойственность понимания клиента, выделяют внутреннюю клиентоориентированность, которая нацелена на формирование лояльности персонала к корпоративным ценностям организации и внешнюю – сориентированную на положительный клиентский опыт, поведенческую и эмоциональную лояльность потребителя гостиничных услуг.

Качество сервиса и клиентоориентированность сервиса – связанные вопросы, однако они не тождественны. Качество обслуживания предполагает точность, скорость обслуживания, компетентность персонала, повторяемость одинакового уровня обслуживания и т.д. Качество лежит в основе процессного подхода и выражается в функциональной ценности, определяющей удовлетворенность клиента оказанной услугой на уровне стандарта обслуживания.

Клиентоориентированность сервиса опирается на качественный сервис, но и учитывает впечатление клиента, требует специфических организационных компетентностей: ощущения (знания и понимания) клиента (Customer Insights), наличия организационной культуры клиентоориентированного поведения внутри организации, что предполагает применение инструментов внутреннего маркетинга, способов реально существующего сотрудничества между работниками, а также корпоративной культуры, определяющей стандарты поведения сервисного персонала, ориентиры организационных изменений и развития. Ценностные ориентации, установки и стереотипы, мотивация, компетентности (знания и возможность обучения) персонала, особенно сервисного персонала, выступают базовой составляющей ориентации на клиента.

Таким образом, фокус управления клиентоориентированностью сервиса (COSM—Customer-oriented Service Management) направляется на стандартизацию качества сервиса с одной стороны и мониторинг, и оценку клиентского опыта с другой. Указанные процессы имеют циклический характер и тесно взаимосвязаны. Опыт клиентов можно рассматривать двойственно: как ощущение клиентов в результате процессов потребления продукта и как ответы на управленческие стимулы. Шмитт определил ключевой задачей маркетинга-создавать «ценный клиентский опыт», который составляет основу для управления впечатлениями клиентов – Customer Experience Management [13]. Он выделил пять различных типов опыта, назвав их стратегическими экспериментальными модулями (SEM): сенсорный опыт (SENSE); аффективные

переживания (FEEL); творческий познавательный опыт (THINK); физический опыт, поведение и образ жизни (ACT); опыт социальной идентичности, возникающий в результате отношения к референтной группе или культуры (RELATE) [14].

Главной задачей управления клиентским опытом является создание незабываемых впечатлений, положительного опыта на всем пути взаимодействия с клиентом [15].

Ожидания от сервиса, формируют ожидаемую ценность от потребления сервисного продукта и составляют критериальную основу желаемого клиентского опыта. На наш взгляд, можно выделить четыре уровня клиентского опыта:

ожидаемый (желаемый) – формируется маркетинговыми стимулами (репутацией, рекламой, отзывами клиентов) или уже имеющимся собственным опытом;

- статический – в данный момент времени, может касаться отдельных процессов в цепи взаимодействия с клиентом;
- динамический – общий взгляд, проявляющийся в результате потребления сервисного продукта;
- воспринимаемый – целостное впечатление от взаимодействия с сервисным продуктом после потребления услуги.

В процессе взаимодействия клиента с сервисным продуктом кристаллизуется его воспринимаемая ценность, оценивается качество и ориентированность персонала на потребности, интересы клиента, что в результате выражается в поведенческих характеристиках: положительном клиентском опыте, удовлетворенности, лояльности, желании рекомендовать компанию другим. Воспринимаемое качество сервисного продукта, в отличие от товарного продукта, является непостоянной, существенно вариированной и зависит как от личностных черт клиента, (психотип личности, ценности, привычки, прежний опыт получения аналогичных услуг), так и от организационной компетентности, психологической устойчивости и положительной эмоциональности персонала.

Согласно поведенческой теории, восприятие – субъективная категория, отражающая действительность в форме чувственного образа объекта. Поэтому один и тот же сервисный продукт может вызывать у разных клиентов разнородные эмоции и ощущения: восхищение, удовлетворение, неудовольствие, или раздражение. Уровень качества, в свою очередь, зависит от степени соответствия представлений клиента о реальном и желаемом уровне обслуживания. Критерием степени удовлетворенности клиента является его поведенческая реакция – желание в компанию еще раз, или эмоциональная – посоветовать это сделать своим друзьям и знакомым.

Качество сервисных услуг является динамичным процессом, следовательно требует перманентного повышения уровня предоставленных компанией гарантий и доверия к ней со стороны клиентов, что адекватно описывается моделью непрерывного совершенствования PDCA Демин-

га – Шухарта [16] (Plan – Do – Check – Act) планирование – осуществление – проверка – корректирующее действие, или моделью DMAIC (англ. define – определять, measure – измерять, analyze – анализировать, improve – совершенствовать, control – контролировать). При этом важно учитывать исходные положения тотального управления качеством сервисного продукта (TQM), которые опираются на следующие принципы и легли в основу международного стандарта ISO 9000:2015, определяющего систему управления качеством:

1. Ориентация на потребителя – является фундаментальным принципом TQM, который раскрывается в том, что потребитель оценивает сервисный продукт через призму собственного восприятия уровня качества.

2. Привлечение персонала – обеспечивает постоянную совместную работу всех сотрудников предприятия по созданию ценности сервисного продукта и постоянному его совершенствованию.

3. Процессный подход рассматривает деятельность организации как набор действий, превращающих вложенные ресурсы в сервисный продукт – услугу, реализуемую потребителям.

4. Холистичность системы заключается в интеграции процессов отдельных подразделений, что позволяет ей достигать стратегических целей.

5. Непрерывное улучшение качества и процессов позволяет организации быть динамичной и гибкой, постоянно применять новые методы повышения своей конкурентоспособности и эффективности.

6. Принятие управленческих решений на основе фактов, подтвержденных свидетельств о деятельности организации, которые постоянно собираются и анализируются для улучшения работы.

7. Коммуникации и взаимоотношения с внутренними и внешними заинтересованными сторонами, управление и поддержка обратной связи с клиентами, поставщиками, мотивация сотрудников всех уровней управления.

Корректировка качества сервисного продукта происходит циклически, а отслеживание качества сервиса в точках взаимодействия, построение карты опыта клиента позволяют: во-первых, изучить потребительские предпочтения и оценки качество сервиса; во-вторых, определить разрывы между ожидаемой и принятой ценностью сервисного продукта; в-третьих, осуществить контроль качества работы персонала; в-четвертых, откорректировать сервисный продукт в соответствии с клиентской моделью его восприятия.

Учитывая вышеизложенное, признаки клиентоориентированности предприятий сервисной индустрии включают следующие:

1. Наличие миссии и стратегии, ориентированных на потребности (запросы) клиента. Организация нацелена на развитие долговременных отношений с клиентами, миссия понятна для каждого сотрудника.

2. Ценность клиента как доминанта корпоративной культуры реализуется на всех уровнях управ-

ления, во всех подсистемах и подразделениях организации. Ценность клиента проявляется на двух уровнях: внутреннем – персонал и внешнем – клиент.

3. Субъектом реализации сервиса – является персонал предприятия.

4. Компании создают корпоративную культуру внимательного отношения к клиенту как человеку – и внутреннему, и внешнему. Удовлетворенность и вовлеченность персонала составляет основу качественного сервиса, а удовлетворенность клиента, его лояльность и приверженность – источник дохода предприятия.

5. Знание и понимание потребностей каждого отдельного клиента дает возможность формировать уникальные предложения, предоставлять качественный сервисный продукт, что как минимум соответствует ожидаемой ценности и служит компасом улучшения клиентского опыта.

6. Создаются возможности и условия для производства сервисного продукта (обеспечение обученным персоналом, материальными ресурсами, технологиями). Учитываются цели и интересы всех вовлеченных в сервисную деятельность сторон.

Управление клиентоориентированным сервисом – многоэтапный непрерывный процесс принятия и реализации управленческих функций (планирование, организация, мотивация, контроль) по производству и продвижению сервисного продукта с повышенной потребительской ценностью, направление усилий на обеспечение удовлетворенности клиентов, формирование их доверия и лояльности.

На рис. 1 представлено авторское концептуальное видение процессов менеджмента клиентоориентированностью сервиса в сервисных предприятиях.

Рис. 1. Концепция менеджмента клиентоориентированностью сервиса

Изображенная на рис. 1 концепция управления клиентоориентированностью сервиса представляет собой систему теоретических и методологических взглядов на определение содержания, целей,

сущности, задач, критериев и методов создания потребительской ценности сервисного продукта. Целью управления клиентоориентированностью сервиса является формирование положительного клиентского опыта, впечатлений и эмоций клиента при взаимодействии с сервисной компанией для достижения бизнес-целей через высокие значения ключевых поведенческих характеристик.

Приведенные ниже принципы управления клиентоориентированным сервисом интегрируют методологические основы маркетингового менеджмента, управления персоналом, тотального управления качеством и управления организационным поведением:

1. Целостность системы клиент-ориентированности, ее связь с другими процессами и характеристиками предприятия, поскольку отдельно ее элементы не дают результата.
2. Ценность внешнего и внутреннего клиента – приоритет деятельности организации. Понимание клиента и отслеживания его потребительских предпочтений на постоянной основе.
3. Мониторинг оценки качества сервисного продукта и диагностика удовлетворенности клиента с использованием модели восприятия качества.
4. Формирование ценностей клиентоориентированности в организации (воспитание культуры).
5. Обучение персонала и развитие компетентностей, внедрение методов взаимодействия.
6. Стандартизация работы персонала и контроль качества его работы.
7. Лояльность к сотрудникам и создание действенной системы мотивации персонала.
8. Организация управления процессом клиентоориентированности (наличие центра ответственности за клиентский сервис).
9. Внедрение технологий клиентоориентированности (CRM, системы лояльности клиентов).
10. Наличие внутреннего сервиса и внутреннего маркетинга.
11. Формирование социально-ответственных коммуникаций, брендинг и управление репутацией.
12. Периодическая диагностика и постоянный мониторинг степени клиентоориентированности.
13. Динамичность и гибкость организационных изменений обеспечивает гарантии сервиса, его надежность, то есть действенность на постоянной основе.
14. Оценочные показатели клиентоориентированности определяются через результативность управленческой деятельности.

Концепция управления клиентоориентированностью разрабатывается с учетом текущих изменений потребностей, требований, поведения потребителей, технологий, а также конкурентной среды бизнеса. На основе изложенной выше концепции предложена система менеджмента клиентоориентированностью сервиса, приведенная на рис. 2, включающая следующие подсистемы:

1. Формирование функционального качества сервисного продукта. Функциональное качество включает материальные (осязаемые) и неуловимые качества услуг.

2. Поддержка сервисного продукта. Обеспечивается удовлетворенностью персонала условиями труда, социально-психологическим климатом в коллективе, перспективами карьерного роста, стилем и методами управления в целом; взаимодействием в коллективе. Также данная подсистема обеспечивает беспрепятственность взаимодействия клиента с предприятием, определяет насколько минимальными являются усилия клиента на всем пути клиентского опыта.

3. Поддержка клиент-ориентированности происходит на двух уровнях: внешнем и внутреннем. В первом случае осуществляется благодаря формированию у персонала компетентностей клиент-ориентированного сервиса, в частности вовлеченности персонала (проявляется в осведомленности с миссией и целями клиент-ориентированности организации и ежедневной трансляции корпоративной культуры; чувствительности (эмпатии) персонала к проблемам клиента, важности интересов клиентов для предприятия. Во втором случае поддержка проявляется в формировании внутренней клиент-ориентированности, то есть попечительстве руководства предприятия вопросами обучения персонала, комфортности условий труда, ценности усилий работников.

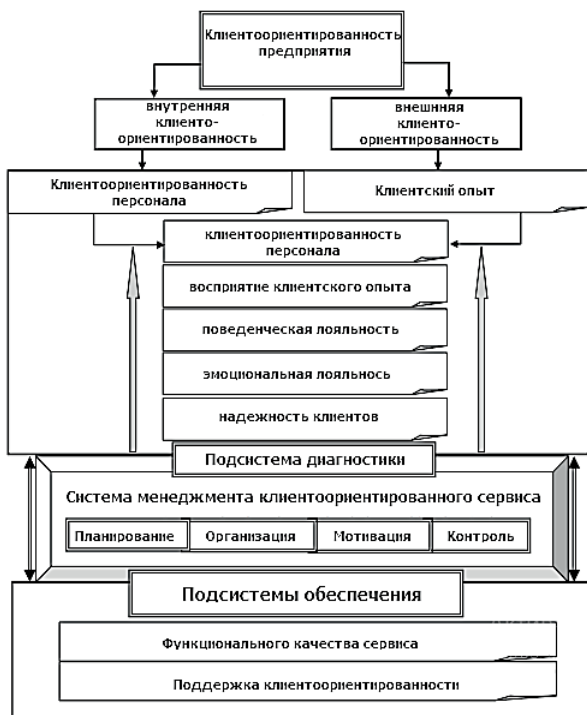

Рис. 2. Составляющие системы менеджмента клиентоориентированности сервиса

4. Диагностика и мониторинг клиентоориентированности. Данная подсистема основывается на отслеживании на постоянной основе ключевых метрик клиентоориентированности, установки взаимосвязи между факторами, индикаторами и поведенческими реакциями клиентов. По результатам данных процедур осуществляется оценка управления клиентоориентированностью организации, для проведения которой применяются эмпирические

маркетинговые исследования потребительского восприятия клиентского опыта, на основе которых вносятся коррективы в стандарты обслуживания, действия персонала, меры управления взаимоотношениями с клиентами.

Приведённая на рис. 2 система менеджмента позволяет определить степень клиентоориентированности на уровне межличностных взаимодействий и на уровне организации.

Выводы

Методология проведенного исследования основывается на интеграции методов маркетингового менеджмента, управления человеческими ресурсами, организационного поведения и операционного менеджмента.

В результате проведенных исследований концептуальных основ менеджмента клиентоориентированности сервиса выделены признаки клиентоориентированности: искренний интерес к клиенту; создание культуры клиентоориентированности; управление на основе постоянного мониторинга данных и фактов, поддержка обратной связи; ориентированность на процесс, управление процессом и совершенствование процесса; проактивное (опережающее) управление; учет запросов клиентов (внутренних и внешних); стремление к совершенству через внедрение стандартов обслуживания; взаимодействие без границ, вовлеченность персонала в задачи, связанные с клиентским опытом (прозрачность внутренне-корпоративных барьеров, регулярное обучение).

Сочетание процессного, ценностного и поведенческого подхода позволило сформулировать принципы управления клиентоориентированностью сервиса: целостность, ценность клиента (внутреннего и внешнего), сотрудничество и лояльность к работникам, стандартизация качества; социальная ответственность в коммуникационной и организационной деятельности; результативность управленческой деятельности; динамичности и гибкости организационных изменений.

Предложена система менеджмента клиентоориентированностью сервиса, включающая следующие подсистемы: формирование функционального качества сервисного продукта; поддержка сервисного продукта; поддержка внешней и внутренней клиентоориентированности; диагностика и мониторинг клиент-ориентированности.

Для измерения результативности управления клиентоориентированностью сервиса разработана функциональная модель, позволяющая определить степень клиентоориентированности на уровне межличностных взаимодействий и на уровне организации.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях для разработки инструментальных методик управления клиентоориентированностью сервисных предприятий.

Литература

1. Normann, R. Service management: strategy and leadership in service business. – New York: Wiley, 1991. – 143 p.
2. Gao, Y. L., Mattila, A.S. Improving consumer satisfaction in green hotels: The roles of perceived warmth, perceived competence, and CSR motive. *International Journal of Hospitality Management*. 2014. Vol.42. P. 20–31.
3. Волк Е. Н., Харитоновна Н.В. Управление созданием впечатлений в сервисе через творческий подход в работе // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2019. – № 2. – С. 42–56
4. Williamson, O.E. The theory of the firm as governance structure: from choice to contract. *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16 (3). P. 171–195.
5. Teece, D., Pisano, G., Shuen, A. Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*. 1997. Vol. 18 (7). P. 509–533.
6. Eisenhardt, K. M., Martin, J.A. Dynamic Capabilities: What Are They? *Strategic Management Journal*. 2000. Vol. 21(10–11). P. 1105–1121
7. Becker, L., Jaakkola, E. Customer experience: fundamental premises and implications for research. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48. P. 630–648
8. Beer, M. Organizational behavior and development. Harvard Business School. 1998. Режим доступа: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=12235> (дата обращения: 06.08.2023).
9. Nadler, D. A., Tushman, M. L. A model for diagnosing organizational behavior. *Organizational Dynamics*. 1980. Vol. 9 (2). P. 35–51.
10. Gronroos, C. From Scientific Management to Service Management: A Management Perspective for the Age of Service Competition. *International Journal of Service Industry Management*. 1994. Vol. 5 (1). P. 5–20.
11. Lehtinen, U. and Lehtinen, J.R. Service Quality: A Study of Quality Dimensions. Working Paper. – Helsinki: Service Management Institute, 1982. – 176 p.
12. Parasuraman, A., Zeithaml, V., Berry, L. Conceptual model of service quality and its implications for further research. *The Journal of Marketing*. 1985. Vol. 49 (4). P. 41–50.
13. Schmitt, B.H. Customer experience management: A revolutionary approach to connecting with your customers. – New York: John Wiley & Sons, 2003. – 242 p.
14. Schmitt, B. Experiential marketing. *Journal of marketing management*. 1999. Vol. 15 (1–3). P. 53–67.
15. Платов А. В., Новичкова И.А., Литвинова О.И., Хореева Н.К. Менеджмент впечатлений в туризме // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2022. – Т. 8, № 4. – С. 36–49.
16. Деминг, Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процес-

сами. – Москва: Альпина Паблицер, 2011–419 с.

MANAGEMENT OF CUSTOMER-ORIENTED SERVICE ENTERPRISES

Novichkova I.A., Udalov D.E., Silaeva A.A., Petrash E.V., Dmitrieva N.V.

Moscow State University of Sports and Tourism, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian State University of Tourism and Service, Candidate V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

The purpose of the study was to form a conceptual model of customer-oriented management of a service enterprise, which allows identifying factors for improving the level of service. The methodology of the presented research is based on the integration of marketing management methods, human resource management, organizational behavior and operational management. The features, types and levels of customer orientation of the service industry were determined. The concept of customer-oriented service activity management has been developed, which combines the principles of marketing management, human resource management, general quality management and consumer value management of a service product using organizational behavior. A customer orientation management system of a service enterprise is proposed, which includes four subsystems: the formation of the functional quality of the service product, support for the service product, support for external and internal customer orientation, diagnostics and monitoring of customer orientation. To measure the effectiveness of customer-oriented service management, a functional model is proposed that allows identifying the degree of customer orientation at the level of interpersonal interactions and at the level of the organization.

Keywords: service companies, service product, service management, customer orientation

References

1. Normann, R. Service management: strategy and leadership in service business. – New York: Wiley, 1991. – 143 p.
2. Gao, Y. L., Mattila, A.S. Improving consumer satisfaction in green hotels: The roles of perceived warmth, perceived competence, and CSR motive. *International Journal of Hospitality Management*. 2014. Vol.42. P. 20–31.
3. Volk E. N., Haritonova N.V. Managing the creation of impressions in the service through a creative approach to work [Управление созданием впечатлений в сервисе через творческий подход в работе]. *Sovremennyye problemy servisa i turizma = Modern problems of service and tourism*. 2019. No 2. Pp. 42–56 (in Russ.).
4. Williamson, O.E. The theory of the firm as governance structure: from choice to contract. *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16 (3). P. 171–195.
5. Teece, D., Pisano, G., Shuen, A. Dynamic capabilities and strategic management. *Strategic Management Journal*. 1997. Vol. 18 (7). P. 509–533.
6. Eisenhardt, K. M., Martin, J.A. Dynamic Capabilities: What Are They? *Strategic Management Journal*. 2000. Vol. 21(10–11). P. 1105–1121
7. Becker, L., Jaakkola, E. Customer experience: fundamental premises and implications for research. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48. P. 630–648
8. Beer, M. Organizational behavior and development. Harvard Business School. 1998. Available at: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=12235> (accessed: 06.08.2023).
9. Nadler, D. A., Tushman, M. L. A model for diagnosing organizational behavior. *Organizational Dynamics*. 1980. Vol. 9 (2). P. 35–51.
10. Gronroos, C. From Scientific Management to Service Management: A Management Perspective for the Age of Service Competition. *International Journal of Service Industry Management*. 1994. Vol. 5 (1). P. 5–20.
11. Lehtinen, U. and Lehtinen, J.R. Service Quality: A Study of Quality Dimensions. Working Paper. – Helsinki: Service Management Institute, 1982. – 176 p.
12. Parasuraman, A., Zeithaml, V., Berry, L. Conceptual model of service quality and its implications for further research. *The Journal of Marketing*. 1985. Vol. 49 (4). P. 41–50.

13. Schmitt, B.H. Customer experience management: A revolutionary approach to connecting with your customers. – New York: John Wiley & Sons, 2003. – 242 p.
14. Schmitt, B. Experiential marketing. *Journal of marketing management*. 1999. Vol. 15 (1–3). P. 53–67.
15. Platov A.V., Novichkova I.A., Litvinova O.I., Khoreeva N.K. Impression management in tourism [Menedzhment vpechatlenij v turizme]. Nauchnyj rezul'tat. *Tekhnologii biznesa i servisa = Scientific result. Business and service technologies*. 2022. No 8(4). Pp. 36–49 (in Russ.).
16. Deming, E. Vyhod iz krizisa: Novaya paradigma upravleniya lyud'mi, sistemami i processami [Overcoming the crisis: A new paradigm of managing people, systems and processes]. Moscow: Al'pina Pablsher – Alpina Publisher. 2011. 419 p. (in Russ.).

Зарубежный опыт использования финансовых технологий

Васильев Игорь Иванович,

к.э.н., доцент Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: vasilev-1962@inbox.ru

Актуальность темы – исследование роли финансовых, банковских продуктов и технологий в повышении эффективности работы банковской системы за рубежом, для использования, применения и которая обусловлена необходимостью активизации инновационных процессов в национальной экономической системе в целом и банковском секторе в частности, высокой степенью взаимообусловленности состояния инновационной сферы и темпов развития банковской системы в России, а также для активного развития банковского сектора и цифровизации всей экономики.

Ключевые слова: финансовые технологии, банковская система, финтех, финтех-индустрия, банковская деятельность.

На сегодняшний день рынок финансовых технологий показывает себя как одна из самых быстрорастущих отраслей в мире. В действительности этот факт означает, что те проекты и решения, которые ещё вчера казались чем-то фантастическим, сегодня находят отражение на практике.

У индустрии финансовых технологий есть определённые драйверы развития. Во-первых, страна, развивающая эту сферу экономики, должна обладать развитой традиционной финансовой инфраструктурой, которая будет служить базой для развития финтеха. Во-вторых, Государство всегда является основоположником для развития любых новых программ на своей территории, поэтому наличие грамотного законодательства и эффективного регулирования в области финансовых технологий является одним из основных аспектов обеспечения их развития в стране.

Решения в области финансовых технологий должен кто-то генерировать, поэтому немаловажным драйвером является наличие креативных кадров, людей с соответствующим образованием, способные придумать и реализовать проект инновации. В случае, если среди резидентов страны таких кадров не хватает, стоит рассмотреть аспект наличия благоприятности условий для «притока мозгов» из-за рубежа.

Следующим пунктом, стимулирующим развитие, стоит отметить лояльность со стороны населения, как основного пользователя, к финансовой системе в целом и конкретно к новым технологиям в этой области. Склонность клиентов к традиционным сервисам, низкая финансовая грамотность и недостаточное доверие к инновациям в этой области снижает необходимость и эффективность внедрения финтеха практически до нуля, ведь какой смысл создавать что-то новое, если этим никто не будет пользоваться.

Высокий интерес к финтех-стартапам со стороны инвесторов хоть и не является необходимым условием развития, тем не менее оказывает определённое влияние. По некоторым данным в России большинство проектов развивается за счёт собственных средств разработчиков, которых может быть недостаточно для их полной реализации. Бизнес-ангелами многих проектов являются родственники и знакомые создателей, что может вызывать дополнительные финансовые и юридические проблемы в неблагоприятных исходах.

Показателем развития финансовых технологий в стране может служить уровень проникновения финтех-услуг.

На рисунке 1 отражены уровни этого индекса по данным ЕУ в проанализированных странах, основанных на доле пользователей финтех-услугами среди населения, активно использующего цифровые технологии. Как видно из графика, в 2021 году Россия занимает достаточно высокую позицию, а именно третье место, с оценкой в 82%, опережают по этому показателю Китай и Индия (87%). Тройка лидеров оставалась неизменной с 2017 года. Высокие показатели у развивающихся стран могут быть объяснены демографическими показателями, однако, это не отменяет факта, что наибольший интерес к финтех-услугам наблюдается среди населения стран из топ-10 этого списка.

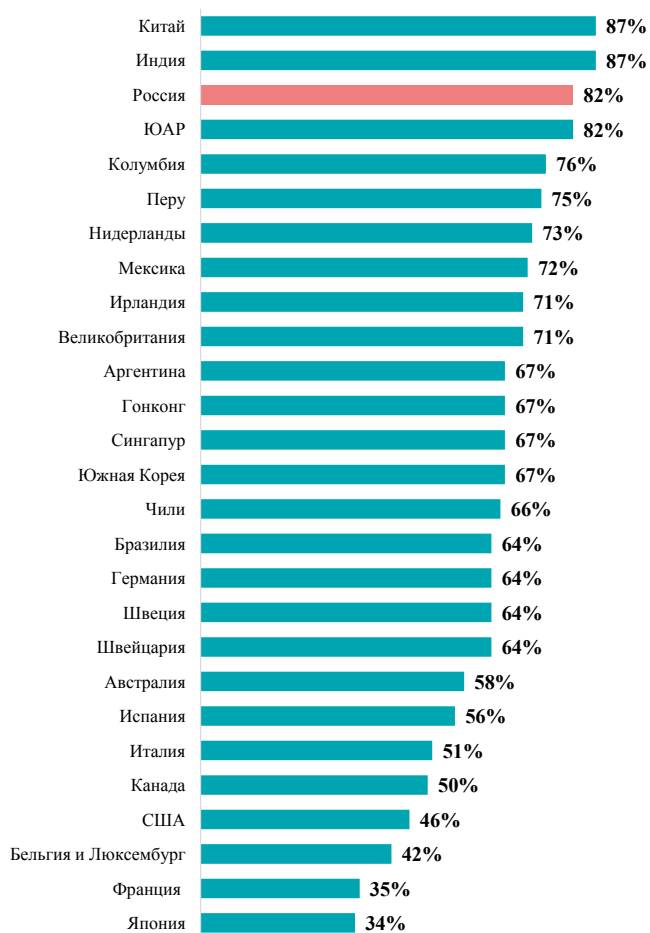

Рис. 1. Уровень проникновения финтех-услуг на 2021 год
Источник: ЕУ, «Индекс проникновения услуг финтех 2021».

Мировой опыт внедрения и развития финансовых технологий состоит из многих уникальных путей, в связи с этим его рассмотрение стоит разделить на три категории: американский, азиатский и европейский.

Финансовые инновации в Америке и Азии (в частности, в Китае) происходят в основном по инициативе крупных технологических компаний – бигтехов, таких как FAMGA (Facebook, Apple, Microsoft, Google, Amazon) и BAT (Baidu, AntFinancial / Alibaba и Tencent). Эти крупные игроки изначально начали строить экосистемы, а внедрение

финансовых услуг стало логичным продолжением этого развития. Одной из предпосылок такому пути развития финтеха можно выделить, например, достаточно низкий уровень доверия к финансовым институтам и крайне высокий к технологическим компаниям за последние 10 лет (рис. 2).

Рис. 2. Уровень доверия к промышленным секторам в мире

Источник: Edelman Trust Barometer 2022 [11].

Также немаловажную роль играет сущность бигтехов – это крупнейшие игроки рынка, обладающие достаточным количеством средств на покупку и разработку финансовых технологий. К тому же за период своего существования они успели наработать значительную клиентскую базу, привыкшую к функционалу сервисов, предоставляемых FAMGA и BAT.

По данным KPMG на 2021 года в американском регионе был установлен рекорд за последние четыре года относительно количества сделок в области финтеха. Общий объем инвестированных средств равен 105,3 млрд долларов (из них 65 млрд долларов являлось венчурным инвестированием, что в свою очередь также является рекордом с 2019 года, когда общий объем сделок составлял 1,5 млрд долларов, рис. 3).

Рис. 3. Объем инвестиций (млрд долларов) и количество сделок в области финтеха в американском регионе

Источник: Pulse of Fintech H2'21, Global Analysis of Investment in Fintech, KPMG International (data provided by PitchBook) [12].

Эти данные свидетельствуют о повышающемся уровне заинтересованности инвесторов американского региона в инвестировании не только в финансовые технологии, но и в стартап-проекты.

Среди особенностей развития финансовых технологий в США стоит отметить следующее [6].

- 14 из 31 мировых финтех-«единорогов» (компаний, чья капитализация составила более 1 млрд долларов за короткий временной промежуток) получили своё начало и развитие в США.
- Самое большое количество кадров в сфере финтеха работают в Калифорнии, здесь и в Нью-Йорке расположен огромный интел-

лектуальный ресурс, поэтому именно эти штаты стали центрами развития финансовых технологий в США. Вдобавок к этому Силиконовая долина, где осуществлено действие налоговых для бизнеса с 2014 года, предоставляет крайне благоприятный климат для развития стартапов, а местный университет Дрейпера (Draper University) осуществляет работу краткосрочных бизнес-курсов и предоставляет целевые гранты на стартап-проекты. Льготное налогообложение стартапов, акселератор для инновационного бизнеса Startupbootcamp и электронная платформа fintech Studios, оказывающая помощь бизнесу в продвижении продуктов, в Нью-Йорке также оказывают своё положительное влияние на развитие отрасли.

- Компании, предоставляющие банковские услуги на основе финансовых технологий получили возможность заниматься своим бизнесом на правах регулируемого банка благодаря инициативе Управления Контролёра денежного обращения США (независимое подразделение Минфина США).

Рассматривая особенности развития финтех в Канаде, стоит отметить, что здесь стартапам необходимо конкурировать или работать на взаимовыгодных условиях с пятью крупнейшими банками страны (Royal Bank of Canada, Toronto-Dominion Bank, Bank of Nova Scotia, Bank of Montreal, Canadian Imperial Bank of Commerce), которые в свою очередь также активно цифровизируются. Например, одним из последних нововведений Canadian Imperial Bank of Commerce стала цифровая аутентификация, которая представляет собой подтверждение личности по фотографии документа государственного образца и лица пользователя с помощью алгоритмов машинного обучения. В то же время финтех-стартапы не отстают в удобстве предложений для клиентов и эффективно функционируют в области платежей, инвестиций и кредитования, а по оценкам экспертов в ближайшем будущем финтехи имеют шанс привлечь около четверти клиентов традиционных банков [6].

США и Канада относятся к числу стран, где разрешены платежи криптовалютами, на территории штатов работают крупнейшие криптовалютные хедж-фонды и биржи. В середине 2017 года Комиссия по ценным бумагам и биржам США признала токены ценными бумагами. В то же время ЦБ Канады в середине 2021 года признал существенную роль токена в цифровизации канадской экономики и начал поиск специалистов в криптосфере с целью реализации проекта канадских CBDC.

Продолжая тему влияния бигтехов на банковский сектор, стоит обратиться к азиатскому опыту в этой сфере. По данным KPMG, инвестиции в финтех на конец 2021 года составили 27,5 млрд долларов за 1165 сделок и, хоть этот показатель не преодолел рекорд 2018 года, по объёму он выше практически в два раза по сравнению с 2020 годом (рис. 4).

Сегодня Китай выделяется и вносит значительный вклад в развитие финтеха в азиатском регионе. Развитие индустрии финансовых технологий начало происходить с 2013 года. За это время правительство КНР провело реформы, что на повышение роста мобильного Интернета и снижения депозитных ставок, что привело к развитию: P2P-кредитование, онлайн-страхование, платежи электронными деньгами и их переводы.

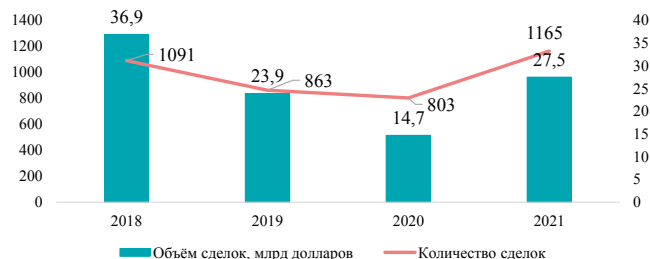

Рис. 4. Объём инвестиций (млрд долларов) и количество сделок в области финтеха в азиатско-тихоокеанском регионе

Источник: Pulse of Fintech H2'21, Global Analysis of Investment in Fintech, KPMG International (data provided by PitchBook) [12].

Основной особенностью бигтехов Китая является их ориентировка на розничную торговлю, в отличие от крупных игроков американских и европейских рынков, которые ориентированы на бизнес. Здесь, функционируют несколько крупных игроков, занимающих почти весь финтех-рынок: Baidu, Alibaba, AntFinancial и Tencent. Они используют свою обширную клиентскую базу одного сегмента для продаж продуктов [5].

Очень интересен опыт компании Tencent, которая в 2011 году запустила проект мессенджера WeChat. Сегодня WeChat – это один из лучших успешных примеров суперпаппа: в нём собрано более 580 тысяч мини-программ, а данным Tencent, у них 170 миллионов активных пользователей ежедневно. Во время проведения нового года в Китае, количество денежных переводов через WeChat превосходит транзакции PayPal за годовой период. Приложение построено таким образом, чтобы пользователь мог совершить все возможные операции в течение дня, не выходя из него. Такой подход, с одной стороны, даёт преимущества для пользователя: удобство пользования, ускорение рутинных, в том числе и финансовых, операций; однако, также приносит ряд негативных аспектов, вызываемых всеми вариациями экосистем: ограничение пользователя в выборе услуг только бигтеха и его партнёров, монополизация рынка и угроза ухудшения качества, формирование модели «бесконечного потребления».

Примечателен опыт Индии как представителя развивающихся стран. В 2014 году начал своё развитие проект «Делай в Индии», предложенный премьер-министром Нарендром Модии, согласно которому получил значительный толчок сектор ИКТ. К 2016 году в три раза возросло количество интернет-пользователей (почти 30% от населения), возросли прямые иностранные инвестиции в теле-

коммуникационный сектор (с 2,9 млрд долларов в 2014 году до 5,5 млрд долларов к 2017). Сектор ИКТ вырос до 7,7% от ВВП. Появились международные производственные кибер-города (аналоги Силиконовой долины в США), где компания PayPal сегодня является одним из крупных мировых финтехов [8].

Переходя к рассмотрению европейского опыта развития финансовых технологий, стоит отметить, что здесь финансовые технологии развиваются не столько благодаря крупным технологическим компаниям, сколько на основе взаимодействия трёх участников рынка: финтех-стартапов, пользователей и регулятора. Здесь традиционные участники рынка чаще выполняют свои классические функции, прибегая к взаимодействию со стартапами с целью повышения эффективности своей деятельности.

По данным KPMG, в регионе ЕБВА инвестиции в индустрии финансовых технологий за 2021 год достигли 77,4 млрд долларов США (1859 сделок), наибольшую долю среди них занимали сделки слияний и поглощений (на втором месте – венчурное

инвестирование, затем прямые инвестиции). Это абсолютный рекорд как по объёму, так и по количеству сделок за последние 4 года (рис. 5). KPMG отмечает, что наибольшую долю среди венчурного инвестирования занимали вливания в цифровой банкинг.

Рис. 5. Объём инвестиций (млрд долларов) и количество сделок в области финтеха в регионе ЕБВА

Источник: Pulse of Fintech H2'21, Global Analysis of Investment in Fintech, KPMG International (data provided by PitchBook) [12].

Наибольшую роль в таком пути развития сыграло применение технологии открытых API. Аналитический портал Innopay подготовил карту банков, практикующих Open Banking (рис. 6).

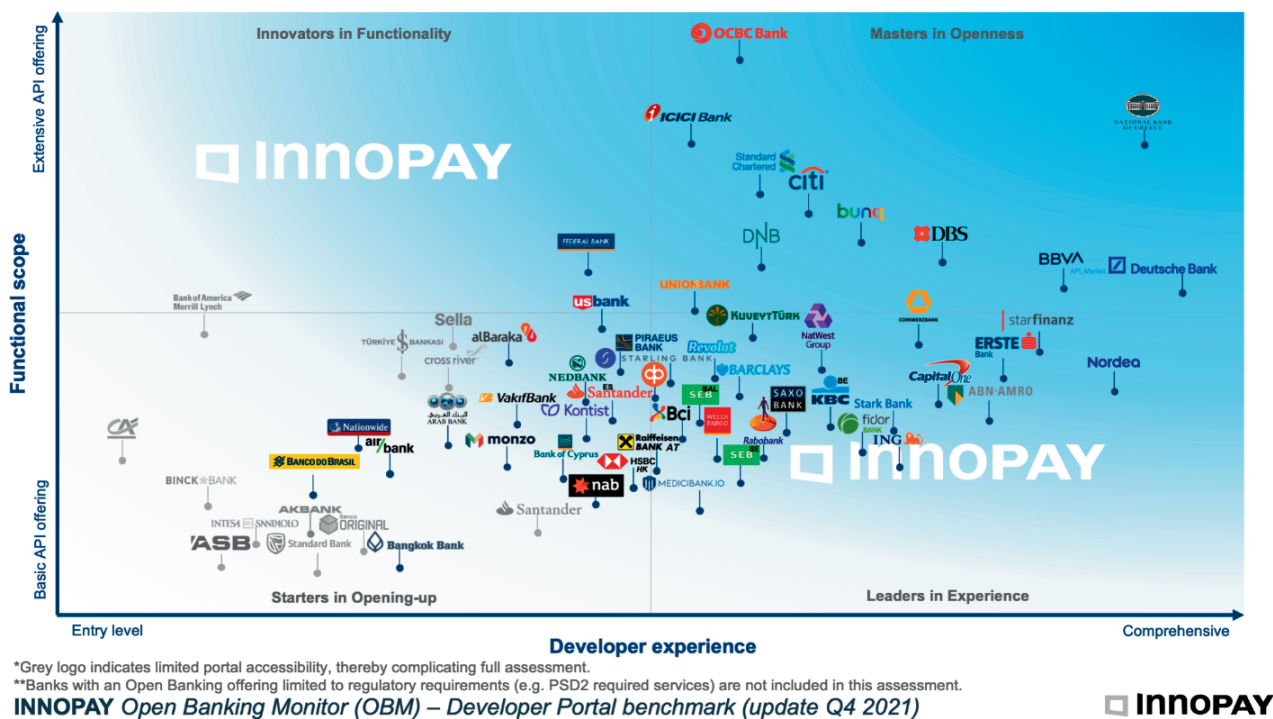

Рис. 6. Карта банков, практикующих Open Banking

Источник: Open Banking Monitor, 2021. INNOPAY. – URL: <https://www.innopay.com/en/innopay-open-banking-monitor> (дата обращения: 22.07.2023) [13].

Эта карта свидетельствует о том, что даже многие банки-лидеры готовы внедрять технологию и делиться своими данными со сторонними разработчиками на взаимовыгодных условиях.

Стоит отметить, что ведущими странами в области регулирования открытых API являются: Великобритания, страны Европейского союза, Китай, Индия, Австралия, Сингапур и др. Пионерами среди них стали страны Европейского союза, где, согласно Второй платёжной директиве (Payment

Services Directive 2, PSD 2), вступившей в силу в 2018 году, была описана концепция открытого банкинга. Целью PSD2 является существенное изменение европейского рынка платёжных услуг, в частности, с помощью повышения уровня конкуренции, снижения стоимости платёжных услуг и улучшения качества и разнообразия платёжных организаций [7]. Эта платёжная директива устанавливает, что европейские провайдеры финансовых услуг обязуются с согласия клиента без-

возмездно предоставлять данные к клиентским расчётным счетам.

Помимо этого, в рамках директивы вводятся понятия финансовых посредников: сервисы по инициации платежей (посредники между банком клиента и поставщиком сторонних продуктов и услуг) и сервисы по агрегации платёжной информации (платформа, собирающая аналитику о потребителе и предоставляющая её как самому пользователю, так и третьей стороне по согласию клиента) [9]. В следствие введения PSD2 и деятельности в сфере открытого банкинга было заработано около 7% выручки европейских банков (61 млрд евро) в 2020 году, согласно данным консалтинговой компании Accenture, а в Великобритании, как прогнозирует PwC, к 2022 году Open Banking способствует генерации 7,2 млрд фунт стерлингов выручки [10].

Сегодня финансовые технологии – это одно из самых основных направлений для развития цифровизации в современном мире. Растущее семейство надежных технологических средств для личных и коммерческих финансов увеличивает их использование и влияние. Они меняют финансовый мир с растущими темпами, и есть существенная объективная составляющая, подтверждающая, что эти перемены происходят к лучшему.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон № 395–1-ФЗ [Принят Председателем Верховного Совета РСФСР 2 декабря 1990 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 10.05.2021).
2. Российская Федерация. Законы. О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон № 211-ФЗ [Принят Государственной Думой 9 июля 2020 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357765/ (дата обращения: 21.05.2021).
3. Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон № 115-ФЗ [Принят Государственной Думой 13 июля 2001 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 14.02.2022).
4. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 259-ФЗ [Принят Го-

сударственной Думой 22 июля 2020 года]. – Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Текст: электронный. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 23.02.2022).

5. Бакулина А. А., Попова В.В. Влияние финтех на безопасность банковского сектора // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. – С. 84–89.
6. Бондаренко А. В., Евдокимова Ю.В., Шинкарева О.В. Рынок финансовых технологий США и Канады //Россия и Америка в XXI веке. – 2018. – № . 4. – С. 3–11.
7. Криворучко С. В., Лопатин В.А. Влияние имплементации открытого банкинга на развитие национального сектора Финтех //Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11. – № . 6. – С. 80–90.
8. Перминов В.А. Развитие сектора ИКТ в Индии //Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 8. – С. 127–134.
9. Рзаева В. В., Мамедов М.А. – Развитие деятельности открытого банкинга на основе внедрения технологий открытых интерфейсов программирования // Национальная безопасность / nota bene. – 2021. – № 4. – С. 41–52.
10. Как технология Open API меняет рынок традиционного банкинга. Сетевое издание «Rusbase». [Электронный ресурс]. – URL: <https://rb.ru/longread/open-api/> (дата обращения: 22.07.2021).
11. Edelman Trust Barometer, 2022. Edelman. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer> (дата обращения: 22.07.2021).
12. Pulse of Fintech H2'21, Global Analysis of Investment in Fintech, 2022. KPMG. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2022/02/pulse-of-fintech-h2-21.pdf> (дата обращения: 22.07.2021).
13. Open Banking Monitor, 2021. INNOPAY. – URL: <https://www.innopay.com/en/innopay-open-banking-monitor> (дата обращения: 22.07.2021).

FOREIGN EXPERIENCE IN THE USE OF FINANCIAL TECHNOLOGIES

Vasilyev I.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the topic is the study of the role of financial, banking products and technologies in improving the efficiency of the banking system abroad, for use, application and which is due to the need to intensify innovation processes in the national economic system as a whole and the banking sector in particular, a high degree of interdependence of the state of the innovation sphere and the pace of development of the banking system in Russia, as well as for the active development of the banking system sector and digitalization of the entire economy.

Keywords: financial technologies, banking system, fintech, fintech industry, banking.

References

1. Russian Federation. Laws. On banks and banking activities: Federal Law No. 395–1-FZ [Adopted by the Chairman of the Supreme Council of the RSFSR on December 2, 1990]. – Legal reference system “Consultant Plus”. – Text: electronic. – URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (date of access: 05.10.2021).
2. Russian Federation. Laws. On carrying out financial transactions using a financial platform: Federal Law No. 211-FZ [Adopted by the State Duma on July 9, 2020]. – Legal reference system “Consultant Plus”. – Text: electronic. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357765/ (access date: 05.21.2021).
 3. Russian Federation. Laws. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 115-FZ [Adopted by the State Duma on July 13, 2001]. – Legal reference system “Consultant Plus”. – Text: electronic. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (access date: 02.14.2022).
 4. Russian Federation. Laws. On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ [Adopted by the State Duma on July 22, 2020]. – Legal reference system “Consultant Plus”. – Text: electronic. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (date of access: 02.23.2022).
 5. Bakulina A. A., Popova V.V. The influence of fintech on the security of the banking sector // Economics. Taxes. Right. 2018. No. 2. – pp. 84–89.
 6. Bondarenko A.V., Evdokimova Yu.V., Shinkareva O.V. Market of financial technologies in the USA and Canada // Russia and America in the XXI century. – 2018. – No. 4. – pp. 3–11.
 7. Krivoruchko S. V., Lopatin V.A. The impact of the implementation of open banking on the development of the national Fintech sector // Economics. Taxes. Right. – 2018. – T. 11. – No. 6. – pp. 80–90.
 8. Perminov V.A. Development of the ICT sector in India // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2019. – No. 8. – P. 127–134.
 9. Rzaeva V.V., Mamedov M.A. – Development of open banking activities based on the introduction of open programming interface technologies // National security / nota bene. – 2021. – No. 4. – P. 41–52.
 10. How Open API technology is changing the traditional banking market. Online publication “Rusbase”. [Electronic resource]. – URL: <https://rb.ru/longread/open-api/> (access date: 07.22.2021).
 11. Edelman Trust Barometer, 2022. Edelman. – URL: <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer> (access date: 07.22.2021).
 12. Pulse of Fintech H2'21, Global Analysis of Investment in Fintech, 2022. KPMG. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2022/02/pulse-of-fintech-h2-21.pdf> (access date: 07.22.2021).
 13. Open Banking Monitor, 2021. INNOPAY. – URL: <https://www.innopay.com/en/innopay-open-banking-monitor> (access date: 07.22.2021).

Использование технологии распределенного реестра при формировании трансграничной платежной инфраструктуры

Акулинкин Станислав Сергеевич,

к.э.н., доцент кафедры финансовых технологий Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: akulinkin@gmail.com

В статье рассмотрены преимущества и ограничения использования технологии распределенного реестра при формировании трансграничной платежной инфраструктуры. Проведен обзор понятийного аппарата, используемого для исследования платежной инфраструктуры нового типа. Приведены статистические данные по объему трансграничных платежей через банковские корреспондентские отношения и прогноз трансграничного оборота через блокчейн между предприятиями B2B-сегмента. Выявлены недостатки и ограничения, связанные с осуществлением трансграничных платежей в традиционной платежной инфраструктуре, базирующейся на банковских корреспондентских отношениях. Дана характеристика трансграничной платежной инфраструктуре на основе технологии распределенного реестра. Перечислены основные концептуальные подходы к формированию трансграничной платежной инфраструктуры на технологической основе распределенного реестра, включая протоколы децентрализованных финансов, цифровые валюты центральных банков и стейблкоины. Приведены выдержки из программных документов органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, касающихся перспективных направлений развития инновационных технологий в платежах. Проведен обзор мирового опыта реализации основных способов формирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра. Рассмотрены перспективы, преимущества, ограничения и риски применения каждого из концептуальных подходов к формированию трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра.

Ключевые слова: трансграничная платежная инфраструктура; трансграничные платежи; технология распределенного реестра; цифровые деньги; токенизированные платежные инструменты; децентрализованные финансы; цифровая валюта центральных банков; стейблкоин; механизм цифровых переводов.

Классическое определение трансграничной платежной инфраструктуры

В современном мире трансграничные платежи играют очень важную роль в международной торговле и бизнесе. Банковские корреспондентские отношения стали основным инструментом для осуществления таких платежей.

Согласно определению Банка международных расчетов, платеж (перевод денежных средств) – перевод плательщиком денежного требования стороне, приемлемой для получателя платежа. Обычно требования принимают форму денежных средств или остатков на депозитах, хранящихся в финансовом учреждении или в центральном банке [1]. Соответственно, трансграничные платежи определяются как платежи, при которых финансовые учреждения плательщика и получателя платежа находятся в разных юрисдикциях [2].

Как следует из такого определения трансграничных платежей, для их осуществления используются банковские корреспондентские отношения, что позволяет банкам в разных странах работать вместе и обеспечивать быстрое и эффективное осуществление трансграничных платежей. Каждый банк, участвующий в трансграничных платежах, имеет корреспондентские отношения с другими банками, что позволяет им осуществлять платежи между своими клиентами в разных странах. Банковские корреспондентские отношения легли в основу современной трансграничной платежной инфраструктуры – совокупности взаимосвязанных обслуживающих систем, обеспечивающих основу для функционирования системы осуществления трансграничных платежей. Очевидно, что трансграничная платежная инфраструктура, имеющая банковские корреспондентские отношения в числе основного структурообразующего элемента, построена на фундаменте из финансовых посредников и является инфраструктурой финансовых посредников.

Под инфраструктурой финансовых посредников мы понимаем совокупность взаимосвязанных обслуживающих систем, основанную на финансовом посредничестве. Очевидно, что такие системы основаны на доверии. «Традиционно трансграничные доверительные отношения предполагают эксклюзивные двусторонние кредитные отношения между банками-корреспондентами» [3].

Одним из основных преимуществ банковских корреспондентских отношений является их способность уменьшать риски и задержки в процессе трансграничных платежей. Так как банки работают вместе, они могут обмениваться информацией и участвовать в проверке платежей. Это помогает уменьшить риски мошенничества и снизить вероятность ошибок при переводе денег.

Согласно отчету SWIFT за 2020 год, количество банков, имеющих корреспондентские отношения с другими банками, составило более 10 тыс. по всему миру, а объем обработанных ими сообщений превысил 7 млрд. Большинство этих сообщений связаны с трансграничными платежами, в 2020 году было проведено более 1,2 млрд трансграничных платежей на общую сумму более 135 трлн долларов США. Количество сообщений через инфраструктуру обмена финансовыми сообщениями системы SWIFT в 2019 году превысило 6,2 млрд что на 9% больше, чем в 2018 году [4].

Однако, в современном мире банковские корреспондентские отношения обладают рядом существенных недостатков. Один из главных недостатков заключается в том, что использование банковских корреспондентских отношений как инфраструктуры финансовых посредников может быть затруднено из-за различий в правилах и регуляции в разных странах, вплоть до полного запрета доступа к платежной инфраструктуре для отдельных категорий экономических субъектов.

Ограничения платежной инфраструктуры финансовых посредников

Финансовые услуги базируются на доверии, которое обеспечивается нормативным правовым регулированием субъектов, выполняющих роль финансовых посредников, поддерживающих целостность записей об активах и обязательствах. Информация хранится в разрозненных реестрах, которые отделены от средств связи между финансовыми посредниками. Такой системе требуется значительная координация в процессе осуществления транзакций. К примеру, стандартные трансграничные платежи в такой инфраструктуре могут задерживаться на несколько дней. Несмотря на ускоряющуюся цифровизацию всех сфер экономической деятельности, реальные активы на сотни триллионов долларов все еще зарегистрированы во множестве реестров, напрямую не связанных с инфраструктурой обмена финансовыми сообщениями. Финансовые посредники должны записывать платежные транзакции в разрозненных реестрах, а затем отправлять друг другу сообщения для согласования своих книг и завершения расчетов. Необходимость в координации между организациями и реестрами создает неэффективности, которые увеличивают издержки, риски, удлиняют время расчетов, снижают транспарентность, а в ряде случаев и вводят дополнительные ограничения на доступность трансграничной платежной инфраструктуры, основанной на финансовом посредничестве.

Далее в статье мы рассмотрим концептуальные подходы, призванные заменить традиционных финансовых посредников в платежной индустрии на цифровых финансовых посредников, функционал которых закреплен на уровне программного кода, в том числе с использованием смарт-контрактов и других новаций технологии распределенного реестра. Рассмотрим преимущества, опыт пилотного внедрения, ограничения и риски каждого из концептуальных подходов к формированию трансграничной платежной инфраструктуры, основанной на цифровом финансовом посредничестве с использованием технологии распределенного реестра.

Преимущества использования технологии распределенного реестра в платежной индустрии

Технологии постоянно развиваются и модернизируют финансовые транзакции, создавая новые способы выполнения и регистрации платежных услуг. Каждый шаг в этой эволюции открывает новые возможности для экономики. В последние годы мы наблюдаем тенденцию повышения внимания к технологии распределенного реестра как к потенциальному решению многих проявлений неэффективности в платежной индустрии.

Технология распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT) – концепция хранения, обработки и передачи данных, которая базируется на распределенной базе данных, содержащей информацию о транзакциях и других записях. В отличие от централизованных систем, в которых данные хранятся в единой базе данных, в блокчейне данные хранятся в распределенной сети узлов, каждый из которых хранит копию базы данных. Это позволяет создавать децентрализованные системы, в которых нет единой точки отказа и не требуется доверия к одному центральному узлу. Понятия технологии распределенного реестра и технологии блокчейн часто используются как взаимозаменяемые. Вместе с тем понятие технологии распределенного реестра более общее, охватывает целый класс технологий, схожих с технологией блокчейн, но отличающихся структурами данных реестра, способами согласования и синхронизации данных.

Согласно исследованию компании Juniper Research, объем трансграничных B2B-платежей через блокчейн достигнет 4,4 трлн долларов в 2024 году, что в 25 раз больше, чем в 2019 году [5]. Также Juniper Research предсказывает, что к 2024 году технология распределенного реестра станет ключевым инструментом для обеспечения безопасности и прозрачности трансграничных платежей, а также для сокращения затрат на их обработку.

Очевидная ценность этой технологии заключается в объединении реестров и сетей таким образом, который позволяет нескольким сторонам видеть одну и ту же информацию и снижает необходимость согласования элементов платежной транзакции. Логика платежа может быть прозрачно кодифицирова-

на в смарт-контракте, обеспечивающем соблюдение установленных правил и автоматизацию расчетов. Смарт-контракт можно определить как компьютерный протокол, который предназначен для автоматического выполнения и контроля исполнения условий договора между двумя или более сторонами. Этот протокол использует технологию распределенного реестра для записи и выполнения кода смарт-контракта. Смарт-контракты позволяют участникам сделки и программе автоматически выполнять действия в соответствии с условиями контракта без необходимости участия посредника или центрального авторитета. Таким образом, смарт-контракты обеспечивают автоматизацию процессов и повышают эффективность и прозрачность сделок.

Процессы токенизации в мировой платежной индустрии активно развиваются, охватывая как платежные инструменты, так и активы, что создает потенциал для сквозного обмена активами в распределенных реестрах. Платежный инструмент можно определить как средство, используемое для осуществления платежей. Он может быть физическим (например, банковская карта, платежный терминал) или виртуальным (например, электронный кошелек, мобильное приложение для платежей). Платежные инструменты используются для перевода денежных средств между плательщиком и получателем и включают в себя как национальные, так и международные способы платежей. Платежные инструменты являются важной составляющей платежной инфраструктуры. Соответственно, токенизированный платежный инструмент (платежный токен) можно определить как цифровую форму платежного инструмента, которая представляет собой частный случай токенизированного актива, используемого для осуществления платежей. Платежный токен может быть связан с различными типами активов, такими как валюты, ценные бумаги, товары и другие активы. Платежные токены работают на основе технологии распределенного реестра и являются удобным способом для осуществления трансграничных платежей.

Технология распределенного реестра может устранить большинство недостатков, связанных со стоимостью, скоростью, доступностью, прозрачностью и безопасностью осуществления трансграничных платежей, представляя информацию о транзакциях и правах собственности в едином общем реестре. Растущая цифровизация экономики и проникновение процедур токенизации, создающих цифровые представления активов, могут расширить преимущества технологии распределенного реестра и обеспечить формирование надежной платежной инфраструктуры.

Использование технологии распределенного реестра в платежной индустрии и сопутствующая оцифровка функционала финансового посредничества между субъектами трансграничной платежной инфраструктуры могут быть осуществлены с применением различных концептуальных подходов к формированию трансграничной платежной инфраструктуры нового типа. Подробнее рассмо-

трим наиболее распространенные концепции: протоколы децентрализованных финансов, цифровые валюты центральных банков и стейблкоины.

Применение концепции децентрализованных финансов в платежной индустрии

Сегодня в публичном пространстве цифровых активов бурно развивается концепция децентрализованных финансов (DeFi). Она относится к децентрализованным приложениям (DApps), которые предоставляют финансовые услуги с использованием технологии распределенного реестра с помощью автоматизированного компьютерного кода. Эти услуги включают платежи, кредитование, торговлю, инвестиции, страхование и управление активами. Протоколы DeFi обычно работают без централизованных посредников или учреждений, используют программы с открытым исходным кодом и допускают гибкую компоновку.

Протоколы DeFi – программные протоколы, которые работают на основе технологии распределенного реестра и позволяют пользователям проводить финансовые операции в децентрализованной среде. Протоколы DeFi предоставляют доступ к различным финансовым инструментам и услугам, таким как платежи, кредитование, депозиты, торговля, обмен и другие операции, которые обычно осуществляются в централизованных финансовых учреждениях.

Рыночная капитализация DeFi по состоянию на 1 августа 2023 года составляет около 48 млрд долларов [6]; суммарная стоимость всех активов, заблокированных в различных протоколах DeFi (TVL) – 66 млрд долларов [7]. Среди них наиболее популярны протоколы, которые фиксируют обеспечение в смарт-контракте в обмен на стейблкоины.

Банк России дал свое определение понятию децентрализованных финансов – «новая модель организации финансов, в которой отсутствуют посредники, сделки осуществляются автоматически при помощи смарт-контрактов, исполняющихся на базе технологии распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT), а пользователи осуществляют непосредственный контроль над своими активами» [8].

DeFi преобладает в общедоступном пространстве распределенных реестров и применяется в основном к транзакциям в пока еще слабо регулируемой индустрии цифровых активов. Тем не менее, логика, встроенная в протоколы DeFi, которые представляют собой программируемые, самовыполняющиеся бизнес-процессы, может применяться для взаимодействия с любым токенизированным активом – цифровым активом, который используется для представления определенной стоимости или права на совершение определенных действий внутри системы распределенного реестра. Благодаря возможности создания смарт-контрактов на базе токенов, токенизированные активы можно использовать для автоматизации определенных операций и упрощения процессов

Трансграничная платежная инфраструктура на основе технологии распределенного реестра может применять протоколы DeFi к токенизированным активам в сочетании с соответствующими мерами безопасности для обеспечения финансовой целостности, соблюдения нормативных требований и защиты субъектов экономической деятельности.

У децентрализованных финансов нет государственных границ, поэтому применение протоколов DeFi в трансграничной платежной инфраструктуре следует рассматривать в качестве одной из приоритетных технологических моделей.

Субъекты внешнеэкономической деятельности могут повысить эффективность, приняв протоколы DeFi, которые используют программный код для автоматического выполнения финансовых транзакций в соответствии с установленными правилами и условиями.

Исследование консалтингового агентства «Селент», опубликованное в октябре 2022 года, показывает, что отношение институциональных участников финансового рынка к цифровым активам меняется, и традиционные инвесторы рассматривают перспективы инвестирования до 30% капитала в цифровые активы [9]. Соответственно, инфраструктура рынков капитала будет существовать на совместимой блочной цепочке, в результате потребность в платежной инфраструктуре на основе технологии распределенного реестра будет лавинообразно нарастать.

Системная работа в отношении регулирования DeFi ведется на международных площадках Банка международных расчетов, Совета по финансовой стабильности, Всемирного экономического форума, Организация экономического сотрудничества и развития, Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, Международного валютного фонда и других организаций.

Взаимосвязь DeFi и традиционных финансов может быть усилена в случае синхронизации использования ЦВЦБ [10], а в перспективе и токенизированной безналичной валюты в DeFi, что позволит применять их в DeFi вместо частных стейблкоинов, что будет способствовать повышению доверия к инструментам DeFi.

Среди стран, лидирующих по активности использования протоколов DeFi, – США, Вьетнам, Таиланд, Китай, Великобритания и Индия. Россия в 2021 году по данному показателю занимала 15-е место [11]. Отдельные аспекты DeFi изучаются регуляторами восьми стран – Бразилии, Англии, Китая, Турции, Франции, США, Японии, Кореи. Банк Франции, Банк Японии, Банк Кореи, SEC отметили необходимость разработки специального регулирования в отношении DeFi.

Наряду с впечатляющими возможностями концепции DeFi, ее использование в институциональной платежной инфраструктуре сопряжено с рядом сложностей и рисков, характерных для новой инновационной технологии, имеющей все еще невысокое проникновение в финансовую инфраструктуру. Многие протоколы DeFi сегодня не могут быть использованы для формирования надежной пла-

тежной инфраструктуры, для этого необходимо использовать более высокие уровни защиты и стандарты безопасности.

Трансграничная платежная инфраструктура с элементами DeFi должна сочетать в себе мощность и эффективность протоколов DeFi с уровнем мер безопасности для соблюдения нормативных требований и требований безопасности субъектов внешнеэкономической деятельности. Во многих существующих протоколах DeFi отсутствуют решения для идентификации, позволяющие экономическим агентам соответствовать требованиям по борьбе с отмыванием денег (AML), знанием вашего клиента (KYC) и требованиям по борьбе с финансированием терроризма (ПОД/ФТ).

Для оценки применимости протоколов DeFi в трансграничной платежной инфраструктуре целесообразно выделить два фактора, которые необходимо глубоко исследовать, и, в результате, предложить механизмы практической реализации:

- нормативная правовая база, обеспечивающая взаимодействие между субъектами внешнеэкономической деятельности в соответствии с требованиями безопасности и налогового администрирования. Протоколы DeFi должны быть адаптированными к регулятивным стандартам денежного рынка;
- набор технологических стандартов для всего периметра платежных операций. При формировании трансграничной платежной инфраструктуры важно использовать экосистему цифровых активов для применения в трансграничных платежах, усовершенствовать и разработать технические требования, а также обеспечить руководство по технологическим стандартам.

Оба фактора критически важны для формирования эффективной трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра. Создание трансграничной платежной инфраструктуры, использующей токенизацию и программируемость, может иметь далеко идущие последствия для всей финансовой отрасли.

При формировании трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра важно учитывать области, в которых токенизация и программируемость являются наиболее ценными, и соответствующим образом адаптировать протоколы DeFi для целей обеспечения эффективности трансграничных платежей. Простое копирование механизмов работы индустрии цифровых денег – информации в электронной форме, созданной с использованием средств шифрования и принятой в качестве средства платежа, общепринятой в информационных системах – не сможет обеспечить всех требований, предъявляемых к институциональному решению.

Цифровые валюты центральных банков в трансграничных расчетах

Цифровые деньги и токенизированные платежные инструменты изучаются как частным, так и государ-

ственным сектором. Цифровая валюта центрального банка – это частный случай токенизированного платежного инструмента на уровне отдельного государства. Банк международных расчетов дал определение цифровым валютам центральных банков (ЦВЦБ) – это «цифровые деньги, выпущенные центральным банком, номинированные в национальной расчетной единице, и представляющие собой обязательство центрального банка» [12].

Опрос 2021 года 81 центральных банков по версии Банка международных расчетов обнаружил, что 90% центральных банков изучают потенциал цифровой валюты центральных банков.

В их числе 26% активно разрабатывают ЦВЦБ и проводят пилотные проекты [13]. По состоянию на октябрь 2022 года, Банк международных расчетов реализовывал семь проектов ЦВЦБ с различными центральными банками-членами [12].

По данным Народного банка Китая, объём цифровых юаней в обращении на конец 2022 года составил 13,61 млрд (2,01 млрд долларов) [14]. Европейский центральный банк в сентябре 2022 выбрал пять компаний для разработки пользовательских интерфейсов для цифрового евро и, возможно, запустит свою ЦВЦБ в октябре 2023 года. Банк Франции объявил о новом проекте по использованию DeFi для оптового управления ликвидностью ЦВЦБ [15].

Страны с формирующимся рынком, по сравнению со странами с развитой экономикой, видят больше перспектив в осуществлении трансграничных платежей с использованием ЦВЦБ. При этом эффективность трансграничных платежей остается ключевым мотивом для оптовых ЦВЦБ как в развитых, так и в развивающихся странах [16]. Различные оптовые проекты ЦВЦБ специально сфокусированы на трансграничных платежах. Примером является проект Dunbar, посвященный изучению использования ЦВЦБ для международных расчетов, который был проведен центральными банками Австралии, Малайзии, Сингапура и Южной Африки совместно с Инновационным центром Банка международных расчетов [17].

Центральные банки видят несколько способов, с помощью которых ЦВЦБ могут улучшить трансграничные платежи. В 2021 году центральные банки и международные организации продолжали изучать возможности и последствия ЦВЦБ для трансграничных платежей. В совместном отчете, опубликованном в июле 2021 года, CPMI, BISIH, Международный валютный фонд и Всемирный банк пришли к выводу, что ЦВЦБ могут повысить эффективность трансграничных платежей, если страны будут работать вместе [16].

Эффективность трансграничных платежей – важный фактор для работы центральных банков над ЦВЦБ. В октябре 2020 года G20 утвердила «дорожную карту» по совершенствованию трансграничных платежей, разработанную Советом по финансовой стабильности (FSB) в сотрудничестве с Комитетом Банка международных расчетов по платежам и рыночной инфраструктуре (CPMI) и другими международными организациями. Программа трансграничных платежей G20 направле-

на на решение проблем на рынке трансграничных платежей, включая высокую стоимость, низкую скорость, ограниченный доступ и недостаточную прозрачность. ЦВЦБ могут сыграть здесь важную роль с точки зрения сокращения текущих цепочек транзакций и увеличения времени работы [18].

В июле 2022 года CPMI в сотрудничестве с BISIH, МВФ и Всемирным банком представили отчет G20, в котором они определили и проанализировали возможные механизмы цифровых переводов между различными ЦВЦБ с целью улучшения трансграничных платежей. Механизм цифровых переводов – механизм передачи информации о переводе цифровых денег между участниками сети, который осуществляется при помощи криптографии и распределенной сети узлов. Он позволяет пользователям совершать быстрые и безопасные транзакции в режиме реального времени, обходя ограничения, налагаемые централизованными системами.

Механизмы цифровых переводов между ЦВЦБ являются критически важным элементом для осуществления трансграничных платежей, поскольку они могут сократить цепочки транзакций, снизить общие затраты и повысить прозрачность и скорость платежей. Механизмы цифровых переводов позволяют банкам и другим поставщикам платежных услуг (PSP) осуществлять операции друг с другом, не требуя от них участия в одной и той же платежной системе или использования посредников (т.е. банков-корреспондентов) [19].

Несмотря на потенциальные преимущества, механизмы цифровых переводов между ЦВЦБ могут столкнуться с проблемами и рисками, которые требуют тщательного рассмотрения и планирования со стороны операторов и властей, рассматривающих такие механизмы. Проблемы связаны с уровнем политической поддержки, возможными высокими начальными затратами, различными правовыми, регулирующими и надзорными структурами, несогласованными критериями доступа, различиями в требованиях к уровню обслуживания и управлением операционными рисками.

Стейблкоины

Стейблкоины могут значительно улучшить эффективность и снизить стоимость трансграничных расчетов, обеспечивая быстрые и надежные транзакции, улучшенную ликвидность, упрощенную процедуру проведения платежей и устранение необходимости в посредниках.

В экономических дебатах стейблкоин может быть определен как цифровые деньги, целью которых является поддержание стабильной стоимости по отношению к определенному активу, пулу или корзине активов [20]. Следуя «денежному цветку» Беа и Гарратта [21], стейблкоины относятся к классу цифровых денег в том смысле, что они электронные, могут обмениваться в одноранговых сетях и не выпускаются центральными банками. Стейблкоины основаны на токенах, их действительность проверяется на основе самого токена,

а не личности контрагента, как в случае платежей на основе счета [22].

Капитализация четырех ведущих стейблкоинов, по состоянию на 1 августа 2023 года, составила 117 млрд долларов [23]. Регуляторы прилагают все больше усилий, чтобы прояснить статус стейблкоинов. Например, Денежно-кредитное управление Сингапура опубликовало консультационный документ в поддержку развития стейблкоинов как надежного средства обмена в экосистеме цифровых активов [24]. В 2022 году Европейский Союз согласовал нормативную правовую базу для индустрии цифровых активов, включая стейблкоины [25]. В Японии принят закон, обеспечивающий правовую основу для выпуска стейблкоинов лицензированным банкам и агентам денежных переводов [26].

Выводы

В платежной индустрии сформировался тренд на замещение использования традиционных банковских корреспондентских отношений, лежащих в основе трансграничной платежной инфраструктуры финансовых посредников. Для удовлетворения потребностей субъектов внешнеэкономической деятельности в стоимости, скорости, прозрачности, безопасности и доступности трансграничных переводов целесообразно сформировать трансграничную платежную инфраструктуру на основе технологии распределенного реестра. Одним из основных преимуществ использования технологии распределенного реестра в трансграничной платежной инфраструктуре является возможность оцифровать функционал финансовых посредников с использованием программного кода и обеспечить устойчивость и бесперебойность осуществления трансграничных расчетов благодаря невозможности заблокировать доступность трансграничной платежной инфраструктуры для отдельных ее участников без достижения консенсуса со стороны критического большинства субъектов инфраструктуры по заранее кодифицированным правилам механизмов цифровых переводов.

Рассмотренные концептуальные подходы к формированию трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, включая протоколы децентрализованных финансов (DeFi), цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) и стейблкоины, нуждаются в новых механизмах цифровых переводов, которые бы соответствовали целям и задачам формирования эффективной и надежной трансграничной платежной инфраструктуры.

Механизмы цифровых переводов являются критически важным элементом платежной инфраструктуры для осуществления трансграничных платежей, поскольку они могут сократить цепочки транзакций, снизить общие затраты и повысить прозрачность и скорость платежей. Механизмы цифровых переводов позволяют поставщикам платежных услуг осуществлять операции друг с другом, не требуя от них участия в одной и той же платежной системе или использования посредников.

Разработка новых механизмов цифровых переводов на этапе формирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра требует высокого уровня политической поддержки, возможных высоких начальных затрат и принятия нормативной правовой базы для их адаптации субъектами внешнеэкономической деятельности.

В числе свойств трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра важно учесть совместимость с существующими платежными системами, готовность к взаимодействию с будущими платформами ЦВЦБ и создание открытой инновационной среды, которая поощряет разработку ориентированных на рынок решений. При этом необходимо обеспечить соблюдение существующих нормативных правовых ограничений, снижение различных финансовых и операционных рисков, включая риски кибербезопасности.

Быстрая эволюция технологии распределенного реестра требует, чтобы участники финансового рынка постоянно формировали и корректировали собственное видение будущего платежной индустрии и последствий для эффективности функционирования трансграничной платежной инфраструктуры. Динамическая природа инновационных технологий обязывает и регуляторов, и субъектов экономической деятельности итеративно адаптироваться к изменениям.

Литература

1. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), 2016. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d00b.htm?&selection=170&scope=CPMI&c=a&base=term>.
2. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), 2016. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d00b.htm?&selection=195&scope=CPMI&c=a&base=term>.
3. Tobias Adrian, Rodney Garratt, Dong He, Tommaso Mancini-Griffoli, “Trust bridges and money flows” Bank for International Settlements, BIS Papers No. 1112, 2023.
4. Газета Ведомости, 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/01/987864-v-bis-predlozhil-sozdat-edinuyu-ploschadku-transgranichnih-perevodov>.
5. Juniper Research, «Blockchain in Financial Services: Market Forecasts, Key Opportunities & Vendor Strategies 2021–2030» 2019. – URL: <https://www.juniperresearch.com/press/blockchain-based-cross-border-b2b-transactions?ch=Juniper%20Research,%20Blockchain:%20Key%20Vertical%20Opportunities,%20Trends%20&%20Challenges,%202019–2030>.
6. CoinMarketCap, «Топ токенов DeFi по рыночной капитализации» 2023. – URL: <https://coinmarketcap.com/ru/view/defi/>.

7. Stelareum, «Total Value Locked (TVL) in DeFi protocols» 2023. – URL: <https://www.stelareum.io/en/defi-tvl.html>.
8. Банк России, «Децентрализованные финансы». – Москва, 2022.
9. Celent, “Migration to Digital Assets Accelerates: Key Findings from Celent’s 2022 Survey of Global Institutional Asset Managers, Asset Owners, and Hedge Funds”, 2022.
10. Goldman Sachs, “Blockchain + The Capital Markets: Unlocking a New Era of Speed and Transparency”, 2021. – URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/blockchain-and-the-capital-markets.html>.
11. Chainalysis, “Introducing the Chainalysis Global DeFi Adoption Index”, 2021. – URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/2021-global-DeFi-adoption-index/>.
12. Bank for International Settlements, «BIS Innovation Hub work on central bank digital currency (CBDC)», 2022.
13. Anneke Kosse, Ilaria Mattei, “Gaining momentum – Results of the 2021 BIS survey on central bank digital currencies” Bank for International Settlements, BIS Papers No. 125, 2022.
14. Агентство Интерфакс, 2023. – URL: <https://www.interfax.ru/business/883192>.
15. Sickler, Jack, “French Central Bank CBDC Projects Aim to Manage DeFi Liquidity, Settle Tokenized Assets” Coindesk, 2022.
16. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), BIS Innovation Hub, International Monetary Fund (IMF) and World Bank, Central bank digital currencies for cross-border payments, Report to the G20, 2021.
17. Committee on Payments and Market Infrastructures and Markets Committee, Central bank digital currencies, 2018.
18. Group of central banks, Central bank digital currencies: foundational principles and core features, Joint Report, no 1, 2020.
19. Committee on Payments and Market Infrastructures, “Interlinking payment systems and the role of application programming interfaces: a framework for cross-border payments”, 2022.
20. Financial Stability Board, «Addressing the regulatory, supervisory and oversight challenges raised by “global stablecoin” arrangements», 2020.
21. Bech, Garratt, Central bank cryptocurrencies, BIS Quarterly Review, 2017.
22. Kahn, “How are payment accounts special?”, 2016.
23. Coingecko, «Стейблкоины по рыночной капитализации», 2023. – URL: <https://www.coingecko.com/ru/categories/stablecoins>.
24. MAS proposes measures to reduce risks to consumers from cryptocurrency trading and enhance standards of stablecoin-related activities, Monetary Authority of Singapore, 2022.
25. Digital finance: agreement reached on European crypto-assets regulation (MiCA), European Council, 2022.

26. Taiga Uranaka, Yuki Hagiwara, “Japan Passes Stablecoin Bill That Enshrines Investor Protection” Bloomberg, 2022.

THE USE OF DISTRIBUTED LEDGER TECHNOLOGY IN THE FORMATION OF A CROSS-BORDER PAYMENT INFRASTRUCTURE

Akulinkin S.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses the advantages and limitations of using distributed ledger technology in the formation of a cross-border payment infrastructure. Presented an overview of the conceptual definitions used to research a new type of payment infrastructure. Outlined the statistical data on the volume of cross-border payments through banking correspondent accounts and a forecast of cross-border turnover through the blockchain between enterprises of the B2B segment. Identified the shortcomings and limitations associated with the implementation of cross-border payments in the traditional payment infrastructure based on correspondent banking accounts. Suggested the characteristics of the cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology. Listed the main conceptual approaches to the formation of a cross-border payment infrastructure based on the technological basis of a distributed ledger, including decentralized finance protocols, central bank digital currencies and stablecoins. Provided excerpts from the program documents of the legislative and executive authorities of the Russian Federation concerning promising areas for the development of innovative technologies in payments. Carried out a review of the international experience in the implementation of the core methods for the formation of a cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology. Considered the prospects, advantages, limitations and risks of applying each of the conceptual approaches to the formation of a cross-border payment infrastructure based on the distributed ledger technology.

Keywords: cross-border payment infrastructure; cross-border payments; distributed ledger technology; digital money; tokenized payment instruments; decentralized finance; central bank digital currency; stablecoin; digital transfer mechanism.

References

1. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), 2016. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d00b.htm?&selection=170&scope=CPMI&c=a&base=term>.
2. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), 2016. – URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d00b.htm?&selection=195&scope=CPMI&c=a&base=term>.
3. Tobias Adrian, Rodney Garratt, Dong He, Tommaso Mancini-Griffoli, “Trust bridges and money flows” Bank for International Settlements, BIS Papers No. 1112, 2023.
4. Gazeta Vedomosti, 2023. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/08/01/987864-v-bis-predlozhili-sozdat-edinuyu-ploschadku-transgranichnih-perevodov>.
5. Juniper Research, «Blockchain in Financial Services: Market Forecasts, Key Opportunities & Vendor Strategies 2021–2030», 2019. – URL: <https://www.juniperresearch.com/press/blockchain-based-cross-border-b2b-transactions?ch=Juniper%20Research,%20Blockchain:%20Key%20Vertical%20Opportunities,%20Trends%20%20Challenges,%202019–2030>.
6. CoinMarketCap, «Top DeFi Tokens by Market Capitalization», 2023. – URL: <https://coinmarketcap.com/ru/view/defi/>.
7. Stelareum, «Total Value Locked (TVL) in DeFi protocols», 2023. – URL: <https://www.stelareum.io/en/defi-tvl.html>.
8. Bank of Russia, «Decentralized Finance». – Moscow, 2022.
9. Celent, “Migration to Digital Assets Accelerates: Key Findings from Celent’s 2022 Survey of Global Institutional Asset Managers, Asset Owners, and Hedge Funds”, 2022.
10. Goldman Sachs, “Blockchain + The Capital Markets: Unlocking a New Era of Speed and Transparency”, 2021. – URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/blockchain-and-the-capital-markets.html>.
11. Chainalysis, “Introducing the Chainalysis Global DeFi Adoption Index”, 2021. – URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/2021-global-DeFi-adoption-index/>.

12. Bank for International Settlements, «BIS Innovation Hub work on central bank digital currency (CBDC)», 2022.
13. Anneke Kosse, Ilaria Mattei, «Gaining momentum – Results of the 2021 BIS survey on central bank digital currencies» Bank for International Settlements, BIS Papers No. 125, 2022.
14. Agentstvo Interfax, 2023. – URL: <https://www.interfax.ru/business/883192>.
15. Sickler, Jack, «French Central Bank CBDC Projects Aim to Manage DeFi Liquidity, Settle Tokenized Assets» Coindesk, 2022.
16. Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI), BIS Innovation Hub, International Monetary Fund (IMF) and World Bank, Central bank digital currencies for cross-border payments, Report to the G20, 2021.
17. Committee on Payments and Market Infrastructures and Markets Committee, Central bank digital currencies, 2018.
18. Group of central banks, Central bank digital currencies: foundational principles and core features, Joint Report, no 1, 2020.
19. Committee on Payments and Market Infrastructures, «Interlinking payment systems and the role of application programming interfaces: a framework for cross-border payments», 2022.
20. Financial Stability Board, «Addressing the regulatory, supervisory and oversight challenges raised by “global stablecoin” arrangements», 2020.
21. Bech, Garratt, Central bank cryptocurrencies, BIS Quarterly Review, 2017.
22. Kahn, «How are payment accounts special?», 2016.
23. Coingecko, «Stablecoins by Market Capitalization», 2023. – URL: <https://www.coingecko.com/ru/categories/stablecoins>.
24. MAS proposes measures to reduce risks to consumers from cryptocurrency trading and enhance standards of stablecoin-related activities, Monetary Authority of Singapore, 2022.
25. Digital finance: agreement reached on European crypto-assets regulation (MiCA), European Council, 2022.
26. Taiga Uranaka, Yuki Hagiwara, «Japan Passes Stablecoin Bill That Enshrines Investor Protection» Bloomberg, 2022.

Дубова Светлана Евгеньевна,

д.э.н., профессор Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sedubova@fa.ru

Балалаев Игорь Васильевич,

аспирант Департамента банковского дела и монетарного
регулирующего Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: ivbalalaev2021@edu.fa.ru

Государство заинтересовано в развитии цифровых финансовых услуг. В этой связи Правительством РФ и Банком России предпринимается ряд мер, направленных на повышение доступности финансовых продуктов и услуг, прежде всего для граждан и предприятий малого и среднего бизнеса. В статье приводится анализ мер, предпринимаемых государством для стимулирования развития финансовых продуктов и услуг, делается вывод о формировании особой среды в рамках доверенного цифрового пространства – инфраструктуры финансовой доступности. Автор систематизирует элементы указанной инфраструктуры, в числе которых: цифровая платформа МСП, национальная гарантийная система, цифровой профиль предпринимателя, прочие платформы и институты развития, льготные государственные программы кредитования МСП и граждан. В инфраструктуру встраиваются также инструменты повышения доступности финансовых продуктов и услуг для граждан и МСП: система быстрых платежей, цифровой рубль, программа «зонтичных поручительств», офсетный договор (контракт), программа компенсации МСП за использование системы быстрых платежей, введение упрощенного режима налогообложения.

Ключевые слова: цифровые финансовые продукты, цифровые услуги, государственная поддержка, инфраструктура финансовой доступности, доверенное цифровое пространство, цифровая платформа, малый и средний бизнес, национальная гарантийная система, цифровой профиль предпринимателя, институты развития, льготные программы кредитования.

Цифровые финансовые услуги активно входят в нашу жизнь, позволяя субъектам экономической деятельности сокращать издержки по производству и реализации товаров и услуг, а гражданам – экономить деньги и время, позволяя совершать покупки в режиме реального времени. Наши исследования различных сегментов финансового рынка в условиях цифровой экономики не раз приводили к выводу о том, что успех инноваций во многом базируется на развитии их в условиях доверенного цифрового пространства, отличающегося наличием эффективных моделей управления экономическими и технологическими процессами, а также большими массивами данных [1, 2, 3, 5, 6].

Поскольку финтех признается ключевым фактором развития финансового сектора, обеспечивая более эффективные и конкурентоспособные финансовые рынки, расширяя доступ к финансированию для традиционно недостаточно обслуживаемых потребителей [7], постановка задачи развития финансовых услуг в целях повышения их доступности для граждан и субъектов МСП в первую очередь должна быть рассмотрена именно с позиций повышения их доступности.

Государство сегодня активно выстраивает элементы доверенного цифрового пространства. В их числе – инфраструктуру, позволяющую сделать цифровые финансовые услуги доступными для субъектов экономической деятельности и граждан, что ведет к формированию и обособлению особой среды в рамках доверенного цифрового пространства – инфраструктуры обеспечения доступности финансовой доступности. Заметим, что активное участие государства в формировании подобной среды формирует высокий уровень доверия к ней, поскольку защищает данные и управлению ими уделяется пристальное внимание.

Наиболее активно происходит формирование указанной инфраструктуры для граждан и субъектов малого и среднего предпринимательства (далее МСП), что способствует вовлеченности (инклюзии) граждан и субъектов МСП в процесс использования цифровых финансовых продуктов и услуг, позволяя сделать процесс приобретения товаров и услуг удобным, быстрым и недорогим. Анализ мер, реализованных Правительством и Банком России по развитию цифровых финансовых услуг для граждан и МСП, позволил обозначить значимые элементы инфраструктуры, обеспечивающей доступность финансовых продуктов и услуг для граждан и субъектов МСП (рис. 1).

Значимым инфраструктурным решением в области цифровизации, повышающим уровень инклюзии субъектов МСП и граждан в экономиче-

скую деятельность и одновременно способствующим развитию цифровых финансовых услуг, является цифровая платформа МСП – государственная платформа поддержки предпринимателей и тех,

кто еще только планирует начать собственный бизнес. Минэкономразвития и Корпорация МСП создали ее в виде экосистемы на базе цифровой платформы.

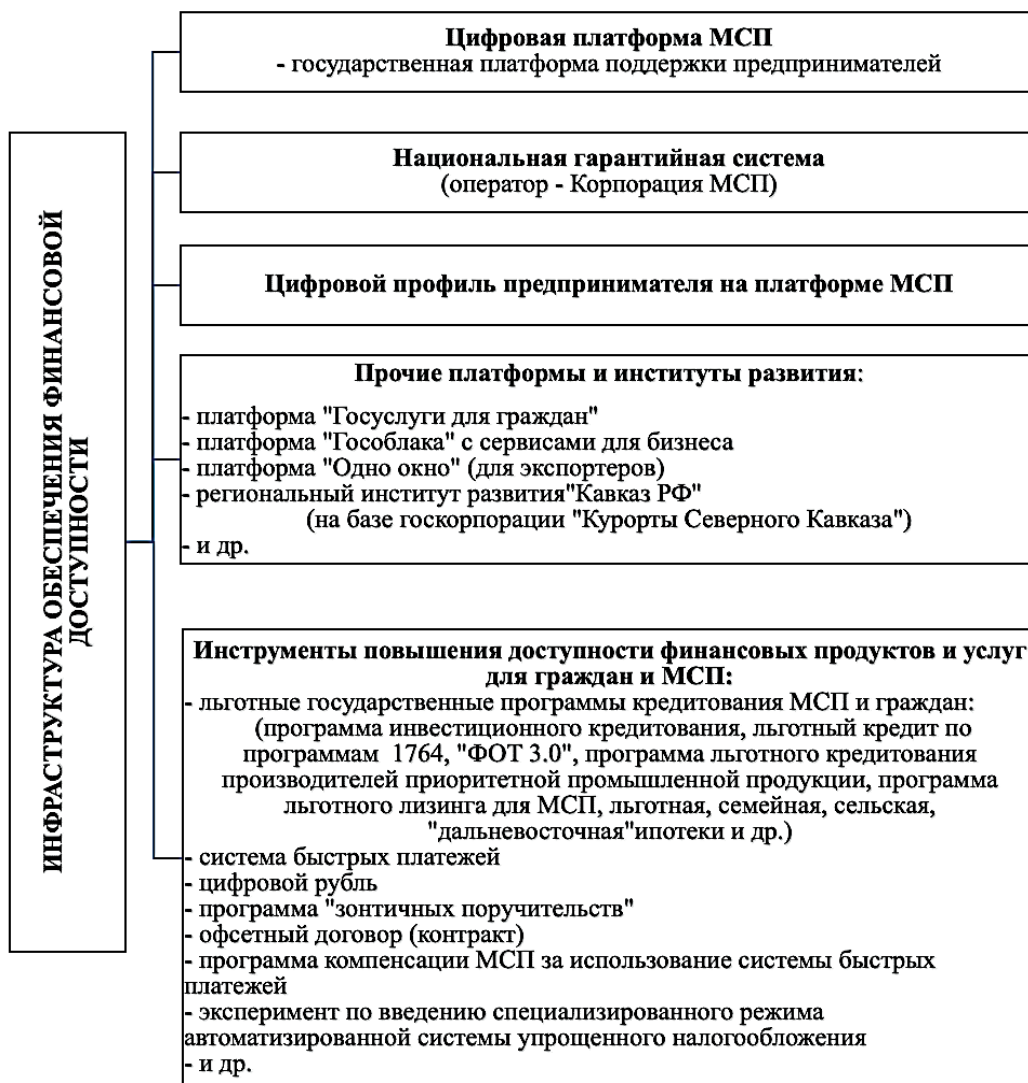

Рис. 1. Инфраструктура обеспечения финансовой доступности

Источник: составлено автором.

Механизм функционирования платформы – значимого элемента инфраструктуры финансовой доступности, позволяет совмещать федеральные и региональные кредитные программы, нацеленные на МСП, благодаря чему приоритетным отраслям субъектов становятся доступны кредиты на льготных условиях, а также унифицируются меры поддержки регионов на цифровой платформе «МСП.РФ», реализуются другие актуальные для субъектов МСП запросы.

Функционирование платформы МСП существенно упрощает открытие, ведение и развитие бизнеса для предпринимателей, которые на ее базе могут проактивно получать в электронном виде 80 госуслуг, что способствует не просто доступности, а вовлечению (инклюзии) субъектов МСП в получение цифровых финансовых услуг, усиливая их доступность.

Значимыми направлениями развития Корпорации МСП в 2023 году стали:

- льготное финансирование микробизнеса;
- участие МСП в закупках крупнейших заказчиков;
- экспортная деятельность МСП;
- налоговая поддержка;
- межрегиональная кооперация;
- развитие лизинга и др.

К 2024 году на цифровой платформе планируется реализация более 20 различных сервисов, что позволит нивелировать проблемы, связанные с недостатком информации о господдержке, необходимости для субъектов МСП регистрироваться на различных ресурсах, обязанности собирать пакеты документов при различных обращениях.

Среди участников эксперимента – Минцифры, Минэкономразвития, Банк России, ФНС, Корпорация МСП. Другие субъекты, среди которых следует назвать институты развития, банки и страховые компании, другие федеральные министерства и ведомства могут присоединяться к ней в добровольном порядке.

Через платформу реализуются *льготные госпрограммы кредитования МСП*. Льготные государственные программы кредитования МСП в инфраструктуре финансовой доступности позиционируются как важнейший инструмент, основа механизма обеспечения финансовой доступности. Среди значимых государственных программ, направленных на поддержку МСП и реализуемых на сегодняшний день, следует выделить:

- *пилотную программу инвестиционного кредитования* (возможность для предпринимателей получения льготного кредита в банках, перечень которых опубликован на сайте Минэкономразвития);
- *льготный кредит по программе 1764* [8] (льготные кредиты, реализуемые в рамках нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство» более чем в 100 банках; программа стартовала в феврале 2019 г., рассчитана до 2024 г. и предполагает выдачу предпринимателям кредитов по льготной ставке с компенсацией затем кредитным организациям недополученной прибыли);
- *льготные кредиты и безвозмездные гранты по госпрограмме «ФОТ 3.0»* [9] (льготная программа, пришедшая на смену «ФОТ 2.0; займы малым предприятиям и социально ориентированным НКО более чем 17 отраслей, выплачиваемые пропорционально МРОТ на сотрудника и нацеленные на сохранение не менее 90% рабочих мест в период действия льготного кредитного договора);
- *программа льготного кредитования производителей приоритетной промышленной продукции* [10] (новый инструмент, направленный на стимулирование инвестиционной активности, достижение технологического суверенитета и ускорение темпов экономического роста страны; инструмент – льготные кредиты до 100 млрд руб (объем софинансирования по каждому инвестиционному проекту – не менее 20% от общей стоимости) по ставке не более 30% ключевой ставки ЦБ плюс 3 процентных пункта с компенсацией разницы за счет субсидий из федерального бюджета: перечень приоритетной промышленной продукции утверждается Минпромторгом; приоритетные сферы – медицина, фармацевтика, химическая промышленность);
- *программа льготного лизинга для МСП* (реализуется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» и позволяет предпринимателям на выгодных условиях арендовать оборудование; инструменты стимулирования направлены на использование в лизинг как отечественного, так и импортного оборудования при стимулировании использования в лизинг оборудования отечественного производства).

В отношении граждан также действуют многочисленные государственные программы. Среди

них важнейшие – программы, направленные на расширение возможностей приобретения гражданами собственного жилья: льготная и семейная ипотеки (по поручению Президента продленные до середины 2024 г.); «Дальневосточная ипотека», расширенная в процессе ее реализации и ориентированная сегодня в том числе на семьи учителей и медицинских работников; сельская ипотека, ориентированная на жителей небольших населенных пунктов, условия по которой постоянно расширяются, приближая финансовый инструмент к нуждам граждан с невысокими доходами. Здесь же следует упомянуть национальный проект «Жилье и городская среда», ориентированный в том числе на устранение ветхого и аварийного жилья в малых городах и поселениях.

Значимую роль в развитии цифровых финансовых услуг для граждан и МСП играет система гарантий и поручительств по кредитам. Следует в этой связи отметить меры, направленные на развитие *Национальной гарантийной системы (НГС)*, оператором которой выступает Корпорация МСП. НГС помогает предпринимателям получать льготные банковские кредиты при использовании в качестве обеспечения гарантий и поручительств ее участников в случае, если у заемщиков отсутствует залог или его недостаточно. Гарантии предоставляют банки – участники механизма зонтичных поручительств Корпорации МСП и региональные гарантийные организации.

Значимым элементом инфраструктуры повышения финансовой доступности и доверенного цифрового пространства следует считать создаваемый на платформе «МСП.РФ» «Цифровой профиль предпринимателя». Цифровой профиль предпринимателя может стать действенным механизмом ускорения процессов принятия решений по получению субъектами МСП мер поддержки. Он формируется автоматически на основе 18 категорий данных о бизнесе, включает более 800 параметров бизнеса для автозаполнения заявок и нацелен на адресное и проактивное предложение компаниям региональных и федеральных программ и услуг конкретно под их запросы и индивидуальные особенности. Информация будет поступать от государственных органов в автоматическом режиме, что позволит субъектам МСП быстрее получать подходящие им меры поддержки – в первую очередь финансовых (кредитов, займов, микрозаймов, грантов, субсидий), поскольку из анкеты заемщика будет исключено около 50 пунктов и не потребуются загрузка порядка 10 подтверждающих документов, упростит проверку заемщиков со стороны банков, поскольку данные будут поступать из достоверных источников.

Перспективным инструментом инфраструктуры обеспечения финансовой доступности следует считать новую программу «зонтичных» поручительств, которая появилась в 2021 г. и направлена на совершенствование гарантийного механизма в отношении предпринимателей, у которых не хватает залога, однако есть намерения разви-

тия бизнеса. Раньше таким предпринимателям отказывали в кредите. Инвестиционные вложения, пополнение оборотных средств, рефинансирование кредита и др. сегодня доступны им с использованием зонтичных поручительств. Поручительства встраиваются в кредитные продукты, становясь «невидимыми» для предпринимателя и обеспечивая до 50% заемных денег, а по приоритетным направлениям – до 85%, что снижает риск кредитования и позволяет банку снижать конечную ставку по такому кредиту на 1–2% и предоставлять кредиты в рамках утвержденных лимитов без дополнительного согласования с корпорацией МСП. Таким образом зонтичные гарантии Корпорации МСП позволяют забирать у банков часть рисков по кредитованию малого и среднего бизнеса, предоставляют возможности получения предпринимателями быстрого и дешевого финансирования.

Господдержкой в рамках реализации нацпроекта развития МСП и уже воспользовалось более 44 тыс. предпринимателей. Объем кредитов с поручительством за 2022 г. вырос на 68% по сравнению с 2021 г. Число МСП. Получивших эту поддержку, увеличилось в 2,5 раза [4].

Развитию цифровых финансовых услуг для граждан и МСП способствует использование в механизмах господдержки такого *инструмента повышения финансовой доступности как офсетный договор (контракт)*. Офсетный контракт – долгосрочный договор поставки товара для обеспечения государственных нужд со встречными инвестиционными обязательствами, в рамках которого инвестор открывает новое производство и получает от государства гарантии приобретения его продукции в течение нескольких лет. Подобные договора заключаются на срок до 10 лет и позволяют активнее вовлекать МСП в региональные проекты в рамках госзакупок, а также создавать новые рабочие места. Первой в России офсетный договор заключила компания «Автодор – платные дороги» при участии Корпорации МСП. По нему будут поставлены 100 тыс. отечественных транспондеров для оплаты проезда по трассам и 10 тыс. держателей для них. Поставщиком-инвестором стала компания «Сорб инжиниринг», общая сумма договора составляет 120,3 млн рублей. Поставка будет осуществляться в 2023–2025 годах тремя партиями с мая 2023 года [11].

Развитию цифровых финансовых услуг способствует важнейший инструмент повышения финансовой доступности – *Программа компенсации МСП за использование системы быстрых платежей*, реализуемая по поручению Президента РФ с июля 2021 года и неоднократно продлеваемая в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1103 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение затрат субъектам малого и среднего предпринимательства на оплату банковских комиссий при осуществлении перевода денежных средств физическими лицами в пользу субъектов

малого и среднего предпринимательства в оплату товаров (работ, услуг) в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России и Постановление Правительства РФ от 20 июля 2022 г. № 1306 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение затрат субъектам малого и среднего предпринимательства на оплату банковских комиссий при осуществлении перевода денежных средств физическими лицами в пользу субъектов малого и среднего предпринимательства в оплату товаров (работ, услуг) в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России». В инфраструктуре финансовой доступности она позиционируется как инструмент повышения доступности финансовых продуктов и услуг для граждан и МСП. В основе механизма – компенсация предприятиям малого и среднего бизнеса расходов за использование отечественной системы быстрых платежей. Сервис быстрых платежей принадлежит Банку России и позволяет гражданам оплачивать товары и услуги с использованием мобильных приложений банков – участников сервиса, при этом комиссия не превышает 0,7% от стоимости товара, что ниже в 2–2,5 раза, чем у других операторов, что делает сервис популярным как среди покупателей, так и среди предпринимателей и создает альтернативу традиционным эквайринговым расчетам с использованием банковских карт, что особенно актуально в условиях отключения банков от международных платежных систем. За время действия программы банкам было выплачено более 400 млн рублей, что подтверждает интерес к ней со стороны предпринимательского сообщества.

Важнейшим инструментом обеспечения доступности цифровых финансовых продуктов и услуг для граждан и предприятий МСП и в целом финансовой доступности следует считать цифровой рубль. Банк России с 2020 года реализует крупнейший проект по его внедрению. Тестирование операций с цифровым рублем началось 15 августа 2023 года. В числе участников пилотного проекта – 13 банков и ряд их клиентов. Центральный банк обозначает перспективы бесплатного для граждан использования платформы цифрового рубля, а также минимальные комиссии для бизнеса, что снижает издержки граждан по приобретению, а предприятий МСП – по производству и реализации продукции. Следует также отметить, что реализация проекта осуществляется не на новых, а на традиционных для бизнеса и граждан каналах безналичных расчетов, что делает новый инструмент удобным и будет способствовать его использованию населением и бизнесом. Следует отметить важнейшую деталь проекта – высокий уровень его информационной безопасности. Банком России выстроена новая специальная инфраструктура, оснащенная современными средствами безопасности, базирующимися на отечественных разработках, а также новый удостоверяющий центр. В случае успешной реализации проекта цифровой рубль и его инфра-

структура станут крепким фундаментом российского доверенного цифрового пространства.

Развитие цифровых финансовых услуг для граждан и МСП реализуется и через другие платформы и региональные институты развития как элементы инфраструктуры финансовой доступности и доверенного цифрового пространства. Так, следует отметить активное развитие платформ «Госуслуги для граждан», «Гособлака» с сервисами для бизнеса, «Одно окно» для экспортеров и др. Среди региональных институтов развития выделяется единый институт развития «Кавказ.РФ», созданный на базе госкорпорации «Курорты Северного Кавказа» Северо-Кавказского Федерального округа с целью финансирования инвестпроектов в реальном секторе экономики СКФО. Инвестиционная политика нового института включает предоставление льготных займов, направленных на развитие туристической отрасли и нацелена на реализацию экономического потенциала Северного Кавказа и создание новых точек роста.

Значимым для развития цифровых финансовых услуг для граждан и субъектов МСП следует считать *эксперимент по введению специализированного режима автоматизированной системы упрощенного налогообложения* в соответствии с Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения»» от 25.02.2022 № 17-ФЗ, реализуемый с 01 июля 2022 г. по 31 декабря 2027 г. в четырех субъектах РФ и позволяющий бизнесу существенно снизить издержки. С 01 января 2023 года расширен перечень компаний и ИП, которым доступно его применение. В проекте на дату обращения задействовано 9 крупнейших российских коммерческих банков.

Для того, чтобы быть действенной, инфраструктура финансовой доступности должна претерпевать постоянные изменения как в части институтов, ее составляющих, так и в части инструментария, что будет способствовать повышению доступности финансовых продуктов и услуг для граждан и предприятий малого и среднего бизнеса, их вовлеченности в экономические процессы.

Литература

1. Абрамова М.А., Дубова С.Е. Турбулентность угроз финансовой стабильности в новых реалиях развития денежной и платежной систем // Банковские услуги. 2022. № 7. С. 9–18. – URL: https://doi.org/10.36992/2075–1915_2022_7_9
2. Абрамова М.А., Дубова С.Е. Границы финансовой инклюзивности в контексте теории финансового развития // Известия СПбГЭУ. 2023. – № 3(141). – Ч1. – С. 18–41.
3. Белоусов А. Более 800 млрд рублей за счёт механизмов национальной гарантийной системы привлёк малый и средний бизнес в 2022 году. – URL: <http://government.ru/news/47751/> (дата обращения: 28.08.2023)
4. Дубова, С.Е. Факторы финансовой инклюзивности в контексте теории финансового развития /С.Е.Дубова // Банковские услуги. – 2022. – № 8. – С. 25–30. – ISSN: 2075–1915. – URL: https://doi.org/10.36992/2075–1915_2022_8_25
5. Современные концепции финансового развития: теория и методология: монография / кол. авторов; под ред. К.В. Криничанского. – Москва: КНОРУС, 2023. – 252 с.
6. Consumer Risks in Fintech. New Manifestations of Consumer Risks and Emerging Regulatory Approaches. Policy research paper. International Bank for Reconstruction and Development/The World Bank. APRIL 2021. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/515771621921739154/pdf/Consumer-Risks-in-Fintech-New-Manifestations-of-Consumer-Risks-and-Emerging-Regulatory-Approaches-Policy-Research-Paper.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).
7. Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2018 г. № 1764.
8. О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2021 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на восстановление предпринимательской деятельности // Постановление Правительства Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 1850.
9. О государственной поддержке организаций, реализующих инвестиционные проекты, направленные на производство приоритетной продукции // Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2023 г. № 295.
10. Официальный сайт Правительства РФ. – URL: https://t.me/government_rus/6019 (дата обращения: 27.08.2023).
11. Цифровой профиль предпринимателя. – URL: https://mcp.pf/digital_profile?ysclid=lh0i5l-w2qq93631469 (дата обращения: 27.08.2023).

FINANCIAL INCLUSION INFRASTRUCTURE¹

Dubova S.E., Balalaeв I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation for 2023.

The state is interested in the development of digital financial services. In this regard, the Government of the Russian Federation and the Bank of Russia are taking a number of measures aimed at increasing the availability of financial products and services, primarily for citizens and small and medium-sized businesses. The article analyzes the measures taken by the state to stimulate the development of financial products and services, concludes that a special environment is being formed within the framework of a trusted digital space – the infrastructure of financial inclusion. The author systematizes the elements of this infrastructure, including: a digital platform for SMEs, a national guarantee system, a digital profile of an entrepreneur, other platforms and development institutions, preferential government programs for lending to SMEs and citizens. The infrastructure also includes tools to increase the availability of financial products and services for citizens and SMEs: a fast payment system, a digital ruble, an umbrella guarantee program, an offset agreement (contract), a compensation program for SMEs for using the fast payment system, and the introduction of a simplified taxation regime.

Keywords: digital financial products, digital services, government support, financial inclusion infrastructure, trusted digital space, digital platform, small and medium-sized businesses, national guarantee system, digital profile of an entrepreneur, development institutions, preferential lending programs.

References

1. Abramova M.A., Dubova S.E. Turbulence of threats to financial stability in the new realities of the development of the monetary and payment systems//Banking services. 2022. No. 7. P. 9–18. – URL: https://doi.org/10.36992/2075–1915_2022_7_9
2. Abramova M.A., Dubova S.E. The boundaries of financial inclusiveness in the context of the theory of financial development// Izvestiya SPbGUEU. 2023. – No. 3 (141). – Ch1. – P. 18–41.
3. Belousov A. Small and medium-sized businesses attracted more than 800 billion rubles in 2022 through the mechanisms of the national guarantee system. – URL: <http://government.ru/news/47751/> (accessed: 28.08.2023).
4. Dubova, S.E. Factors of financial inclusiveness in the context of the theory of financial development / S.E. Dubova // Banking services. – 2022. – No. 8. – P. 25–30. – ISSN: 2075–1915. – URL: https://doi.org/10.36992/2075–1915_2022_8_25
5. Modern concepts of financial development: theory and methodology: monograph / col. authors; ed. K.V. Krinichansky. – Moscow: KNORUS, 2023. – 252 p.
6. Consumer Risks in Fintech. New Manifestations of Consumer Risks and Emerging Regulatory Approaches. policy research paper. International Bank for Reconstruction and Development/ The World Bank. APRIL 2021. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/515771621921739154/pdf/Consumer-Risks-in-Fintech-New-Manifestations-of-Consumer-Risks-and-Emerging-Regulatory-Approaches- Policy-Research-Paper.pdf> (accessed: 21.08.2023).
7. On the approval of the Rules for the provision of subsidies from the federal budget to Russian credit institutions and specialized financial companies in order to compensate for their lost income on loans issued in 2019–2024 to small and medium-sized businesses, as well as individuals applying the special tax regime “Tax on professional income”, at a reduced rate. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2018 No. 1764.
8. On Amendments to the Rules for Providing Subsidies from the Federal Budget to Russian Credit Institutions to Compensate for Lost Income on Loans Issued in 2021 to Legal Entities and Individual Entrepreneurs for the Restoration of Entrepreneurship // Decree of the Government of the Russian Federation dated October 28, 2021 No. 1850.
9. On state support of organizations implementing investment projects aimed at the production of priority products // Decree of the Government of the Russian Federation dated February 22, 2023 No. 295.
10. Official website of the Government of the Russian Federation. – URL: https://t.me/government_rus/6019 (accessed: 08.27.2023).
11. Digital profile of an entrepreneur. – URL: https://msp.rf/digital_profile?ysclid=Ih0i5lw2qq93631469 (accessed: 27.08.2023).

Зубкова Светлана Валерьевна,

к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института научных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: svzubkova@fa.ru

Предмет/тема. В статье рассматриваются основные направления развития цифровых банковских сервисов и роль регулирования в повышении их эффективности и минимизации сопутствующих рисков. Автор определил основные направления развития регулирования в условиях цифровизации финансового рынка. *Цели/задачи.* Перед банками всех форматов, как небольшими, так и крупными игроками, стоит сложная задача: обеспечить полный спектр автоматизации и цифровизации как внутренних так и внешних сервисов. В этой связи развитие регулирования вместе с развитием цифровых банковских сервисов будет играть все большую роль в эффективном функционировании банковского сектора. *Методология.* При написании работы применялись общие и специальные методы исследования.

Вывод. Развитие цифровых банковских сервисов требует тонкой настройки регулирования финансового рынка в целях сохранения финансовой стабильности и развития финансовых инноваций. Очевидно, что благоприятная нормативно-правовая база позволит снизить риски в процессе перехода к цифровым экосистемам, в том числе с точки зрения защиты прав потребителей и сохранением конкурентной среды.

Ключевые слова: цифровые банковские сервисы, регулирование деятельности финансовых институтов, защита прав потребителей, конкурентная среда.

Настоящая статья подготовлена в рамках Прикладной научно-исследовательской работы «Новые подходы к регулированию финансового рынка в условиях возрастающих рисков неопределенности экономического развития при введении санкционных ограничений» (тема 1022041100225–2–5.2.4)

Переход к цифровой экосистеме приводит к появлению новых участников, технологий и инновационных бизнес-моделей, а также ставит новые задачи перед политиками и регулирующими органами организовать процесс управления рисками для поддержания финансовой стабильности и при этом дать возможность активно внедрять эффективные инновации.

По некоторым данным спрос на цифровые банковские услуги будет неуклонно расти (рис. 1) [1].

**Digital Banking Users and Penetration
US, 2021-2025**

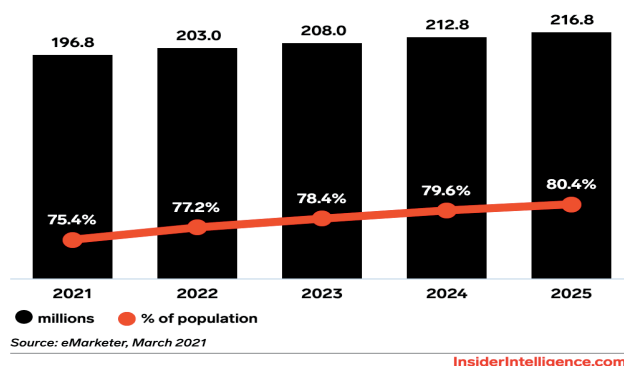

Рис. 1. Развитие банковских цифровых услуг

Источник: цифровая трансформация банковских сервисов [1].

Прогнозируется, что к 2024 году в США будет 47,5 миллионов владельцев банковских счетов, использующих только цифровые технологии, что говорит об активном развитии банков, использующих только дистанционное обслуживание [2].

Рассмотрим основные цифровые тенденции в банковском секторе.

Активно развиваются дистанционные безналичные платежи, которые становятся все более безопасными и встроенными. Встроенные финансы, в которых сразу задействованы четыре игрока: пользователь, цифровая платформа, инфраструктура встроенного финансирования и финансовое учреждение в виде банков, небанковских кредитных организаций и небанковских финансовых компаний (НБФК), оказывающих услуги страхования или др., позволяют интегрировать платежи, кредиты, страхование и даже инвестиционные инструменты практически в любую нефинансовую услугу или продукт. Ожидается, что в ближайшие несколько лет использование модели встроенного финансирования позволит традиционным банкам сэкономить затраты на маркетинг и брендинг, а цифровые приложения позволят увеличить доход на пользователя в несколько раз. Но для этого банки должны активно преобразовать как клиентскую, так и внутреннюю часть своих платежных серви-

сов, включая бесконтактные платежи, мгновенные платежи, цифровые кошельки, P2P-платежи и так далее; структурно перестраивая свои экосистемы, включая развитие BNPL, цифровую валюту центрального банка и др. Например, более 39% американцев признаются, что уже хотя бы раз пробовали BNPL [3], что свидетельствует о наличии серьезных конкурентов в виде финтехкомпаний для традиционных финансовых институтов.

Активный переход к безналичным операциям приводит к более значительным и обширным преобразованиям. Оно затрагивает не только традиционные способы оплаты услуг или товаров, но и меняет всю платежную инфраструктуру и развивает новые бизнес-модели.

Исследование PwC «Платежи 2025 и далее» позволило спрогнозировать, что к 2030 году объемы безналичных платежей почти утроятся (рис. 2) [4].

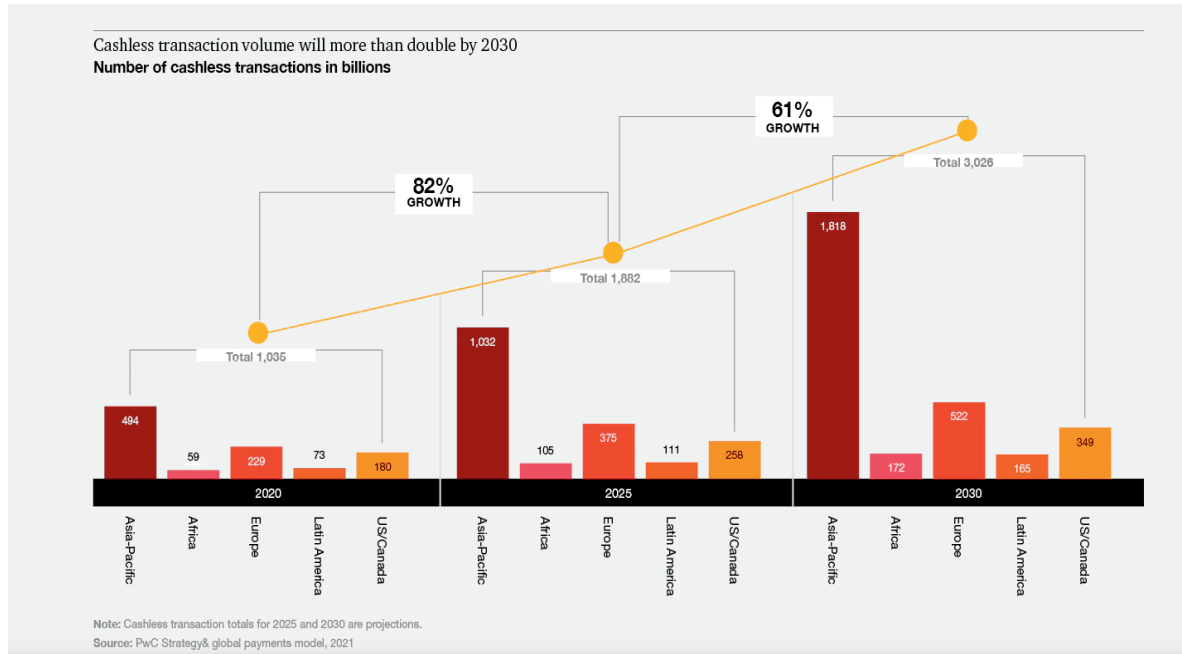

Рис. 2. Прогноз роста объема безналичных платежей к 2030 г.

Источник: Payments 2025 and Beyond | PwC [4].

Для более традиционных поставщиков цифровых финансов, таких как банки, операторы мобильной связи и микрофинансовые учреждения, роль и влияние стимулирующего регулирования цифровых финансов, а также его параметры, достаточно четко определены, как в России, так и во многих других странах. В то же время для новых участников рынка, таких как игроки в сфере финансовых технологий, благоприятная нормативно-правовая база менее ясна. В частности, в России мегарегулятор не определился, какие функции и полномочия можно предоставить компаниям FinTech, что, вероятно, может сдерживать предпринимателей от выхода на рынок. Продолжаются дискуссии о финансовых технологиях и регулировании. Управление финансового надзора Великобритании (FCA) выражало обеспокоенность по поводу потенциального «дикого запада» финансовых технологий в некоторых странах из-за отсутствия надзора со стороны регулирующих органов [5].

Другие цифровые технологии, применяемые активно банками, такие как облачные технологии и API, также требуют внимания.

Открытый банкинг (также называемый открытыми банковскими данными) позволяет банкам предоставлять доступ и контроль над клиентскими банковскими транзакциями и финансовыми данными другим компаниям через API. Некоторые ис-

следования показывают, что около 97% компаний, которые уже внедрили открытый банкинг, признают, что это принесло пользу их бизнесу, а именно улучшило обслуживание клиентов, вовлечение клиентов, способность предоставлять новые услуги и генерировать новые потоки доходов [6].

API-интерфейсы, внедряемые банками, позволяют подключить сторонние компании быстрее, удобнее и экономичнее, по сути банковское дело представить в виде услуги (BAAS).

Основная цель услуги BaaS – дать возможность финансовым компаниям и финтех-стартапам создавать банковские предложения поверх регулируемой инфраструктуры провайдеров, что позволяет управлять банковскими операциями, по сути, без создания собственного банка.

В отчете Finastra о состоянии финансовых услуг говорится, что банковское дело как услуга окажет серьезное влияние на 85% мировых финансовых учреждений [6].

Важно отметить, что принятие подхода, когда регулирование следует за инновациями, позволяет обеспечить некоторые гарантии цифрового развития с минимизацией рисков. Важным для регуляторов остается и защита прав потребителей. Регулирующие органы должны сопоставлять социальную интеграцию и коммерческую выгоду с защитой конфиденциальности, выбора и контроля граждан.

Основная роль регулирования в этой связи заключается в обеспечении информирования потребителей и предотвращения недобросовестной практики со стороны поставщиков цифровых сервисов.

В дополнение к влиянию регулирования на потребителей, с увеличением перехода к цифровой экосистеме, регулирование также играет роль в содействии конкуренции и инновациям для поставщиков цифровых финансовых услуг.

Цифровая трансформация затронула и другие отрасли финансового рынка, что привело к усилению конкуренции между различными видами финансовых институтов, в первую очередь это касается платежных сервисов, как же было сказано выше, и страхования.

Цифровая трансформация в страховании происходит медленнее, чем в других отраслях, из-за жесткой и постоянно меняющейся политики регулирования, которая задерживает внедрение новых технологий. Однако по мере того, как клиенты переходят в онлайн практически во всех сферах своей жизни, меняются и бизнес страховщиков.

По мнению McKinsey, высокоэффективный бизнес цифрового страхования основан на четырех фундаментальных элементах:

- цифровой портфель продуктов и услуг в экосистеме партнеров;
- расширенная аналитика;
- омниканальный клиентский опыт;
- автоматизированные операции [7].

Цифровой портфель продуктов и услуг в экосистеме партнеров предполагает использование ряда современных технологических трендов, таких как искусственный интеллект, динамическое ценообразование, Интернет вещей и так далее. В отчете McKinsey подчеркивается, что портфель продуктов должен быть цифровым и применять динамическое ценообразование. Динамическое ценообразование позволяет постоянно корректировать цены в режиме реального времени на основе прогнозной аналитики, которая анализирует широкий спектр потенциальных факторов, чтобы предложить лучшие цены.

Перед страховщиками стоит сложная задача развития андеррайтинга путем создания экосистемы вокруг потока данных, сотрудничая с компаниями из других отраслей и предлагая продукты и услуги, страхование которых является лишь одним из компонентов.

Страховые компании все чаще обращаются к передовой аналитике. Это может помочь компании изучить множество данных для получения актуальной информации, которую можно использовать в различных бизнес-сценариях. Это помогает не только принимать решения и защищать бизнес от опасностей, но и определять новые возможности роста на основе данных клиентов.

Омниканальный клиентский сервис страховых компаний предполагает доступ клиентов к страховым услугам по нескольким каналам с одинаковым уровнем пользовательского опыта. Поэтому все больше и больше страховщиков переходят

на омниканальную стратегию, ориентированную на пользователя, чтобы оставаться конкурентоспособными.

Страховые компании активно работают над повышением удовлетворенности клиентов при одновременном снижении эксплуатационных расходов.

Однако помимо традиционной автоматизации процессов, которая автоматизирует все процессы на каждом этапе цепочки создания стоимости, страховщики начинают внедрять роботизированную автоматизацию процессов (RPA) с передовым искусственным интеллектом для оптимизации всего процесса.

По данным McKinsey & Company, к 2025 году страховой сектор потенциально автоматизирует 25% своих процессов, а в основе изменений лежит технология RPA. Однако важно отметить, что, поскольку затрагивается каждый уровень, достижение высокого уровня автоматизации требует фундаментальных изменений ИТ-архитектуры [8].

Инвестиционные услуги, включая управление активами и благосостоянием, также переживают значительные изменения. Около 7,7% финансовых консультантов из США и Канады признались, что потеряли бизнес, поскольку у них не было необходимых инструментов, когда личные встречи были сокращены из-за пандемии. Таким образом, более трех четвертей мировых управляющих активами считают цифровую трансформацию главным приоритетом [9].

Некоторые тенденции, которые перечислены выше, такие как внедрение облачных технологий, автоматизация процессов, API и улучшение качества обслуживания клиентов, также актуальны для инвестиционного сектора. В то же время все более актуальным для цифрового развития инвестиционных услуг становится кибербезопасность.

По данным Private Banker Internationale каждый пятый инвестор пострадал от финансового мошенничества за последние 3 года. С другой стороны, у неинвесторов уровень мошенничества ниже – только один из десяти случаев [10].

Многие инвестиционные банки и компании по управлению активами экспериментируют с голосовой биометрией, чтобы повысить безопасность и качество обслуживания клиентов во время телефонных транзакций. Среди других стратегий кибербезопасности – передовые технологии шифрования, такие как многофакторная аутентификация или виртуальные частные сети (VPN), электронные подписи, обнаружение аномалий в сетевом трафике, предупреждения о возможных угрозах или взломах, идентификация на основе контента и многое другое.

Еще одна важная стратегия, которая набирает обороты, – это архитектура нулевого доверия (ZTA) или модель безопасности с нулевым доверием. Основная идея, лежащая в ее основе, – «никогда не доверяй, всегда проверяй». Это означает, что устройствам никогда не следует доверять по умолчанию, даже если они подключены к управляемой корпоративной сети и были подтверждены

ранее. Это помогает предотвратить утечку данных, устраняя концепцию доверия из сетевой архитектуры [11].

Роботизация инвестиционной отрасли финансового рынка позволяет развивать гибридные возможности консультирования в целях снижения затрат и обеспечения автоматизированных инвестиций на основе алгоритмов самообучения. В то же время большая часть доверия к инвестициям клиентов исходит из личных отношений. Около 54% инвесторов признают, что из-за волатильности рынка, вызванной COVID-19, они потеряли доверие к использованию роботов-консультантов, а 67% инвесторов хотят получить цифровой опыт, предполагающий взаимодействие с советником-человеком [12].

Развитие цифровых банковских сервисов привело к реорганизации внутренних сервисов как банков, так и других финансовых институтов, в первую очередь трансформации бухгалтерского учета.

Новые технологии, такие как автоматизация процессов, машинное обучение и другие, все чаще применяются в отрасли, чтобы переосмыслить подход к бухгалтерскому учету, как к непрерывному процессу.

Дальнейший рост отрасли налогообложения и бухгалтерского учета, а также непрерывный учет как тенденции невозможны без анализа данных, что также является важной тенденцией в финансовой отрасли. Аналитика данных использует искусственный интеллект и прогнозную аналитику для решения ряда задач бухгалтерского учета, таких как финансовая отчетность и прогнозы, постоянные изменения налогового законодательства, нормативных требований и стандартов бухгалтерского учета и т.д. В целях стандартизации и объединения транзакционных данных из разных источников активно внедряется гармонизация данных – процесс объединения организованных, полуструктурированных и неструктурированных данных в одну единую систему. Гармонизация данных помогает устранить двусмысленность, связать записи и установить стандарты, которые закладывают фундамент для дальнейших улучшений с точки зрения анализа данных в бухгалтерском учете.

Чтобы избежать подавления инноваций и способствовать безопасному и ответственному развитию, все большее число регулирующих органов прибегает к подходу «песочницы». Кроме «песочниц», можно использовать и другие известные механизмы поддержки финансовых инноваций, в том числе «инновационные центры (финтех)», «инкубаторы (финтех)», «акселераторы (финтех)» и «отраслевые песочницы», позволяющие информировать о политике в области финансовых технологий (и отборе компаний для участия в «песочнице»).

В недавней дискуссионной записке по FinTech МВФ указывает на четыре соображения, которые следует учитывать органам финансового регулирования в будущем: из-за растущего разнообразия финтехкомпаний уделять повышенное внимание их роли и месту в архитектуре финансового рынка;

усилить правила и стандарты, гарантирующие целостность данных, алгоритмов и платформ; активно проводить политику поддержки открытых сетей; модернизировать правовые принципы для разъяснения прав и обязанностей поставщиков финансовых услуг в новой среде [13].

Литература

1. Mindk [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mindk.com/blog/digital-transformation-in-financial-services/> (дата обращения: 09.09.2023).
2. Neobanks: Explained + List of Top Neobanks in 2023 Insider Intelligence. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.insiderintelligence.com/insights/neobanks-explained-list> (дата обращения: 09.09.2023).
3. Buy Now, Pay Later – Boom or Bust? | eReport and Infographic Thestrawgroup [Электронный ресурс]. – URL: <https://thestrwgroup.com/buy-now-pay-later-boom-or-bust/> (дата обращения: 09.09.2023).
4. Payments 2025 and Beyond. PwC [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/publications/financial-services-in-2025/payments-in-2025.html> (дата обращения: 09.09.2023).
5. Williams-Grut, “Britain’s Finance Watchdog Is Worried about ‘Wild West’ Fintech in Some Parts of the World.” [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.financedigitalafrica.org/wp-content/uploads/2018/08/FiDA-Snapshot-14-What-is-the-role-of-regulation-in-digital-finance.pdf> (дата обращения: 09.09.2023).
6. Finastra: Financial Services State of the Nation Survey 2021 | Finastra [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.finastra.com/viewpoints/research/finastra-financial-services-state-nation-survey-2021> (дата обращения: 09.09.2023).
7. Mckinsey [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/global-insurance-report-2023> (дата обращения: 09.09.2023).
8. Automation at scale is driving transformative change across insurance | McKinsey [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/automation-at-scale-is-driving-transformative-change-across-insurance> (дата обращения: 09.09.2023).
9. Insider Intelligence [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.insiderintelligence.com/insights/wealth-management-ecosystem/> (дата обращения: 09.09.2023).
10. PrivateBanker International [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.privatebankerinternational.com/comment/cybersecurity-wealth-managers/> (дата обращения: 09.09.2023)/
11. Zero trust security model [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Zero_trust_security_model (дата обращения: 09.09.2023).

12. How COVID-19 Boosts Case For Hybrid Advace Models [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wealthbriefing.com/html/article.php?id=188519#.Yf1OjupBxPY> (дата обращения: 09.09.2023).
13. Dong He, Ross Leckow, Vikram Haksar, Tommaso ManciniGriffoli, Nigel Jenkinson, Mikari Kashima, Tanai Khiaonarong, Céline Rochon, and Hervé Tourpe // Fintech and Financial Services: Initial Considerations: [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/06/16/Fintech-and-Financial-Services-Initial-Considerations-44985> (дата обращения: 09.09.2023).

PROBLEMS OF REGULATION OF DIGITAL DEVELOPMENT OF THE BANKING SECTOR¹

Zubkova S.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Subject/topic. The article discusses the main directions of development of digital banking services and the role of regulation in increasing their efficiency and minimizing associated risks. The author has identified the main directions of regulation development in the conditions of digitalization of the financial market. *Goals/Objectives.* Banks of all formats, both small and large players, face a difficult task: to provide a full range of automation and digitalization of both internal and external services. In this regard, the development of regulation together with the development of digital banking services will play an increasingly important role in the effective functioning of the banking sector. *Methodology.* General and special research methods.

Conclusions and Relevance. The development of digital banking services requires fine-tuning of financial market regulation in order to maintain financial stability and develop financial innovations. It is obvious that a favorable regulatory framework will reduce the risks in the process of transition to digital ecosystems, including from the point of view of consumer protection and preservation of the competitive environment.

Keywords: digital banking services, regulation of financial institutions, consumer protection, competitive environment.

References

1. Mindk [Electronic resource]. – URL: <https://www.mindk.com/blog/digital-transformation-in-financial-services/> (accessed: 09.09.2023).

2. Neobanks: Explained + List of Top Neobanks in 2023 Insider Intelligence. [electronic resource]. – URL: <https://www.insiderintelligence.com/insights/neobanks-explained-list> (accessed: 09.09.2023).
3. Buy Now, Pay Later – Boom or Bust? | EReport and Infographic Thestrawgroup Electronic resource]. – URL: <https://thestravgroup.com/buy-now-pay-later-boom-or-bust/> (accessed: 09.09.2023).
4. Payments 2025 and Beyond. PwC [Electronic resource]. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/publications/financial-services-in-2025/payments-in-2025.html> (accessed 09.09.2023).
5. Williams-Grut, “Britain’s Finance Watchdog Is Worried about ‘Wild West’ Fintech in Some Parts of the World.” [Electronic resource]. – URL: <https://www.financedigitalafrica.org/wp-content/uploads/2018/08/FIDA-Snapshot-14-What-is-the-role-of-regulation-in-digital-finance.pdf> (accessed: 09.09.2023).
6. Finastra: Financial Services State of the Nation Survey 2021 | Finastra [Electronic resource]. – URL: <https://www.finastra.com/viewpoints/research/finastra-financial-services-state-nation-survey-2021> (accessed 09.09.2023).
7. Mckinsey [Electronic resource]. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/global-insurance-report-2023> (accessed: 09.09.2023).
8. Automation at scale is driving transformative change across insurance | McKinsey [Electronic resource]. – URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/automation-at-scale-is-driving-transformative-change-across-insurance> (accessed: 09.09.2023).
9. Insider Intelligence [electronic resource]. – URL: <https://www.insiderintelligence.com/insights/wealth-management-ecosystem/> (accessed: 09.09.2023).
10. PrivateBanker International [Electronic resource]. – URL: <https://www.privatebankerinternational.com/comment/cybersecurity-wealth-managers/> (accessed: 09.09.2023).
11. Zero trust security model [Electronic resource]. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Zero_trust_security_model (accessed: 09.09.2023).
12. How COVID-19 Boosts Case For Hybrid Advace Models [Electronic resource]. – URL: <https://www.wealthbriefing.com/html/article.php?id=188519#.Yf1OjupBxPY> (accessed: 09.09.2023).
13. Dong He, Ross Leckow, Vikram Haksar, Tommaso Mancini-Griffoli, Nigel Jenkinson, Mikari Kashima, Tanai Khiaonarong, Céline Rochon, and Hervé Tourpe // Fintech and Financial Services: Initial Considerations: [Electronic resource]. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2017/06/16/Fintech-and-Financial-Services-Initial-Considerations-44985> (accessed: 09.09.2023).

¹ This article was prepared within the framework of the Applied research work «New approaches to financial market regulation in conditions of increasing risks of uncertainty of economic development with the introduction of sanctions restrictions» (topic 1022041100225–2–5.2.4).

Криворучко Светлана Витальевна,

д.э.н., профессор, профессор Департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: skrivoruchko@fa.ru

Медведева Марина Борисовна,

к.э.н., профессор, профессор Департамента мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mbmedvedeva@fa.ru

Ризванова Ирина Азатовна,

к.э.н., старший преподаватель Департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: IARizvanova@fa.ru

В условиях обострения конкуренции на рынках финансовых услуг в связи с проникновением в сегменты доходных продуктов новых игроков и повышения требовательности со стороны клиентов цифровизация создает уникальные возможности для банков и других финансовых организаций. Потенциал сокращения операционных издержек, повышения эффективности работы с клиентами, ускорение и удешевление транзакций требуют от банков обратить внимание на финансовые технологии, и особенно не игнорировать успехи небанковских провайдеров услуг, а адекватно использовать их достижения. В статье раскрывается сущность банков новой волны, преимущества банков Challenger перед традиционными национальными банками, также проанализирован зарубежный опыт цифровизации финансовых услуг.

Ключевые слова: цифровизация финансовых услуг, цифровая трансформация, финтех-компании, финансовые технологии, банки новой волны.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Введение

Финансовый сектор переживает новый этап развития, который характеризуется высокой степенью автоматизации многих бизнес-процессов благодаря внедрению новейших информационных технологий. Это открывает для банков и других участников финансового рынка новые возможности, и одновременно, создает угрозы традиционным провайдерам финансовых услуг, если они не успеют адаптироваться к пришедшим новациям.

Можно утверждать, что официально цифровая трансформация российского финансового рынка была объявлена с утверждением Банком России «Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г.» [1], где было отмечено, что «перспективы развития банковской системы и повышение конкурентоспособности финансового сектора России в целом зависят от совершенствования способов ведения банковской деятельности на основе применения передовых информационных технологий». Далее цифровая трансформация финансового рынка стремительно развивалась: в декабре 2016 года в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации отмечалось о запуске «...масштабной системной программы развития экономики нового технологического поколения, так называемой цифровой экономики»; в июле 2017 г. была утверждена государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [2]: «...данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан...»; в феврале 2018 г. Банк России одобрил «Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг.» [3] и др. Вопросы, касаемо сущности «цифровой трансформации» остаются дискуссионными несмотря на то, что данное понятие существует уже относительно давно как в российской практике, так и в зарубежной. Этому способствует тот факт, что специалисты трактуют данное понятие исходя из фактического внедрения цифровизации в конкретную отрасль экономики. При анализе данного вопроса, рассмотрим различные подходы к определению «цифровая трансформация».

Цифровая трансформация как процесс

По мнению агентства Gartner [4] «цифровая трансформация – это процесс использования новейших цифровых технологий и практик для создания новой надежной цифровой бизнес-модели». В настоящее время в словарь Gartner [5] внесено более размытое

толкование: «цифровая трансформация может относиться ко всему: от модернизации ИТ (например, облачных вычислений) до цифровой оптимизации и изобретения новых цифровых бизнес-моделей». В такой формулировке подчеркивается характер процесса и связь с моделью бизнеса организации. Цифровизация может охватывать как отдельные процессы, так и всю совокупность, включая управленческие решения. Например, вместо (или в дополнение) кредитного анализа, проводимого одним или несколькими специалистами, предлагается программное обеспечение для скоринга, которое выдает заключение на основе обработки вводимой информации, и таким образом, не зависит от субъективного фактора. Даже надзор за финансовыми учреждениями может быть автоматизирован до уровня системного набора триггеров, которые посылают предупредительные сигналы лицам, принимающим решения. В целом это относится к любой организации, которая использует технологии в качестве инструмента роста в своей бизнес-стратегии. Веб-портал Quixy [6] дает толкование множества терминов: автоматизация бизнес-процессов, реинжиниринг бизнес-процессов, автоматизация принятия решений, облачные технологии и прочее, в том числе цифровая инновация (это создание и/или разработка новых технологий, которые помогут бизнесу или группе людей; цифровые инновации рассматривают использование существующих технологических инструментов и их максимальное использование, почти как предвестник цифровой трансформации; ускорение цифровых инноваций означает создание основы для ускорения цифровой трансформации) и цифровая модернизация (процесс модернизации существующих процессов и внедрения новых технологических систем для удовлетворения потребностей отрасли; часто этот процесс входит в компетенцию ИТ-директора и в основном предпринимается для улучшения операций и инфраструктуры в бизнесе; модернизация может помочь бизнесу повысить эффективность, улучшить существующие процессы и сократить расходы).

Мы раскрываем *цифровую трансформацию* как целенаправленный на повышение прибыльности, клиентоориентированный процесс внедрения организацией цифровых технологий, сопровождаемый оптимизацией системы управления бизнес-процессами. Без целеполагания такой процесс будет хаотичным и безуспешным.

Таким образом, можно утверждать, что *цифровая трансформация* – основанное на применении цифровых технологий преобразование структур, форм и способов производства, изменение целевой направленности деятельности, обеспечивающее существенное изменение параметров и свойств производимых услуг/продуктов, создание новых услуг/продуктов и получение новых рыночных возможностей.

Финтех-компании или технологизация банков

Одним из ключевых индикаторов цифровой трансформации финансовых услуг являются применяе-

мые финансовые технологии. Которые включают платежные, страховые технологии, технологии для регулятивных требований, для обеспечения кибербезопасности, и для операций с цифровыми деньгами. Технологии изменяют рынок финансовых услуг, поскольку предлагают ряд технологических инструментов, включая отслеживание расходов, чат-ботов для обслуживания клиентов, а также инструменты бюджетирования, которые улучшают пользовательский опыт для клиентов. В результате инновации, технологии и стартапы, работающие в сфере финансовых услуг, являются одними из факторов, стимулирующих цифровизацию на этом рынке. Быстрые изменения, которые финтех-компании привносят в финансовые услуги, заставляют традиционных финансовых посредников принимать решительные меры, чтобы наверстать упущенное и переосмыслить продукты и услуги, которые они предлагают. Традиционные посредники все чаще сотрудничают с финтех-компаниями, чтобы предлагать клиентам более быстрые и экономичные услуги.

По мнению аналитиков KPMG [7], расширение масштабов в сочетании с растущей зрелостью ряда подсекторов финансовых технологий, увеличением инвестиций в менее зрелые юрисдикции и растущим корпоративным интересом будет поддерживать высокий уровень инвестиций в 2023 году на рынке финансовых технологий в мире.

1. Все больше банков предлагают встроенные решения. Встроенные финансы стали растущей тенденцией за последний год и имеют хорошие возможности для дальнейшего роста, поскольку многие банки стремятся стать поставщиками услуг для небанковских и нефинансовых организаций, стремящихся обеспечить обслуживание клиентов или предложение услуг, связанных с финансовыми услугами в качестве составляющей более крупного предложения.

2. Предложения по встроенному финансированию подвергаются все более строгому контролю со стороны регулирующих органов. Ожидается, что увеличение финансовых продуктов или услуг, встроенных в бизнес нерегулируемых организаций и предоставляемых через них, приведет к повышению уровня осведомленности и вмешательства регулирующих органов в течение следующих 6–12 месяцев, поскольку регулирующие органы стремятся защитить клиентов, разъясняя такие вопросы, как подотчетность и доступные средства правовой защиты.

3. Финтех-компании сосредотачиваются на том, чтобы позиционировать себя как организации управления данными. Многие финтехи заново изобретут себя в организации данных и поставщиков данных, которые будут предоставлять платежи и другие финансовые услуги, чтобы выделить свои организации в глазах инвесторов и рынка.

4. У финтех-компаний, ориентированных на ESG, имеется большая траектория роста. Учитывая растущую приоритетность ESG в более широком смысле, будет расти интерес к финтех-компаниям с возможностями ESG, включая компа-

нии, занимающиеся изменением климата, декарбонизацией и экономикой замкнутого цикла.

5. Больше внимания уделяется заключению сделок в слаборазвитых регионах. Инвесторы нацелены на юрисдикции, которые считаются недостаточно развитыми с точки зрения финансовых услуг, заключая больше сделок в таких регионах, как Африка, Юго-Восточная Азия, Латинская Америка и Ближний Восток.

6. Статус уникальности частично утрачен на развитых рынках, но остается ключевым на развивающихся. Невероятный рост числа финтех-компаний, особенно в США, сделает статус менее ценным для компаний на развитых рынках, хотя он должен оставаться важным строительным блоком для стартапов на развивающихся рынках и менее зрелых финтех-центров.

Как признают эксперты Делойт [8], «тенденции в области финансовых технологий показывают, что людям удобнее управлять своими деньгами и бизнесом в Интернете, и они менее склонны мириться с иногда торможением и бюрократией некоторых традиционных финансовых услуг. В целом, сектор финансовых технологий находится на пике популярности: традиционные финансовые учреждения увеличивают свои инвестиции в финтех и конкурируют со стартапами, предлагая продукты финансовых услуг быстрее и эффективнее» (рис. 1).

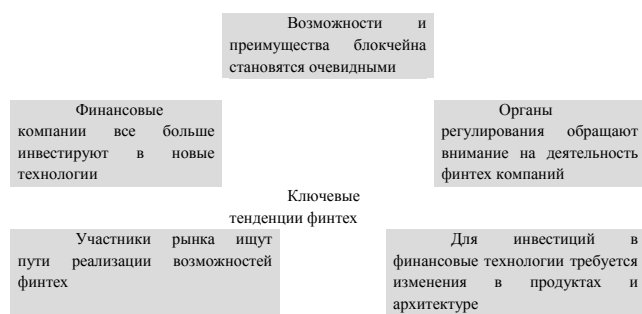

Рис. 1. Ключевые тенденции финансовых технологий

Источник: составлено авторами по данным [8].

Инвестиции в финансовые технологии не всегда приносят ожидаемую прибыль, или эффект реализуется в среднесрочной перспективе. В отчете CB Insights [9] признается угасание активности финтех-компаний, если брать во внимание количество сделок поглощения и слияний. Также количество новых участников на глобальном рынке упало ниже 30, что наблюдается впервые после 2020 года, а объемы инвестиций западных банков в финансовые технологии по итогам 2022 года снизились до 1,9 млрд долл., или на 77% в годовом выражении. В докладе «Рынок финансовых технологий: глобальные отраслевые тенденции, доля, размер, рост, возможности и прогноз на 2022–2027 годы» [10] отмечается, что в 2021 году размер мирового рынка финансовых технологий составил 131,14 млрд долларов США, и достигнет 385,93 млрд долларов США к 2027 году.

Быстрая цифровизация индустрии банковских, финансовых услуг и страхования во всем мире создает позитивные перспективы для рынка. Финтех

трансформирует банковскую систему, повышая производительность работы и удержание клиентов за счет скорости и удобства. В соответствии с этим широкое внедрение технологий для обработки больших объемов данных за короткий период, повышения эффективности и сведения к минимуму вероятности человеческой ошибки способствует росту рынка. Импульс к росту рынка придает интеграция финтех-решений с искусственным интеллектом для выявления и предотвращения мошенничества в каналах цифрового банкинга. В соответствии с этим использование машинного обучения, больших данных и эволюционных алгоритмов в финтехе для обнаружения необычной активности и улучшения мониторинга финансовых транзакций, для управления рисками и защищенного сетевого доступа к банковским учреждениям оказывает положительное влияние на рост рынка.

Правительства во всем мире поддерживают использование финтеха для расширения доступа к финансовым услугам, повышения эффективности за счет использования платежей в реальном времени и открытых интерфейсов программирования приложений и блокчейнов. Растущее проникновение Интернета и рост числа владельцев смартфонов по всему миру, наряду с растущим распространением безналичной валюты, произвели революцию в сегменте платежей и денежных переводов. Более того, растущие попытки финтех-компаний внедрить новейшие технологии и повысить удобство использования увеличивают спрос на них среди ориентированных на технологии миллениалов и поколения Z, что также стимулирует рост отрасли. Кроме того, множество стартапов и устоявшихся компаний предоставляют различные возможности для экономического роста различных малых и средних предприятий (ММСП), предоставляя им различные варианты финансирования и другие услуги, такие как кредитование на рынке, оплата счетов, финансирование торговли и электронной коммерции.

Банки новой волны

Новой тенденцией стало появление банков-челленджеров (банки-претенденты или «необанки» (англ. challenger banks)). Challenger bank – «это новый тип банка, созданного для конкуренции с крупными традиционными банками» [11]. Банки Challenger впервые появились в Великобритании на примере таких компаний, как Virgin Money и Metro Bank. Это связано с финансовым кризисом 2008 года, когда многие люди потеряли деньги и потеряли веру в авторитетные финансовые организации. Гибкое регулирование в сочетании с высоким спросом на онлайн-банкинг со стороны потребителей привело к появлению банков новой волны. Отметим, что одним из факторов развития банков новой волны является распространение действия Схемы компенсации финансовых услуг (FSCS): если цифровой банк станет неплатежеспособным, то вкладчику покроют до 85 000 фунтов стерлингов на каждый

соответствующий депозитный счет. Если же провайдер не является банком, то при наличии счета для электронных денег, его деятельность лицензируется Управлением финансового надзора (FCA). Преимуществами банков новой волны являются следующие.

Во-первых, банки, работающие только в цифровом формате, стараются предлагать более удобный мобильный банкинг, чем традиционные банки, например, это касается доступности к управлению счетом, уведомлений в режиме реального времени.

Во-вторых, большинство банков-претендентов предлагают сберегательные счета с более высокой процентной ставкой, чем традиционные банки. Причина заключается в меньшей сумме чистой процентной маржи для покрытия операционных расходов.

В-третьих, новые банки также предоставляют функции управления финансами, такие как инструменты бюджетирования, что важно для выработки адекватной модели финансового поведения в финансах. Поэтому можно сказать, что банки-претенденты «воспитывают» и обучают клиентов.

В-четвертых, такие банки предлагают лучшие условия вознаграждение или кэшбэк для покупок с использованием кредитной карты в банках-претендентах, а также взимают более низкие комиссии и процентные ставки, чем традиционные банки. Ряд банков предлагают транзакции без комиссии.

Однако и у традиционных банков есть свои преимущества перед новыми игроками финансового рынка. Во-первых, у таких банков есть своя клиентура, которая ценит сервис не столько с точки зрения дешевизны, сколько надежности и физического, а не виртуального присутствия. То есть новые игроки способны привлечь и удержать только определенную (хотя и немалую) часть клиентов. Во-вторых, ведущие банки вовсе не собираются оставаться в позиции сторонних наблюдателей, а внимательно отслеживают инновации, чтобы внедрить

у себя уже апробированные технологии. В-третьих, традиционные банки могут просто присоединить наиболее удачные стартапы вместе с персоналом и оригинальными продуктами. Следует заметить, что по мере взросления клиентов новых банков и старения существующих клиентов традиционных банков неизбежно будет происходить конвергенция, когда размывается слой консервативных потребителей, и возрастает прослойка продвинутых пользователей Интернета и мобильной связи. Банки Challenger наиболее успешны в привлечении физических лиц в возрасте до 40 лет, и в отличие от традиционных банков такая клиентура более чувствительна к тарифам и скорости сервиса, чем к солидной истории банка.

На наш взгляд, эксперты обоснованно рассматривают классические банки как разновидность банков «новой волны». Выделяют несколько типов банков Challenger [12].

1. Зрелые банки Challenger – это цифровые банки, которые уже завоевали репутацию на рынке. Примеры зрелых банков-претендентов включают Starling Bank, Monzo и Revolut.
2. Новые банки Challenger – это банки, которые работают не менее трех лет.
3. Крупные банки Challenger – это цифровые банки-претенденты, которые являются ответвлениями более крупных традиционных банков.
4. Банки Challenger шариата – они работают в соответствии с правилами и положениями исламских финансов.
5. Крупные банки Challenger, как правило, избегают конкуренции с крупными банками (розничными банками).

Таким образом, банки Challenger – это цифровые банки, которые используют возможности современных технологий для предоставления клиентам необходимых им финансовых услуг в любом месте и в любое время. В настоящее время ведущими банками-претендентами являются N26, Monzo, Revolut, Mybank и Amicus, представлено в таблице 1.

Таблица 1. Основные показатели банков новой волны

Название банка	Год создания	Ключевые показатели по итогам 2022 года	Перечень услуг
Metro Bank plc.	2010	Активы 22,6 млрд ф.ст., кредиты 12,3 млрд ф.ст., депозиты 16,4 млрд ф.ст., убытки –173 млн ф.ст. Количество счетов клиентов 2,5 млн	Банковские услуги физическим и юридическим лицам
Revolut	2015	Активы 417 млн ф.ст., убытки –168 млн ф.ст. Количество счетов клиентов 15,5 млн	Электронные деньги и платежные услуги, предоплаченные карту, обмен валют, торговля криптовалютами, товарами и акциями, потребительские кредиты и кредитные карты, аналогичные продукты для бизнес-клиентов
N26	2013	Чистые активы 9 млрд евро. Убытки 151 млн евро. Количество клиентов свыше 8 млн	Мобильный банкинг для розничных и бизнес-клиентов. С 2021 года сконцентрировался на операциях в Европе, уйдя с американского рынка
Monzo	2015	Активы 5,2 млрд ф.ст., депозиты клиентов 4,4 млрд ф.ст., убытки 119 млн ф.ст. 5,8 млн клиентов	Платежи и расчеты с использованием платежных карт, мобильного приложения

Источник: составлено авторами по данным [13–16].

Рассмотрим более подробно каждый банк, приведенный в табл. 1. Банк Metro обладает сетью из 79 мини-филиалов («магазинов»). В 2019–2021 годы в банке Metro органом надзора выявлена неправильная классификация кредитов, несколько лет подряд банк несет убытки, что вынуждает акционеров вносить дополнительный капитал. Акции банка котируются на Лондонской фондовой бирже, за последние три года преобладает тенденция к снижению курса акций. Тревогу вызывает очень высокая ротация в органах управления банком.

Компания Revolut Revolut Ltd в 2020 году привлечено фондирование в размере 580 млн долл., а в 2021 г. в размере 800 млн долларов для продолжения создания первого глобального финансового «суперприложения». Клиентская база достигла 15 млн розничных клиентов и 500 тыс. бизнес-клиентов, имеется по 1 филиалу в Польше, Португалии, Литве, Германии. Организация ведет хронически убыточную деятельность. Модель бизнеса группы больше напоминает финансовый супермаркет, а развитие носит сумбурный характер.

N26 – немецкий банк, работает более чем в 20 странах Европы и США. Банк лицензирован Центральным банком Германии, а клиенты защищены немецкой схемой гарантирования вкладов до 100 000 евро. Всего открыто 10 офисов в различных странах. В 2021 году привлек финансирование в размере 900 млн долл. Ведет хронически убыточную деятельность.

Monzo Bank Ltd – онлайн-банк, базирующийся в Великобритании. Модель бизнеса компании построена на работе без филиалов и предложения пользователям учетные записи в Интернете. В декабре 2021 года Monzo закрыл раунд финансирования на 600 миллионов долларов. Ведет хронически убыточную деятельность. В 2021 году стало известно, что FCA расследует британский банк Monzo в связи с потенциальными нарушениями отмывания денег [17]. Угрозу для таких банков представляет ужесточение режима регулирования. Пока же некоторым финансовым компаниям, предоставляя банковские услуги, удается избегать надзора.

Таким образом, многие лидирующие финтех-компании ведут убыточную деятельность, вызванную, на наш взгляд, слабым менеджментом и погоней за клиентурой за счет удешевления тарифов, что снижает их инвестиционную привлекательность. Развитие роботизации некоторых бизнес-процессов или целых сегментов бизнеса с клиентами имеют хорошую перспективу, но не приведет к отказу от человеческого фактора и личностного взаимодействия клиента и банкира. Цифровая трансформация должна охватить клиентов финансовых организаций, но это не означает, что некоторая часть клиентуры будет изолирована в силу их консерватизма или ограниченных технических возможностей.

Цифровая трансформация является насущной необходимостью и определяет конкурентоспособность финансовых организаций. Цифровизация раскрывает рынок банковских услуг и продуктов для новых участников даже без согласия ведущих

игроков, в частности банков. Традиционные банки способны перестроиться и провести модернизацию своих бизнес-моделей с адаптацией цифровых технологий. Появление «необанков» или банков-претендентов должно рассматриваться как стимул для обычных банков к инновациям. Вместе с тем возможности цифровизации нельзя переоценивать, поскольку существует риск неудачного внедрения проектов, а также угроза краха финтех-компаний, которые ведут убыточную деятельность.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы, во-первых, цифровая трансформация является необходимостью и определяет конкурентоспособность финансовых организаций. Прежде, чем начать трансформацию, руководители должны подготовить почву для внедрения технологий, четко определить потребности и увидеть возможности, прежде чем инвестировать в финансовые технологии.

Во-вторых, цифровизация раскрывает рынок банковских услуг и продуктов для новых участников даже без согласия ведущих игроков, в частности банков. Однако преждевременно говорить об отмирании или значительном отставании традиционных банков от финтех-компаний.

В-третьих, традиционные банки способны перестроиться и провести модернизацию своих бизнес-моделей с адаптацией цифровых технологий. Появление «необанков» или банков-претендентов должно рассматриваться как стимул для обычных банков к инновациям.

Литература

1. О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года: заявление Правительства РФ и ЦБР от 05 апреля 2011 г. № 1472-п-П13, 01–001/1280. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Цифровая экономика Российской Федерации [Электронный ресурс]: программа: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuP-gu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 11.07.2023).
3. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. [Электронный ресурс]: информация Банка России. – URL: http://nfo2017.ru/ru/upload/on_2018_2020.pdf (дата обращения: 11.07.2023).
4. McDonald Mark P. A Revised Working Definition of Digital Transformation. – August 24, 2020. – URL: <https://blogs.gartner.com/mark-mcdonald/2020/08/24/a-revised-working-definition-of-digital-transformation/> (дата обращения: 02.08.2023).
5. Definition of Digital Transformation – IT Glossary. Gartner. – URL: <https://www.gartner.com/>

en/information-technology/glossary/digital-transformation (дата обращения: 02.08.2023).

6. A Comprehensive Glossary of Digital Transformation Terms. – URL: <https://quixy.com/blog/complete-glossary-of-digital-transformation-terms/> (дата обращения: 02.08.2023).
7. Pulse of Fintech H2'21. KPMG. – January 2022. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2022/02/pulse-of-fintech-h2-21.pdf> (дата обращения: 02.08.2023).
8. Five fintech trends. – URL: <https://www2.deloitte.com/tr/en/pages/risk/articles/fintech-trends-insight.html> (дата обращения: 02.08.2023).
9. State of Fintech Q2 2022. – URL: https://www.cbinsights.com/reports/CB-Insights_Fintech-Report-Q2-2022.pdf (дата обращения: 02.08.2023).
10. Fintech Market: Global Industry Trends, Share, Size, Growth, Opportunity and Forecast 2022–2027. October 2022. – URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5682547/fintech-market-global-industry-trends-share?utm_source=GNOM&utm_medium=PressRelease&utm_code=59wljt&utm_campaign=1779383++Fintech+Global+Market+Report+2022%3a+Rapid+Digitalization+of+the+BFSI+Industries+Bodes+Well+for+Sector+Growth&utm_exec=como322prd (дата обращения: 02.08.2023).
11. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/challenger-b> (дата обращения: 04.08.2023).
12. How Challenger Banks Are Changing Personal Finance. – Banks Editorial Team – March 19, 2022. – URL: <https://www.banks.com/articles/banking/challenger-banks/> (дата обращения: 02.08.2023).
13. Metro Bank PLC Annual Report & Accounts 2021. – URL: https://www.metrobankonline.co.uk/globalassets/documents/customer_documents/intermediaries/metro-bank-annual-report-2021.pdf (дата обращения: 02.08.2023).
14. Revolut Ltd. Annual Report & Financial Statements 2020. – URL: <https://assets.revolut.com/pdf/Revolut%20Ltd%20Annual%20Report%20YE%202020.pdf> (дата обращения: 02.08.2023).
15. N26 Group Announces FY 2021 Financial Results – Focus on Customer Activity Drives Strong Revenue Growth. 11 OCTOBER 2022. – URL: <https://n26.com/en-eu/press/press-release/n26-group-announces-fy-2021-financial-results-focus-on-customer-activity-drives-strong-revenue-growth> (дата обращения: 02.08.2023).
16. Monzo Bank Ltd. Annual report 2022. – URL: <https://monzo.com/annual-report/2022/> (дата обращения: 04.08.2023).
17. FCA probes UK bank Monzo over potential money laundering breaches. Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/3b3281ef-f992-44c8-9afe-fdd507f6e80f> (дата обращения: 04.08.2023).

FOREIGN EXPERIENCE IN DIGITALIZATION OF FINANCIAL SERVICES: NEW WAVE BANKS¹

Krivoruchko S.V., Medvedeva M.B., Rizvanova I.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the context of intensifying competition in the financial services markets due to the penetration of new players into profitable product segments and increasing demands on the part of clients, digitalization creates unique opportunities for banks and other financial organizations. The potential for reducing transaction costs, increasing the efficiency of working with clients, speeding up and reducing the cost of transactions requires banks to pay attention to financial technologies, and especially not to ignore the successes of non-bank service providers, but to adequately use their achievements. The article reveals the essence of the new wave of banks, the advantages of Challenger banks over traditional national banks, and also analyzes foreign experience in the digitalization of financial services.

Keywords: digitalization of financial services, digital transformation, fintech companies, financial technologies, new wave banks.

References

1. On the Development Strategy of the Banking Sector of the Russian Federation for the period until 2015: Statement of the Government of the Russian Federation and the Central Bank of April 5, 2011 No. 1472-p-P13, 01–001/1280. Access from the reference legal system «Garant».
2. Digital economy of the Russian Federation [Electronic resource]: program: approved. by order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuP-gu4bvR7M0.pdf> (accessed: 07.11.2023).
3. Main directions of development of financial technologies for the period 2018–2020. [Electronic resource]: information from the Bank of Russia. – URL: http://nfo2017.ru/ru/upload/on_2018_2020.pdf (accessed: 07.11.2023).
4. McDonald Mark P. A Revised Working Definition of Digital Transformation. – August 24, 2020. – URL: <https://blogs.gartner.com/mark-mcdonald/2020/08/24/a-revised-working-definition-of-digital-transformation/> (accessed: 08.02.2023).
5. Definition of Digital Transformation – IT Glossary. Gartner. – URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/digital-transformation> (accessed: 08.02.2023).
6. A Comprehensive Glossary of Digital Transformation Terms. – URL: <https://quixy.com/blog/complete-glossary-of-digital-transformation-terms/> (accessed: 08.02.2023).
7. Pulse of Fintech H2'21. KPMG. – January 2022. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2022/02/pulse-of-fintech-h2-21.pdf> (accessed: 08.02.2023).
8. Five fintech trends. – URL: <https://www2.deloitte.com/tr/en/pages/risk/articles/fintech-trends-insight.html> (accessed: 08.02.2023).
9. State of Fintech Q2 2022. – URL: https://www.cbinsights.com/reports/CB-Insights_Fintech-Report-Q2-2022.pdf (accessed: 08.02.2023).
10. Fintech Market: Global Industry Trends, Share, Size, Growth, Opportunity and Forecast 2022–2027. October 2022. – URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5682547/fintech-market-global-industry-trends-share?utm_source=GNOM&utm_medium=PressRelease&utm_code=59wljt&utm_campaign=1779383++Fintech+Global+Market+Report+2022%3a+Rapid+Digitalization+of+the+BFSI+Industries+Bodes+Well+for+Sector+Growth&utm_exec=como322prd (accessed: 08.02.2023).
11. Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/challenger-b> (access date: 08.04.2023).
12. How Challenger Banks Are Changing Personal Finance. – Banks Editorial Team – March 19, 2022. – URL: <https://www.banks.com/articles/banking/challenger-banks/> (accessed: 08.02.2023).
13. Metro Bank PLC Annual Report & Accounts 2021. – URL: https://www.metrobankonline.co.uk/globalassets/documents/customer_documents/intermediaries/metro-bank-annual-report-2021.pdf

¹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds on a state assignment to the Financial University.

- er_documents/intermediaries/metro-bank-annual-report-2021.pdf (access date: 02.08.2023).
14. Revolut Ltd. Annual Report & Financial Statements 2020. – URL: <https://assets.revolut.com/pdf/Revolut%20Ltd%20Annual%20Report%20YE%202020.pdf> (accessed: 08.02.2023).
 15. N26 Group Announces FY 2021 Financial Results – Focus on Customer Activity Drives Strong Revenue Growth. 11 OCTOBER 2022. – URL: <https://n26.com/en-eu/press/press-release/n26-group-announces-fy-2021-financial-results-focus-on-customer-activity-drives-strong-revenue-growth> (accessed: 08.02.2023).
 16. Monzo Bank Ltd. Annual report 2022. – URL: <https://monzo.com/annual-report/2022/> (accessed: 08.04.2023).
 17. FCA probes UK bank Monzo over potential money laundering breaches. Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/3b3281ef-f992-44c8-9afe-fdd507f6e80f> (accessed: 08.04.2023).

Соколинская Наталия Эвальдовна,

к.э.н., профессор, профессор Департамента банковского дела и монетарной экономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nsokolinskaya@fa.ru

Маркова Ольга Михайловна,

к.э.н., доцент Департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ommarkova@fa.ru

Внедрение цифровых технологий в банковском секторе стало одним из основных факторов обеспечения экономического роста. Быстрое развитие информационной среды способствовало расширению спектра цифровых услуг и трансформации банковского сектора. Высокая конкуренция со стороны финансовых компаний требует от коммерческих банков развития цифровых технологий и внедрения новых банковских продуктов с использованием инновационных методов. Бизнес-модель современного коммерческого банка, вне зависимости от его масштабов, формируется с использованием данных технологий и направлена на обеспечение роста клиентоориентированности и оптимизацию бизнес-процессов.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, бизнес-процессы.

В современных условиях можно выделить ряд предпосылок для стимулирования развития цифровых технологий в банковской деятельности, основные из которых представлены на рис. 1.

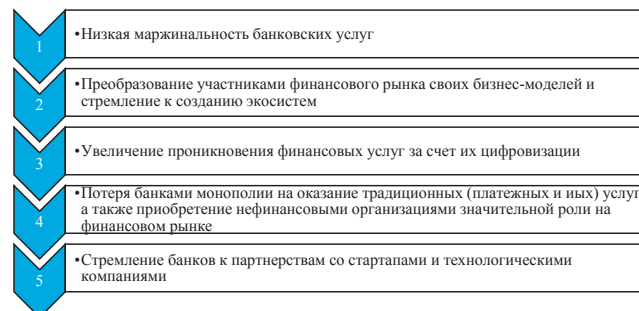

Рис. 1. Основные предпосылки для стимулирования развития цифровых технологий в банковской деятельности [1, с. 121]

Выделяют следующие подходы в процессе цифровой трансформации банковской деятельности (рис. 2).

Рис. 2. Цифровая трансформация банковского сектора [2, с. 37]

Правильно выстроенный операционный процесс дает возможность сформировать эффективную бизнес-модель и обеспечить высокую эффективность банковской деятельности в целом. Для проведения анализа влияния цифровой трансформации на результаты работы коммерческого банка используются показатели, представленные на рис. 3.

Под влиянием цифровой трансформации изменяются показатели работы коммерческого банка, представленные на рис. 4.

На развитие цифровой экономики оказывают влияние ряд факторов, которые представлены на рис. 5.

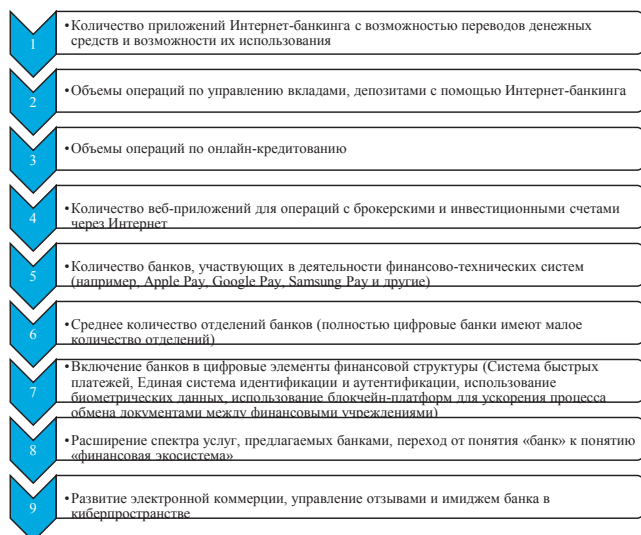

Рис. 3. Основные показатели эффективности банковской деятельности от цифровой трансформации

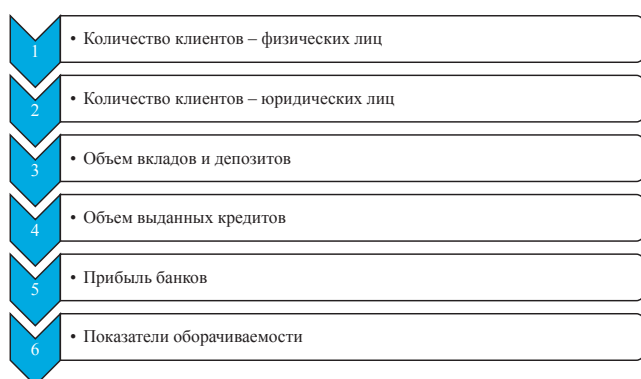

Рис. 4. Показатели деятельности коммерческого банка под влиянием цифровой трансформации

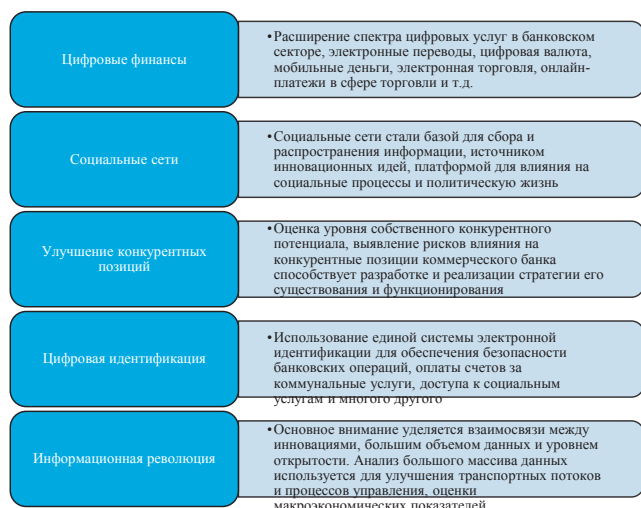

Рис. 5. Оценка влияния ключевых факторов на развитие цифровой экономики

Рассмотрим этапы цифровой трансформации в банках (рис. 6).

Выделяют следующие наиболее перспективные цифровые технологии в банковском секторе (рис. 7).

В современных условиях происходит ориентация коммерческих банков на желания и потребности клиентов. Это требует организации процесса

сбора данных о клиентах, проведении их глубокого анализа. Для того чтобы провести такую работу используется как цифровая технология, как Big Data (Большие данные). Специальные автоматизированные инструменты позволяют их обрабатывать, поскольку программа Microsoft Excel не позволяют обрабатывать данные такого объема в короткие сроки. Одним из способов повышения рентабельности коммерческих банков является использование Big Data, поскольку анализ большого объема данных позволяет правильно выстраивать бизнес-модели конкретного банка, разрабатывать и предусматривать индивидуальные предложения для клиентов, исходя из тех потребностей, которые они имеют в текущий момент времени [4, с. 115].

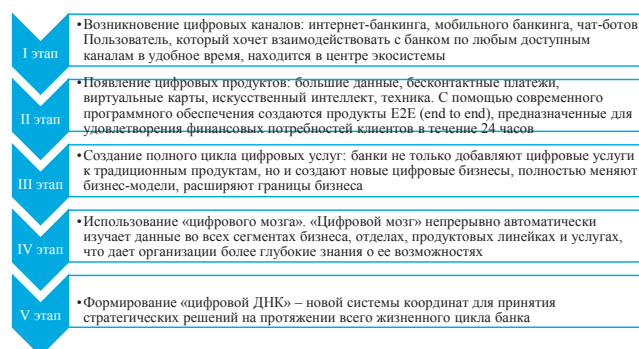

Рис. 6. Цифровая трансформация в банковском секторе

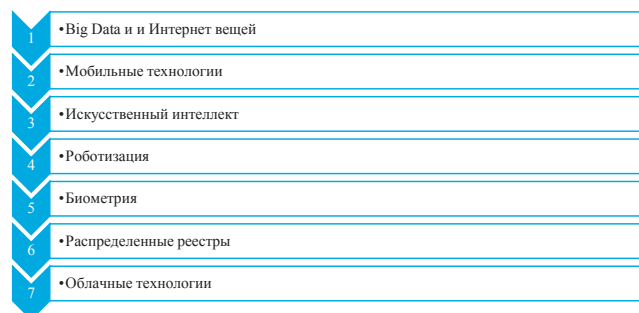

Рис. 7. Наиболее перспективные цифровые технологии в банковском секторе [3, с. 203]

Проведенная работа по анализу данных позволяет получить персонализированный банковский продукт. Его внедрение является экономически оправданным, как для самого коммерческого банка, так и для клиентов. Таким образом, с помощью цифровых технологий создаются новые банковские продукты, индивидуальные для каждого клиента. Это позволяет сформировать дополнительные конкурентные преимущества коммерческого банка, поскольку индивидуальные банковские продукты позволяют не только удерживать существующую базу данных, но и значительно расширить клиентскую базу [5, с. 222]. Например, Тинькофф Банк разработал сервис ипотечного брокера, в результате клиенты смогли подавать заявку на ипотечный кредит онлайн, без посещения офисов банка. Аналогичным образом работает и инвестиционный сервис банка, который позволяет в онлайн-формате осуществлять открытие и управление брокерским счетом.

Сквозные технологии направлены на то, чтобы создавать совершенно новые банковские и другие финансовые продукты (услуги) [6, с. 158].

Как свидетельствуют данные аудиторской компании КПМГ, развитие технологии искусственного интеллекта в ближайшие годы планируют применять более 70% коммерческих банков. При этом внедрение или тестирование роботов произошло более чем в 60% коммерческих банков, вошедших в выборку. 45% опрошенных коммерческих банков осуществили внедрение прогностической аналитики в несколько бизнес-процессов [7, с. 30].

Кроме того, коммерческие банки активно используют чат-боты в различных сферах бизнеса. С помощью новых технологий коммерческие банки существенно снижают свои затраты, повышают качество услуг, а также осваивают новые направления работы.

С помощью создания новых продуктов и внедрения инновационных технологий коммерческие банки упрощают и повышают скорость оказания услуг, иными словами, происходит оптимизация операционных процессов. Это сопровождается активным переходом обслуживания клиентов в формат онлайн. Использование в операционных процессах цифровых технологий влечет много преимуществ, в частности:

- сокращение расходов по содержанию офисов, поскольку клиенты все чаще обслуживаются в онлайн-пространстве;
- для совершения операций не требуется личное присутствие клиента в офисе банка;
- разрабатываются кастомизированные предложения для клиентов, включая различные скидки, отличные от стандартных условия предоставления банковского продукта и т.д.

Большое значение в трансформации операционных процессов коммерческого банка в настоящее время имеет использование чат-ботов, которые позволяют разгрузить офисных сотрудников при личных встречах. Осуществляется программирование чат-ботов по различным направлениям. Например, это вопросы кредитования, подбора персонала персонального банковского продукта и т.д. [8, с. 77]. В Банке «Открытие» происходит идентификация клиентов по фотографии, если тот желает совершить банковскую операцию по переводу денежных средств. Такая функция стала доступной за счет использования технологии машинного обучения.

Популярность набирают и такие цифровые технологии, как биометрическая идентификация и кэшбек-сервисов. В качестве разновидности последней технологии можно назвать разработку кастомизированных предложений на основе результатов анализа больших данных с использованием технологии Big Data.

В целом можно сказать, что цифровая трансформация коммерческих банков осуществляется по одним и тем же направлениям, при этом акцент может быть смещен на одну из технологий, исходя из специфики поведения целевой аудитории банка и формирования для них персональных предложе-

ний. Так, Банк ВТБ анализирует клиентов не только по уровню их доходов, но и оценивает возраст и образ жизни. В результате банк имеет возможность сформировать полное мнение о потребителе банковских услуг и разработать персонализированное предложение, или, напротив, отказаться от работы с потенциальным клиентом, поскольку он обладает низкой кредитоспособностью и плохой кредитной историей [9, с. 51].

Масштабная экосистема была создана Сбербанком, позволяющая различать клиентов по их жизненным интересам и выстраивать с клиентом конструктивную коммуникацию, что позволяет сохранить его лояльность. При этом происходит интеграция отдельных коммуникативных направлений в единую систему, формируется персонализированный подход к каждому из клиентов с использованием ERP-системы.

Таким образом, перед банковской системой РФ стоит задача в создании единого информационного пространства с использованием социальных сетей, мессенджеров, чатов на сайтах и в мобильных приложениях, что позволит сэкономить время клиентов при получении необходимой информации о продуктах, услугах и офисах банков. Это возможно за счет включения в него социальных сетей, мессенджеров, чатов, мобильных приложений. В результате клиенты будут экономить свое время при обслуживании в коммерческих банках, а банки, в свою очередь, будут существенно экономить расходы на росте скорости обслуживания и предоставлении персонализированных банковских продуктов.

Литература

1. Малько А.В. Теоретические основы банковской деятельности в условиях цифровизации экономики / А.В. Малько, Е.И. Воробьева // Финансовые рынки и инвестиционные процессы. Сборник трудов по материалам IX научно-практической конференции с международным участием. – 2022. – С. 121–123.
2. Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»» (ред. от 13.05.2022).
3. Тимчук О.Г. Цифровизация банковского сектора: обзор, тенденции / О.Г. Тимчук, А.М. Петрова // Байкальская наука: идеи, инновации, инвестиции. Сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. – 2023. – С. 203–207.
4. Сологубова Г.С. Составляющие цифровой трансформации / Г.С. Сологубова. – М.: Юрайт, 2022. – 415 с.
5. Резник И.А. Тренды цифровой коммуникации в банковском секторе / И.А. Резник // Тенден-

ции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. Материалы IV международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 222–225.

6. Карпушина Е.А. Основные аспекты цифровой трансформации бизнеса в цифровую эпоху / Е.А. Карпушина // Инновации в управлении социально-экономическими системами (ICIMSS-2021). Материалы международной научно-практической конференции «Инновации в управлении социально-экономическими системами» (ICIMSS-2021). – 2022. – С. 158–163.
7. Исаева Н.А. Трансформация банковской сферы в условиях цифровизации экономики / Н.А. Исаева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 10 (216). – С. 30–37.
8. Ефимова К.М. Направления применения цифровых технологий в банковском секторе / К.М. Ефимова, Д.Р. Тугушева // Возможности цифровизации и глобальные вызовы: ожидания и реальность. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – 2023. – С. 77–80.
9. Изюфатенко М.В. Развитие цифровизации банковской деятельности / М.В. Изюфатенко // Финансы и реальный сектор экономики в современных условиях: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 51–53.

APPLICATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE BANKING INDUSTRY

Sokolinskaya N.E., Markova O.M.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The introduction of digital technologies in the banking sector has become one of the main factors in ensuring economic growth. The rapid development of the information environment contributed to the expansion of the range of digital services and the transformation of the banking sector. High competition from financial companies requires

commercial banks to develop digital technologies and introduce new banking products using innovative methods. The business model of a modern commercial bank, regardless of its scale, is formed using these technologies and is aimed at ensuring the growth of customer focus and optimizing business processes.

Keywords: digitalization, technology, business processes.

References

1. Malko A.V. Theoretical foundations of banking activities in the context of digitalization of the economy / A.V. Malko, E.I. Vorobyova // Financial markets and investment processes. Collection of works based on the materials of the IX scientific and practical conference with international participation. – 2022. – pp. 121–123.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/02/2019 No. 234 “On the management system for the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation” (together with the “Regulations on the management system for the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”)” (as amended on 05.13.2022).
3. Timchuk O.G. Digitalization of the banking sector: review, trends / O.G. Timchuk, A.M. Petrova // Baikal science: ideas, innovations, investments. Collection of articles based on materials from the All-Russian scientific and practical conference. – 2023. – pp. 203–207.
4. Sologubova G.S. Components of digital transformation / G.S. Sologubova. – M.: Yurayt, 2022. – 415 p.
5. Reznik I.A. Digital communication trends in the banking sector / I.A. Reznik // Trends and prospects for the development of the banking system in modern economic conditions. Materials of the IV international scientific and practical conference. – 2023. – pp. 222–225.
6. Karpushina E.A. Main aspects of digital transformation of business in the digital era / E.A. Karpushina // Innovations in the management of socio-economic systems (ICIMSS-2021). Proceedings of the international scientific and practical conference “Innovations in the management of socio-economic systems” (ICIMSS-2021). – 2022. – pp. 158–163.
7. Isaeva N.A. Transformation of the banking sector in the context of digitalization of the economy / N.A. Isaeva // Bulletin of Samara State Economic University. – 2022. – No. 10 (216). – P. 30–37.
8. Efimova K.M. Directions for the use of digital technologies in the banking sector / K.M. Efimova, D.R. Tugusheva // Digitalization opportunities and global challenges: expectations and reality. Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference. – 2023. – pp. 77–80.
9. Izofatenko M.V. Development of digitalization of banking activities / M.V. Izofatenko // Finance and the real sector of the economy in modern conditions: collection of articles of the IV International Scientific and Practical Conference. – 2022. – pp. 51–53.

Никитин Дмитрий Николаевич,

аспирант, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: nikitin_dmitriy_@mail.ru

В научной статье представлены результаты исследовательского анализа характеристики и особенностей использования на практике российских корпоративных структур бизнеса при анализе их финансовой устойчивости. Актуальность исследования на данную проблематику обусловлена современными условиями экономической нестабильности экономики мира и Российской Федерации, что повышает практическую значимость разработки эффективных антикризисных решений в финансовом управлении. Ключевым этапом реализации такой стратегии начинается с процесса анализа финансовой устойчивости корпорации. Результаты данного этапа позволяют определить ключевые проблемы финансового управления корпорацией, что используется в качестве вектора и ориентира принятия новых управленческих решений финансовым менеджментом. Объектом исследования является финансовая устойчивость корпорации. Предметом исследования выступают методы анализа финансовой устойчивости корпорации. В работе рассмотрена значимость и необходимость анализа финансовой устойчивости корпоративных структур бизнеса. Проведена систематизация основных групп экономических показателей, используемых при анализе финансовой устойчивости в корпорации. Рассмотрены особенности и преимущества рейтинговых моделей оценки финансовой устойчивости, разработанных российскими авторами-исследователями. Проанализирована характеристика и преимущества зарубежных моделей оценки вероятности банкротства, применимых в практике анализа финансовой устойчивости корпоративных структур бизнеса.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; анализ финансовой устойчивости; методы анализа; корпорация; корпоративные структуры бизнеса; экономические показатели.

Исследование понятия «финансовая устойчивость» корпоративной структуры бизнеса позволяет определить следующие ее признаки, как платежеспособность при выполнении финансовых обязательств, соблюдение оптимальной структуры капитала, формирование положительной прибыли, стабильный приток денежных средств, низкий уровень экономических и финансовых рисков в предпринимательской деятельности [2].

Управление финансовой устойчивостью коммерческой организации обеспечивает стабильное развитие корпоративной структуры бизнеса, процессы которого снабжаются необходимыми ресурсами и средствами. При этом доходы превышают расходы, из-за чего организация способна собственными силами финансировать процессы возобновления, восстановления и расширения производства [3].

Современный период развития экономики Российской Федерации можно описать, как кризисный, что обусловлено негативным влиянием экономических и политических санкций на бизнес-деятельность предпринимателей. Вероятным развитием текущих событий является переход российского корпоративного бизнеса на эффективное антикризисное управление, переориентацию на новые рынки сбыта, поиски механизмов оптимизации производства и сокращения расходов и издержек [1].

По причине влияния вышеперечисленных тенденций корпорации имеют ряд финансовых проблем. По причине их влияния снижается конкурентоспособность. Это увеличивает практическую необходимость в разработке и принятии управленческих решений, направленных на повышение финансовой устойчивости коммерческих организаций под влиянием внешних факторов. Однако, чтобы разработать эффективные решения для обеспечения стратегического, устойчивого и конкурентоустойчивого развития корпоративного бизнеса, необходимо сперва провести оценку финансовой устойчивости.

Оценка финансовой устойчивости является неотъемлемым направлением в работе организации. Выбор аналитических показателей будет во много зависеть от целей и временных ограничений. Поэтому важным условием функционирования организации является не только анализ финансовой устойчивости, но и способность диагностировать факторы, влияющие на предприятие [8].

Проведение анализа финансовой устойчивости корпорации позволяет утверждать следующее [6]:
1. Аналитическая функция является нераздельным элементом системы управленческой деятельности.

2. Аспекты аналитических процедур в основном раскрыты теоретически и не всегда учитывают особенности практики.
3. Качество аналитической процедуры при анализе финансовой устойчивости не зависит от количества применяемых методов и моделей.

Методология аналитической процедуры при оценке финансовой устойчивости в корпорации состоит, как из комплексных моделей, определенных экономико-математических методов и формул, а также из традиционной системы экономических показателей, отражающих финансовое состояние коммерческой организации.

Для этого сперва обратимся к схеме рисунка 1, где отображена полная классификация основных групп экономических показателей, используемых на практике при комплексном подходе к анализу финансовой устойчивости в корпорации. Рекомендуем систематизировать данные экономические показатели на 5 групп, каждая из которых имеет свой ряд ключевых коэффициентов и индикаторов.

Рис. 1. Классификация показателей для анализа финансовой устойчивости корпоративной структуры бизнеса

Исходя из схемы на рисунке 1, проанализируем роль каждой группы финансовых показателей в системе метрик измерения финансовой устойчивости в корпорации [4; 5]:

1. Показатели ликвидности. Данная группа показателей определяет финансовое состояние корпорации через степень ее платежеспособности при выполнении обязательств перед контрагентами, поставщиками и кредиторами. Крайне важная группа экономических показателей, поскольку корпоративные структуры бизнеса имеют высокую степень зависимости от работы с кредиторами.
2. Показатели оборачиваемости средств. Данная группа экономических показателей определяет эффективность использования средств корпорации при производственной деятельности. Чем выше скорость оборачиваемости активов

и капитала, тем быстрее операционный цикл производства, что позволяет высвобождать денежные средства для их вложения в выработку следующей партии продукции.

3. Показатели рентабельности. Данная группа экономических показателей определяет уровень прибыльности организации, а также возможность генерировать доходы от использования капитала, активов и оборотных средств.
4. Рыночные показатели. Данная группа экономических показателей определяет финансовое состояние организации, как субъекта корпоративного бизнеса, имеющего инвестиционную привлекательность для потенциальных акционеров и инвесторов. Применима, как правило, для крупных компаний, имеющих публичность и прозрачность бизнеса, что делает рыночные показатели крайне важными при анализе финансовой устойчивости в корпорации.
5. Показатели финансовой устойчивости. Данная группа экономических показателей не косвенно, а напрямую определяет финансовое состояние организации через ее финансовую автономию и возможность обеспечивать предпринимательскую деятельность собственными средствами и капиталом. Поэтому показатели финансовой устойчивости часто отражают степень финансовой независимости.

Переходя к комплексному подходу к анализу финансовой устойчивости в корпорации, необходимо, в первую очередь, обратить внимание на современные методы рейтинговой оценки, куда, к примеру, относится сравнительная методика оценки экономических показателей финансового состояния компании Н.П. Кондракова. Автор предлагает рейтинговую оценку финансовой устойчивости организации при помощи анализа шести основных показателей/коэффициентов.

Наиболее популярными способами формирования комплексного подхода оценки финансовой устойчивости компании может выступать методика проведения рейтинговой оценки. Например, к данному направлению оценки финансового состояния компании относится сравнительная методика показателей финансового состояния, которая разработана Н.П. Кондраков, предлагает рейтинговую оценку финансовой (рыночной) устойчивости компании проводить на основе шести основных показателей [7].

Практическая важность и ценность данного метода анализа финансовой устойчивости корпоративной структуры бизнеса заключается в возможности легкого сравнения коэффициентов с показателями эталонной конкурирующей организации. Помимо методики Н.П. Кондракова есть ряд других моделей рейтинговой оценки финансовой устойчивости корпорации, разработанные российскими авторами-исследователями. Краткая характеристика данных методов анализа финансовой устойчивости схематически изображены на рисунке 2.

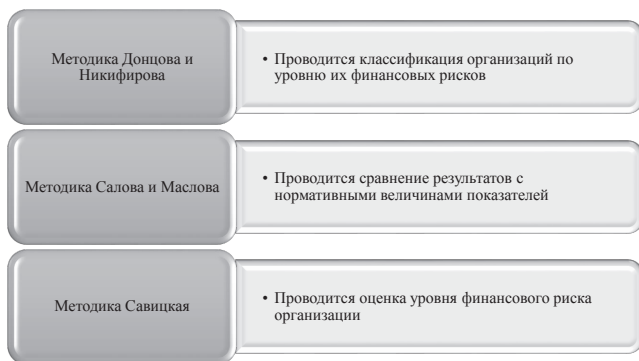

Рис. 2. Цели основных моделей рейтинговой оценки финансовой устойчивости корпорации

Актуальность анализа финансовой устойчивости в корпорации благодаря рейтинговым методам и моделям можно аргументировать следующими их преимуществами, как [9]:

1. Обеспечивается повышение инвестиционной привлекательности корпорации, поскольку информация о ней приобретает большую прозрачность и транспарентность.
2. Обеспечивается информационная поддержка стратегического планирования и управления в корпорации, поскольку результаты рейтинговой оценки финансовой устойчивости организации используются для определения векторов развития, оптимизации расходов и максимизации доходов.
3. Возможность использования результатов рейтинговой оценки финансовой устойчивости корпорации при построении маркетинговой кампании продвижения бренда, поскольку высокие показатели отражают положение дел, что позволяет менеджменту ориентироваться на производство высококачественной продукции.

Помимо рейтинговых моделей оценки финансовой устойчивости корпоративных структур бизнеса в современной практике российских и зарубежных корпораций часто используются методы, связанные с прогнозированием вероятности банкротства организации. Рассмотрим краткую характеристику наиболее популярных и распространенных моделей [10].

1. Двухфакторная модель Альтмана. В основе ее оценки лежит расчет по интегральной формуле:

$$Ч = -0,3877 - 1,0736К_{тл} + 0,0579У_{взс}$$

Где $К_{тл}$ – коэффициент текущей ликвидности;
 $У_{взс}$ – удельный вес заемных средств.

Основным преимуществом применения данной модели при оценке финансовой устойчивости корпорации выступает ее простота. Она может проводиться при помощи внешнего анализа на основе данных публикации бухгалтерского баланса.

2. Модель Таффлера. В основе ее оценки лежит расчет по интегральной формуле:

$$Z = 0,5X_1 + 0,13X_2 + 0,18X_3 + 0,16X_4$$

Где X_1 – прибыль до уплаты налога деленная на текущие обязательства;

X_2 – текущие активные деленные на общие обязательства;

X_3 – текущие обязательства, деленные на общие активы;

X_4 – выручка, деленная на общие активы.

Основным преимуществом применения данной модели при оценке финансовой устойчивости корпорации выступает простота ее расчета, а также возможность применения в рамках внешнего анализа.

3. Модель платежеспособности Спрингейта. В основе ее оценки лежит расчет по интегральной формуле:

$$Z = 1,03X_1 + 3,07X_2 + 0,66X_3 + 0,4X_4$$

Где X_1 – оборотные средства, деленные на валюту баланса;

X_2 – прибыль до налогообложения, деленная на валюту баланса;

X_3 – прибыль до налогообложения, деленная на краткосрочные обязательства;

X_4 – выручка, деленная на валюту баланса.

Основным преимуществом применения данной модели при оценке финансовой устойчивости корпорации выступает высокий уровень надежности прогноза, которые получается после проведенного расчета.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно заключить, что при проведении аналитической процедуры с целью оценки финансовой устойчивости корпоративных структур бизнеса могут использоваться простые экономические показатели, финансовые коэффициенты, рейтинговые модели и методы оценки вероятности банкротства.

Практическая важность и необходимость проведения анализа финансовой устойчивости в корпорации объясняется, в первую очередь, условиями экономической нестабильности, возникающей в российской и мировой экономике. Во-вторых, анализ финансовой устойчивости корпоративной структуры бизнеса позволяет определить слабые стороны организации и ее проблемы в финансовом управлении, чтобы в дальнейшем скорректировать их в целях повышения финансовой безопасности бизнеса.

Литература

1. Иваев М.И., Филиппова Д.Н., Карягина М.В. Влияние санкций на российский бизнес и экономику страны // Индустриальная экономика. 2022. Т. 8. № 3. С. 726–729.
2. Савина А.М., Буранова Е.А., Байдова Н.В. Механизм обеспечения финансовой устойчивости организации // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30. № 2. С. 216–224.
3. Иванова У.С., Трошина Е.П. Финансовая устойчивость организации и влияющие на нее факторы // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2022. № 1–1. С. 309–312.
4. Шахшаева Л.М. Диагностика показателей финансового состояния хозяйствующих субъектов

тов // Актуальные вопросы развития современного общества. 2019. С. 467–469.

5. Гомзякова Е.О. Анализ финансового состояния по абсолютным показателям // Научная дискуссия современной молодежи. 2019. С. 57–63.
6. Борткевич Г.А. Теоретические аспекты оценки финансового состояния предприятия // Вестник современных исследований. 2019. № 1.15 (28). С. 13–16.
7. Баранова И.В., Казарезова Е.С., Кузнецова Е.С., Слонова Е.В. Сравнительный анализ методик рейтинговой оценки финансового состояния // Сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции: в 4 ч. 2019. С. 87–90.
8. Бугаев А.Е., Эдилов К.Э., Романенко Н.Р., Акуев Н.М. Подходы и методы анализа и оценки финансовой устойчивости предприятия // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2021. № 5 (17). С. 131–142.
9. Шевченко М. Эффективные методы анализа финансовой устойчивости и конкурентоспособности компании // Синергия Наук. 2021. № 62. С. 336–346.
10. Саадиев Ш.А. Экономико-статистические методы анализа финансовой устойчивости предприятия // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 72–3. С. 84–88.

MODERN METHODS FOR ANALYSIS OF FINANCIAL STABILITY IN A CORPORATION

Nikitin D.N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The scientific article presents the results of a research analysis of the characteristics and features of the use in practice of Russian corporate business structures in the analysis of their financial stability. The relevance of research on this issue is due to the current conditions of economic instability of the economy of the world and the Russian Federation, which increases the practical importance of developing effective anti-crisis solutions in financial management. A key stage in the implementation of such a strategy begins with the process of analyzing the financial stability of the corporation. The results of this stage make it possible to identify the key problems of

financial management of the corporation, which is used as a vector and guideline for making new management decisions by financial management. The object of research is the financial stability of the corporation. The subject of the study is the methods of analysis of the financial stability of a corporation. The paper considers the importance and necessity of analyzing the financial stability of corporate business structures. The systematization of the main groups of economic indicators used in the analysis of financial stability in a corporation has been carried out. The features and advantages of rating models for assessing financial stability developed by Russian researchers are considered. The characteristics and advantages of foreign models for assessing the probability of bankruptcy, applicable in the practice of analyzing the financial stability of corporate business structures, are analyzed.

Keywords: financial stability; analysis of financial stability; methods of analysis; corporation; corporate business structures; economic indicators.

References

1. Ivaev M.I., Filippova D.N., Karyagina M.V. The impact of sanctions on Russian business and the country's economy // Industrial Economy. 2022. Vol. 8. No. 3. pp. 726–729.
2. Savina A.M., Buranova E.A., Baydova N.V. Mechanism for ensuring financial stability of an organization // Man: crime and punishment. 2022. Vol. 30. No. 2. pp. 216–224.
3. Ivanova U.S., Troshina E.P. Financial stability of the organization and factors affecting it // Science of the XXI century: current directions of development. 2022. No. 1–1. pp. 309–312.
4. Shakhshayeva L.M. Diagnostics of indicators of the financial condition of economic entities // Actual issues of the development of modern society. 2019. pp. 467–469.
5. Gomzyakova E.O. Analysis of the financial condition by absolute indicators // Scientific discussion of modern youth. 2019. pp. 57–63.
6. Bortkevich G.A. Theoretical aspects of assessing the financial condition of an enterprise // Bulletin of Modern Research. 2019. No. 1.15 (28). pp. 13–16.
7. Baranova I.V., Kazarezova E.S., Kuznetsova E.S., Slonova E.V. Comparative analysis of methods of rating assessment of financial condition // Collection of articles of the XXXI International Scientific and Practical Conference: at 4 h. 2019. pp. 87–90.
8. Bugaev A.E., Edilov K.E., Romanenko N.R., Akuev N.M. Approaches and methods of analysis and assessment of the financial stability of the enterprise // Actual problems of military scientific research. 2021. No. 5 (17). pp. 131–142.
9. Shevchenko M. Effective methods of analysis of financial stability and competitiveness of the company // Synergy of Sciences. 2021. No. 62. pp. 336–346.
10. Saaduev Sh.A. Economic and statistical methods of analyzing the financial stability of the enterprise // Trends in the development of science and education. 2021. No. 72–3. pp. 84–88.

Управление банковской ликвидностью в условиях экономической турбулентности

Пашковская Ирина Владимировна,

к.э.н., доцент Департамента банковского дела и монетарного регулирования, старший научный сотрудник Института научных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: IVPashkovskaya@fa.ru

Кризисные события 2022 года показали необходимость разработки комплекса мер по управлению банковской ликвидностью как на уровне отдельных банков, так и всей банковской системы. Резкое сокращение объемов рыночной ликвидности у отечественных банков в начале 2022 года потребовало от Банка России вмешательства и предоставления централизованных ресурсов, используя механизм рефинансирования, операции на открытом рынке, специализированные механизмы и инструменты поддержания ликвидности. Банк России в дальнейшем планирует совершенствовать систему управления банковской ликвидностью на основе внесения изменений в расчет показателей краткосрочной ликвидности и оптимизации числа применяемых нормативов банковской ликвидности.

В настоящее время для создания эффективной системы управления ликвидностью необходимо разработать комплекс мер, определить основные принципы ее управления, а также полномочия всех участников этой системы.

На основе изучения международного опыта и стандартов Базельского комитета по банковскому надзору (БКБН) в статье предложены принципы управления банковской ликвидностью, сформулированы требования для банков по улучшению методов регулирования внутренней ликвидностью в условиях турбулентности национальной экономики. В статье разработаны предложения по применению новых инструментов привлечения ликвидности, расширению числа участников системы банковского финансирования и развитию корпоративной банковской культуры в вопросах оценки и принятия приемлемого уровня риска.

Ключевые слова: банковская ликвидность, денежный рынок, финансовый рынок, рефинансирование, дефицит ликвидности, буферы ликвидности, стресс-тестирование, волатильность, риски.

Волатильность финансового рынка России выявила необходимость обеспечения согласованности и прозрачности в системе управления банковской ликвидностью, а также в уточнении источников доступной внутренней и внешней ликвидности в условиях кризиса. Проблема асимметрии информации, связанная с ликвидностью, резко проявилась в начале 2022 года, что привело как к неблагоприятному отбору применяемых инструментов, так и к росту морального и финансовых рисков у участников рынка. Сбои на финансовом рынке и невозможность получения рыночной ликвидности показали необходимость оперативного вмешательства в эти процессы центрального банка и предоставления значительных объемов централизованных ресурсов за счет системы рефинансирования.

Сложная экономическая ситуация по цепочке вызвала рост практически всех банковских рисков: кредитного, процентного, валютного и проч. Нестабильность валютного и кредитного рынков в начале СВО сопровождалась проблемами оттока денежных средств из банков в результате массового изъятия населением своих средств из банков. Под санкции попали крупнейшие российские банки, которые традиционно выступали маркетмейкерами на российском межбанковском рынке, возникла угроза безопасности системы платежей и расчетов. В этих условиях Банк России предпринял комплекс мер по повышению стабильности отечественной финансовой системы: резко повысил ключевую ставку до 20%, ввел контроль за движением капитала, допустил определенные регуляторные послабления для банков, предпринял меры по поддержке заемщиков, что в целом позволило стабилизировать ситуацию и преодолеть отток средств со счетов коммерческих банков. На пике кризиса Банк России смог обеспечить ликвидностью системно значимые банки и свести к минимуму эффект заражения и возникновения системного банковского кризиса. Федеральное казначейство также принимало участие в поддержании ликвидности банковского сектора за счет увеличения запаса бюджетных средств на едином казначейском счете в Банке России, который использовался для подкрепления ликвидностью российских банков на пике кризиса. В феврале 2022 года Банк России начал активно проводить операции по продаже валюты на рынке, что вызвало временный отток банковской ликвидности.

Предпринятые Банком России стабилизационные меры в начале кризиса затрагивали преимущественно операции на краткосрочном денежном рынке. В феврале-марте 2022 года Банк России

стал проводить недельные аукционы репо вместо недельных и депозитных аукционов, при этом средства выделялись всем участникам без объявления лимита в запрашиваемых объемах, но требовалось предоставить обеспечение по проводимым сделкам. Банк России также проводил ежедневные аукционы репо и депозитные аукционы «тонкой настройки».

Для расширения допуска на рынок рефинансирования был расширен Ломбардный список ценных бумаг, снижены требования по минимальному уровню кредитного рейтинга эмитентов ценных бумаг. В феврале 2022 года Банк России уточнил список видов экономической деятельности заемщиков и юридических лиц, права требования которых принимаются в операциях рефинансирования Банка России. Совокупность предпринятых мер позволила увеличить объемы предоставляемых централизованных ресурсов коммерческим банкам в 2022 году на 4,5 трлн рублей.

Помимо увеличения объемов предоставляемых централизованных ресурсов Банк России снижал ставки по предоставляемым ресурсам, а также применял плавающие процентные ставки. Для

оперативной поддержки банков был задействован механизм обязательного резервирования, ставки по всем видам резервируемых обязательств были снижены до 2% в начале 2022 года. Для преодоления последствий оттока ликвидности Банк России применял специализированные механизмы управления ликвидностью, включающие: установление ставок по новым кредитам в привязке к ключевой ставке, не предусматривающее верхнего ограничения, а также введение фиксированной ставки в 9,5% годовых. Ставки по новым кредитам по механизму поддержки крупных инвестиционных проектов в 2022 году не превышали 9,0% годовых. Помимо этого, осуществлялась дополнительная поддержка субъектов кредитования МСП, проводилось рефинансирование в инвалюте ранее выданных кредитов рамках механизма поддержки несырьевого экспорта. Кроме того, до 12 декабря 2022 г. Банк России предоставлял отечественным коммерческим безотзывные кредитные линии в целях регулирования банковской ликвидности [1].

Динамику состояния ликвидности в российской банковской системе можно оценить на основе данных таблицы 1.

Таблица 1. Состояние ликвидности российской банковской системы в 2022–2023 гг. (млрд рублей)

Показатели 1.01		2022 г.				2023 г.			
		1.04	1.07.	1.10	1.01	1.04	1.07.	1.09	
1	Структурный дефицит (+), профицит ликвидности (–)	–1691	–280	–2384	–1132	–2810	–1118	–456	+133
2	Требования Банка России к кредитным организациям, всего:	909	2484	280	1479	1808	2072	1926	2397
2.1	В том числе: Операции на основе аукционов	116	2298	171	166	1492	1766	1378	1308
2.2	Операции постоянного действия	793	186	109	1312	317	306	548	1089
3	Обязательства Банка России перед кредитными организациями, всего:	2804	3108	3108	2955	4949	3544	2754	2607
3.1	В том числе: Депозиты	2804	3108	3108	2955	4949	3544	2754	2607
4	Специализированные инструменты рефинансирования Банка России	204	343	516	344	331	354	282	343

Источник: составлено на основе статистической информации Банка России. «Денежно-кредитные условия и трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики» за 2022–2023 гг.

Цифры показывают, что в настоящее время в банковской системе России сложилась ситуация с дефицитом ликвидности в объеме 133 млрд рублей, которую пока нельзя охарактеризовать как критическую, т.к. на пике кризиса в марте 2022 года Банк России отмечался еще более значительный дефицит ликвидности российских коммерческих банков в объеме 5 389 млрд рублей, который был достаточно быстро устранен [2].

В настоящее время Банк России предусматривает совершенствование действующей системы регулирования ликвидности коммерческих банков и уточнение порядка расчета показателя краткосрочной ликвидности, являющегося основой для

расчета норматива краткосрочной ликвидности Н26 (Н27). Уточненный порядок расчета норматива предусматривает включение в состав высоколиквидных активов корпоративных облигаций, оцениваемых на основе национальных рейтингов, а также облигаций АО «Дом РФ» и ВЭБа, расширение использования корпоративных облигаций и цифровых рублей. В «Перспективных направлениях банковского надзора», опубликованных Банком России к 2025 году, планируется оптимизация действующих нормативов ликвидности и их калибровка, введение нормативов краткосрочной и долгосрочной ликвидности (взамен действующих Н3 и Н4) [3].

Смысл банковского надзора заключается в устранении асимметричного информационного разрыва между банками и их клиентами. Однако надзорные органы не несут ответственности за коммерческие решения банков и их финансовые показатели. Как показывает международная практика, в условиях кризисов центральные банки пытаются стимулировать банки на использование внутренних источников финансирования, а также совершенствуют систему страхования депозитов с целью недопущения неожиданных оттоков ликвидности.

Основной проблемой для банков является несоответствие сроков погашения между долгосрочным кредитованием и краткосрочными источниками его финансирования. Традиционно основное внимание в восстановлении банковской ликвидности уделяется сохранению регулятивного капитала банков. Современный банковский бизнес смещается в сторону привлечения более нестабильных источников фондирования и размещения средств в сложно структурированные проекты, поэтому банкам необходимо формировать резервы и удерживать все больше внутренней ликвидности на своем балансе.

Реформы, начатые в соответствии с Базелем III, определили минимальный стандарт банковской ликвидности и введение показателя LCR (коэффициента покрытия ликвидности). LCR определяет требование для банков иметь достаточный уровень высококачественных необремененных ликвидных активов, которые могут быть конвертированы без потерь для покрытия чистого оттока денежных средств в стрессовом сценарии, который может продолжаться в течение 30 дней. В дополнение к LCR в рамках Базельского соглашения III был введен норматив NSFR (показатель чистого стабильного фондирования), требующий от банков поддерживать определенную структуру финансирования для смягчения потенциальных сбоях и диверсификации источников финансирования. Идея введения норматива стабильного фондирования должна побудить банки снизить чрезмерную зависимость от краткосрочных денежных рынков и переключиться на менее долгосрочные, но менее ликвидные ресурсы, что позволит диверсифицировать и расширить ресурсную базу банков [4], [5].

Для совершенствования системы регулирования ликвидностью необходимо, чтобы внутренние процедуры поддержания ликвидности в банке согласовались с пруденциальными требованиями, установленными центральным банком. Европейский центральный банк считает, что нужно совершенствовать внутренние процедуры управления ликвидностью, а для этого создавать специальные комитеты по управлению ликвидностью на основе принципов должной осмотрительности [6].

Можно определить несколько основных принципов, которые должны быть положены в основу построения надежной системы управления ликвидностью.

Принцип 1 предполагает определение прогнозного приемлемого уровня ликвидности для внут-

реннего подразделения банка, отвечающего за его дальнейшее выполнение и оформление операционных процедур регулирования ликвидности. Банки сами определяют приемлемые формы и подходы каждодневного привлечения и размещения рыночной ликвидности. На подразделение, отвечающее за процессы регулирования ликвидности, должны быть также возложены функции распределения внутренней ликвидности между структурными единицами. Система трансфертного управления ликвидностью должна иметь четкий план по профилю возникающих рисков как внешнего привлечения-размещения ликвидности, так и перераспределения её между подразделениями банка.

Европейский центральный банк обязал банки составлять подробные расчеты потребности в ликвидности, ее адекватности в условиях волатильности финансового рынка и прогноза по источникам привлечения средств. Надзорные органы не устанавливают строгих критериев детализации отчетов по трансфертному ценообразованию, качества обзоров о принимаемых решениях на уровне руководства банка и степени вовлеченности в этот процесс отдельных руководителей банка.

Система управления ликвидностью должна быть прописана в системе внутреннего контроля и аудита банка, надзор за ней должен быть возложен на высшее руководство банка. Процесс проверки должен включать повседневный надзор оперативных процедур деятельности, а также оценку для стресс-тестирования, планирования восстановления и финансирования на случай непредвиденных обстоятельств как для рыночных, так и для специфических событий на финансовых рынках.

Система трансфертного ценообразования должна вписываться в структуру трех линий защиты банков: менеджмента и управления рисками, соблюдения им нормативных требований по ликвидности, а также включать систему внутреннего аудита. Линии защиты банков могут различаться по размерам капитала и активов банков, исходя из особенностей структуры управления банка или группы, а также в соответствии с вероятными сопутствующими небанковскими рисками.

Обычно управление ликвидностью является функцией Казначейства банка или полномочия распределяются между ним и подразделениями по управлению рисками, а также службой внутреннего аудита (контроля). Банкам следует комплексно учитывать риски ведения бизнеса, а также поэтапно оценивать возможность трансформации рыночных рисков в риск ликвидности.

Принцип 2 предусматривает определение общих подходов в управлении риском ликвидности в банке, а также формулирование правил оценки уровня приемлемой ликвидности для банка, его склонности к риску в стабильных и кризисных экономических условиях. Система управления ликвидностью должна содержать количественную информацию о потенциальном уровне риска и степени его влияния на финансовые показатели деятельности банка.

Банковский менеджмент должен постоянно отслеживать возникающие угрозы ликвидности и идентифицировать их, а на этой основе должны разрабатываться меры регулирования уровня риска как в целом по банку, так и на уровне его отдельных подразделений. Для создания эффективной системы управления риском ликвидности банку нужно разработать свои собственные показатели эффективности с поправкой на допустимый уровень риска (в соответствии с требованиями надзорного органа). Банк должен рассчитать возможный уровень своего риск-аппетита в рамках реализации своей бизнес-стратегии по различным направлениям своей деятельности. При оценке вероятного уровня риска следует учитывать границы, за которыми возможно привлечение централизованных ресурсов и кредитов центрального банка в условиях возникновения разрывов ликвидности.

Принцип 3 предполагает создание такой системы управления риском ликвидности, которая будет работать не только в стабильных условиях, но и по мере возникновения кризисных процессов в национальной экономике. Для построения системы требуется разработка плана финансирования и привлечения ликвидности, рассчитанного на несколько периодов, с оценками базовых показателей как в стабильной экономике, так и в кризисных условиях, а также с учетом нарастания волатильности и ухудшения макроэкономических условий. Потребность в ликвидных средствах нужно оценивать по различным направлениям банковского бизнеса, а также по основным валютам, в которых проводятся значительные объемы операций данного банка. Такие оценки могут проводиться в рамках стресс-тестирования или при составлении планов финансового восстановления банка.

Для поддержания требуемого уровня ликвидности банки обязаны выполнять установленные регуляторные требования по капиталу с учетом использования ПВР во внутренних системах оценки и управления кредитным риском. Формируемый на основе такого расчета буфер капитала также дает представление о необходимых объемах внутренней ликвидности. Буфер капитала – это возможность для надзорного органа оценить устойчивость бизнес-модели банка и уровень его риск-аппетита, которыми он руководствуется при осуществлении своей деятельности. Наиболее приемлемым горизонтом риска можно рассматривать трехлетний временной интервал, т.к. он позволяет сглаживать возможные краткосрочные колебания ликвидности.

У банков есть возможность переосмыслить свои источники финансирования и реализовать различные направления бизнеса, чтобы обеспечить непрерывность и устойчивость своей деятельности. Для решения этой проблемы банк должен сформулировать свою собственную экономическую концепцию достаточности внутренней ликвидности. Характер кризисных явлений, наиболее опасных для банка, а также объемы непрерывного финансирования определяются банком самостоятельно.

Принцип 4 отражает важность разработки механизма определения и выявления всех существенных рисков, которым банк подвержен или может подвергнуться в кризис, а также определение достаточного объема ликвидности, который следует держать для защиты от этих рисков. Банкам необходимо разработать прогноз состояния своей ликвидности на основе систем раннего предупреждения. Индикаторы раннего предупреждения предоставляют возможность прогнозирования событий, связанных с оттоком ликвидности, которые потребуют принятия ответных мер. Выявленные риски могут варьироваться от легких до чрезвычайно серьезных, что требует потенциальных ответных мер, соизмеримых с риском. В некоторых случаях сигнал раннего предупреждения сам по себе может не показывать риск ликвидности, однако риск может возникнуть при сочетании факторов. Преимуществом индикаторов систем раннего предупреждения является и то, что их можно использовать для разработки вариантов восстановления финансовой устойчивости банка.

Принцип 5 предполагает создание буфера ликвидности, т.е. дополнительного набора активов, который будет использоваться для покрытия рисков ликвидности по мере их возникновения с экономической точки зрения. Ключевой задачей является создание широкого спектра источников финансирования, поскольку отдельные источники ресурсов могут быть недоступны в условиях наступления стрессового сценария. Буфер должен учитывать потенциальные риски оттока и притока денежных средств в стабильных условиях и при наступлении кризиса. Банк должен точно знать, какие активы могут быть своевременно проданы или переданы в репо, чтобы покрыть возникающие риски на разных стадиях финансового кризиса. Что касается репо, то следует учитывать, что репутация на рынках необходима для обеспечения возможности получения финансирования во время стрессового сценария. Банк, попавший в бедственное положение, практически отсекается от возможности привлечения относительно дешевого межбанковского кредитования.

Удержание высоколиквидных активов в качестве буфера ликвидности влияет на доходность активов банка и, следовательно, на финансовый результат, который банк получает от своей деятельности. Размер буфера должен соответствовать склонности банка к кредитному риску. Банк должен продумать состав буфера, чтобы избежать зависимости от какого-либо одного конкретного класса активов, валюты и срока погашения.

В чрезвычайных рыночных условиях центральные банки выполняют важную роль в национальной экономике посредством единовременного предоставления ликвидности и предупредительной рекапитализации банковской системы. Государство или центральный банк могли бы создать отдельный сегмент рынка, покупая определенные активы у банков. То, что считается хорошим обеспечением для центральных банков во время кризиса, может

отличаться от рыночных оценок обеспечения, поэтому позиция центральных банков должна определяться сложностью текущей ситуации с ликвидностью в банках. Зарубежная практика показывает, что центральный банк может вмешаться и выкупить определенные классы активов даже после снижения их рыночного рейтинга и котировок.

Принцип 6 требует от банков наличия внутренних механизмов контроля, обеспечивающих независимую проверку методов количественной оценки рисков. Методы количественной оценки необходимы для формирования прогнозов по ликвидности. Банки должны разработать методологию с учетом своей склонности к риску, ожиданий рынка, бизнес-модели, профиля рисков, размера и сложности. Для крупных банковских структур необходимо учитывать профиль рисков на уровне головного банка и филиалов на местном уровне.

Надежность планирования восстановления ликвидности определяется тем, насколько хорошо банк идентифицирует и минимизирует сопутствующие риски. План восстановления возлагает на банк ответственность за выявление потенциальных слабых мест в его бизнесе, которые могут повлиять на финансовую устойчивость и жизнеспособность банка. Планирование и обновление системы восстановления, в широком смысле, являются частью ежегодного процесса, осуществляемого на уровне стратегического управления.

Надзорные органы должны также определять условия, при которых следует поручить банку разработать план восстановления ликвидности или финансовой устойчивости. В условиях затяжного кризиса банки должны обновлять свои планы оздоровления ежегодно или при каких-либо существенных организационных изменениях своей структуры.

Банку необходимо предвидеть реакцию на такие сценарии как со стороны его собственных бизнес-клиентов, так и рынка в целом. Вариантами восстановления жизнеспособности банка могут быть продажа части бизнеса, активов или пассивов, привлечение инвестиций в акционерный капитал или выпуск долговых обязательств и т.д. Разработка прогнозного плана финансового оздоровления на случай кризисной ситуации показывает возможности банков привлечь рыночную ликвидность самостоятельно, а также вероятность привлечения централизованных ресурсов на его спасение в конкретных стрессовых условиях. Тем не менее, репутация первопроходца в области государственной помощи потенциально может стать позором и нанесет моральный риск банку.

Стресс-тестирование как часть управления ликвидностью должно помочь банку лучше понять потребности и масштабы требуемой ликвидности. Таким образом, стресс-тестирование является важнейшим аспектом оценки ликвидности, а также необходимым условием для принятия надзорными органами мер по антикризисному управлению, в конечном счете для проверки устойчивости банка в течение длительного периода. Для банка важ-

но выбрать наиболее вероятные сценарии, однако следует учитывать, что в кризис должны разрабатываться два сценария: на микроуровне (для банка) и на уровне национальной экономики (макроуровень). Оценка сценария на уровне надзорного органа позволит оценить состояние ликвидности на уровне банковского сектора, а затем выбрать наилучший вариант антикризисного управления за счет сопоставления сценариев bottom-up и top-down.

Достоверность стресс-тестирования определяется разработанными гипотетическими сценариями и их параметрами. Как показывает отечественная и международная практика применения стресс-тестирования, лучше не использовать исторические события, лежащие в основе разработки сценариев стресс-тестирования, а сосредоточиться на разработке гипотетических сценариев, в которых особое внимание уделяется текущим и потенциальным будущим неблагоприятным событиям. Примечательно, что информация об итогах стресс-тестирования банков не разглашается, т.к. публичное раскрытие информации может иметь негативные последствия и вызвать панические настроения у клиентов банка.

Банку следует учитывать, как изменится характер надзора по мере реализации стрессовых сценариев, и инициировать корректирующие действия, которые ему доступны на данный момент. Кроме того, надзорный орган также должен менять свои методы работы с банками по мере развития кризиса, поэтому интенсивность принимаемых мер регулирования должна меняться с течением времени.

Для оценки соблюдения требований к ликвидности центральный банк должен использовать подход, основанный на оценке рисков, и прогнозный подход, основанный на суждениях. Понимание рисков и неопределенности должно привести к лучшему пониманию того, как будет развиваться ситуация в банковской системе и в отдельном банке. В процессе проводимого анализа состояния ликвидности в банках они могут классифицироваться по следующим группам.

1. Низкий уровень риска: нет заметного существенного влияния риска на установленные пруденциальные нормативные требования.
2. Средний уровень риска: существует низкий риск существенного воздействия на пруденциальные показатели банка или его отделений с учетом присущего им уровня риска.
3. Выше среднего: существует определенный риск существенного воздействия на пруденциальные показатели банка с учетом присущего уровня риска.
4. Высокий: существует высокий риск существенного воздействия на пруденциальные показатели банка с учетом присущего уровня риска.

Распределение банков по различным уровням риска должно влиять на интенсивность надзора, кроме того, если оценки будут неадекватными, это может привести к значительной недооценке степе-

ни риска и потенциальной потребности в государственной помощи.

В зарубежной экономической литературе в настоящее время широко обсуждается вопрос о том, нужно ли предоставить доступ небанковским организациям к операциям рефинансирования центрального банка и как это отразится на состоянии общей ликвидности в национальной экономике [7], [8]. Зарубежными исследователями определено, что предоставление центральным банком ликвидности через операции репо оказывает благоприятное воздействие как на банковскую систему, так и на состояние инвестиционных фондов. Покупка активов центральным банком у широкого числа участников финансового рынка поддерживает рыночную стоимость активов, тем самым останавливает спираль распродаж в условиях кризиса. Кроме того, операции репо центрального банка предотвращают расходование средств и отток ликвидности из финансового сектора. Однако только расширение операций репо не является панацеей для участников рынка, поскольку их инвестиционные возможности ограничены кредитным плечом и нормативами. Небанковские организации владеют высококачественными рыночными ценными бумагами, их можно активно привлекать к операциям репо центрального банка в случае системного кризиса ликвидности, но такие операции должны рассматриваться только как инструмент регулирования в чрезвычайных условиях. Операции на открытом рынке в стабильной экономике не должны заменять собой внутренний рынок ликвидности и конкурировать с традиционными инструментами. У банков есть различные способы регулирования ликвидности: они могут занимать средства на межбанковском рынке, привлекать ресурсы внутри своей банковской группы, инвестировать в государственные облигации и валюту, расширять ресурсную базу за счет операций с клиентами-физическими и юридическими лицами и т.д. Однако в кризисных условиях внутренняя ликвидность банковской системы сжимается и становится недоступной для отдельных банков. Меры по поддержке национальных банков в условиях кризиса не могут ограничиваться только предоставлением централизованных ресурсов центральным банком, должна быть разработана комплексная программа действий как на уровне самих банков, так и на уровне финансовых регуляторов.

Литература

1. Годовой отчет Банка России за 2022 год. – URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27873/ar_2019.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
2. Банк России. Ликвидность банковского сектора и финансовые рынки. Информационно-аналитический комментарий, № 2–3 (72–73), февраль-март 2022 года, С. 12. – URL: https://asros.ru/upload/iblock/439/3ep4j2ee1tn5tjj-29e9q4732dqr4crv5/Likvidnost-bankovskogo-sektora-i-finansovye-rynki_Vypusk-_2_3_-fe-

[vral_-mart-2022-goda_.pdf](#) (дата обращения: 09.09.2023).

3. Банк России. Перспективные направления развития банковского регулирования и надзора. . – URL: https://cbr.ru/banking_sector/ (дата обращения: 08.09.2023).
4. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: The Liquidity Coverage Ratio and liquidity risk monitoring tools. January 2013. – URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs238.pdf> (дата обращения: 07.09.2023).
5. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: the net stable funding ratio. October 2014. – URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d295.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).
6. Singh, Dalvinder, The ECB Guide to Internal Liquidity Adequacy: A Principles-Based Approach (May 14, 2021). – URL: <https://ssrn.com/abstract=3846317> (дата обращения: 08.09.2023).
7. Johannes Breckenfelder, Marie Hoerova. Do non-banks need access to the lender of last resort? Evidence from fund runs. ECB, Working Paper Series, № 2805, April 2023. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2805~d1e-83fa3bb.en.pdf> (дата обращения: 08.09.2023).
8. Luca Baldo, Florian Heider, Peter Hoffmann, Jean-David Sigaux, Olivier Vergote. How do banks manage liquidity? Evidence from the ECB's tiering experiment. ECB, Working Paper Series, № 2732, September 2022. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2732~9bb7f4e4cc.en.pdf> (дата обращения: 06.09.2023).

BANK LIQUIDITY MANAGEMENT IN ECONOMIC TURBULENCE¹

Pashkovskaya I.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The crisis events of 2022 showed the need to develop a set of measures to manage bank liquidity both at the level of individual banks and the entire banking system. A sharp reduction in the volume of market liquidity of domestic banks at the beginning of 2022 required the Bank of Russia to intervene and provide centralized resources using the refinancing mechanism, open market operations, specialized mechanisms and instruments to maintain liquidity. The Bank of Russia plans to further improve the bank liquidity management system by making changes to the calculation of short-term liquidity indicators and optimizing the number of bank liquidity standards applied.

Currently, to create an effective liquidity management system, it is necessary to develop a set of measures, determine the basic principles of its management, as well as the powers of all participants in this system.

Based on the study of international experience and standards of the Basel Committee on Banking Supervision, the article proposes the principles of bank liquidity management, formulated requirements for banks to improve internal liquidity management methods in the conditions of turbulence of the national economy. The article develops proposals for the use of new instruments for regulating liquidity, expanding the number of participants in the bank financing system and developing corporate banking culture in assessing and accepting an acceptable level of risk.

¹ This article was prepared as part of the Applied Research Work “New approaches to regulating the financial market in the face of increasing risks of uncertainty in economic development with the introduction of sanctions restrictions” (topic 1022041100225–2–5.2.4).

Keywords: bank liquidity, money market, financial market, refinancing, liquidity deficit, liquidity buffers, stress testing, volatility, risks.

References

1. Annual report of the Bank of Russia for 2022. – URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27873/ar_2019.pdf (date of access: 11.09.2023).
2. The Bank of Russia. Banking sector liquidity and financial markets. Information and Analytical collection, No. 2–3 (72–73), February – March 2022, p. 12. – URL: https://asros.ru/upload/iblock/439/3ep4j2ee1tn5tjj29e9q4732dqr4crv5/Likvidnost-bankovskogo-sektora-i-finansovye-rynki_Vypusk-2_3_-fevral-_mart-2022-goda_.pdf (date of access: 09.09.2023).
3. Bank of Russia. Promising areas of development of banking regulation and supervision. – URL: https://cbr.ru/banking_sector/ (date of access: 08.09.2023).
4. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: Liquidity coverage ratio and liquidity risk monitoring tools. January 2013. – URL: <https://www.bis.org/publ/bcbs238.pdf> (date of access: 07.09.2023).
5. Basel Committee on Banking Supervision. Basel III: net stable financing ratio. October 2014. – URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d295.pdf> (date of access: 08.09.2023).
6. Singh, Dalvinder, ECB Guidance on Internal Liquidity Adequacy: A Principles-based approach (May 14, 2021). – URL: <https://ssrn.com/abstract=3846317> (date of access: 08.09.2023).
7. Johannes Brekenfelder, Marie Hoerova. Do non-banking organizations need access to a lender of last resort? Evidence from the funds. ECB, Working Paper Series, № 2805, April 2023. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2805~d1e83fa3bb.en.pdf> (date of access: 08.09.2023).
8. Luca Baldo, Florian Haider, Peter Hoffmann, Jean-David Sigo, Olivier Vergote. How do banks manage liquidity? Data from the ECB Multilevel Experiment. ECB, Working Paper Series, № 2732, September 2022. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecb.wp2732~9bb7f4e4cc.en.pdf> (date of access: 06.09.2023).

Экосистемы банковского сектора России: понятие, принципы и правовые основы функционирования

Шансков Никита Сергеевич¹,

магистрант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nshanskov@gmail.com

В Российской Федерации понятие «экосистема» начало оперировать в информационном пространстве только в начале 2000 годов, а связь данной категории с банковским сектором возникла только в 2016 году, когда ПАО «Сбербанк» приняло решение о создании модели организации своей деятельности с использованием IT-технологий и инвестировании в нефинансовые сервисы. Затем данную идею о создании экосистемы переняли Тинькофф Банк, ВТБ и другие. Сегодня формирование экосистем в банковском секторе является одним из самых модных и активно развивающихся направлений отечественного банкинга, что связано с повсеместным распространением таких процессов, как цифровизация и глобализация. Однако, в силу того что банковские экосистемы в России появились относительно недавно, вопросы, касающиеся принципов и правовых основ их функционирования, сегодня являются недостаточно проработанными, что вызывает необходимость дальнейшего исследования. Цель исследования – изучить принципы и правовые основы функционирования экосистем банковского сектора. Методы исследования: изучение современных литературных и электронных источников; анализ и синтез; сравнение и обобщение; графический метод и другие. Достигнутые результаты: в рамках данной статьи освещены последние тенденции развития цифровых банковских экосистем в России.

Ключевые слова: экосистема, банковский сектор, банковская экосистема, эпоха цифровизации, финансовые инновации, бандинг.

Введение

Нынешнее общество в современных условиях сталкивается с серьезными изменениями в институциональной сфере, которые вызваны цифровой революцией и переходом от постиндустриальной экономики к экономике, основанной на информационных технологиях и машинном разуме. Один из ключевых элементов общества, формирующегося в эпоху цифровизации, – это использование компьютерных (вычислительных) сетей различных уровней, осуществляющих функции генерации, преобразования, хранения и распределения информации с помощью глобальных ИТС. В современном цифровом обществе экосистемы банковского сектора стали основным способом организации деятельности кредитных организаций. На сегодняшний день некоторые кредитные организации провели ряд экспериментов с цифровыми решениями и пришли к выводу, что экосистемный подход является одной из наиболее эффективных моделей для установления долгосрочного и плодотворного сотрудничества с клиентами. Кредитные организации, применяющие указанный подход, могут существенно увеличить взаимодействие с клиентами и предоставить им персонализированный опыт, основанный на их потребностях².

Подходы к определению экосистем

Категория «экосистема» является для отечественной банковской отрасли относительно новой, поскольку активное распространение она получила только в 2016 году, когда ПАО «Сбербанк» приняло решение о создании модели организации своей деятельности с использованием IT-технологий и инвестировании в нефинансовые сервисы. В связи с этим понятие экосистемы на данный момент не имеет законодательной интерпретации и в учебной литературе встречается не часто. Каждая кредитно-финансовая организация имеет свою точку зрения на предмет определения изучаемого понятия.

Так, одна группа кредитных организаций подразумевает под экосистемой расширение партнерской сети путем включения в нее поставщиков нефинансовых продуктов и услуг.

Другие финансово-кредитные учреждения понимают под экосистемой включение в свою дея-

¹ Научный руководитель: Ковалева Наталия Алексеевна, к.э.н., доцент, доцент Департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (NKovaleva@fa.ru).

² Тарханова, Е.А. Банковские экосистемы: сущность, типология и современные подходы к регулированию в России / Е.А. Тарханова, Д.С. Борисов, А.В. Тарханова, А.В. Фрицлер // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/117771> (дата обращения: 05.06.2023).

тельность новых сервисов, следуя за основными идеями стратегии расширения бренда. Приверженцы такого подхода рассматривают экосистемный подход, как логичный этап развития кредитной организации в современных условиях.

Третья группа банков считает, что экосистема – это модель развития банковской деятельности на основе маркетплейсов и других цифровых платформ, которые объединяют клиентов и поставщиков финансовых и нефинансовых услуг и имеют способность принимать разные формы партнерства¹. В данном случае банковские экосистемы рассматриваются как модель развития бизнеса, подразумевающая широкую диверсификацию экономической деятельности кредитной организации.

В профессиональном и научном сообществах также пока не сформировалось единого мнения насчет дефиниции банковской экосистемы.

По мнению президента Финансового университета при Правительстве РФ М.А. Эскиндарова, банковская экосистема – это построение сети организаций, созданных вокруг единой технологической платформы и пользующихся её услугами для формирования предложений клиентам и доступа к ним. В этом определении акцент делается на институциональный, организационный аспект банковской экосистемы.

В ряде случаев основой бизнес-экосистемы называют новые технологии. Так, в Докладе Банка России об экосистемах дано следующее определение: «Экосистема (цифровая экосистема) – совокупность сервисов, в том числе платформенных решений, одной группы компаний или компании и партнеров, позволяющих пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках единого бесшовного интегрированного процесса. Экосистема может включать в себя закрытые и открытые платформы»².

Сходное определение предлагается главой Торгово-промышленной палаты РФ С.Н. Катыриным: «Бизнес-экосистема – это набор собственных или партнерских сервисов, объединенных вокруг компании. Экосистемы стремятся предоставить как клиентам, так и бизнесу комплекс сервисов, необходимых для повседневной жизни и работы»³.

Как видно, в определении понятия «банковская экосистема» наблюдаются разночтения, однако можно выделить признаки, которые свойственны всем трактовкам:

- расширение линейки нефинансовых продуктов (услуг);
- применение цифровых платформ;

¹ Вахрушев, Д.С. Формирование экосистемы как инновационный вектор развития банковского сектора / Д.С. Вахрушев, А.Е. Кальсин, Г.Д. Нидерштрат // Инновационное развитие экономики. – 2020. – № 6 (60). – С. 28.

² Экосистемы: Подходы к регулированию // Банк России – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 01.09.2023).

³ Бизнес-экосистемы как реальность // Известия – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost> (дата обращения: 01.09.2023).

– различные формы партнерства.

Наиболее полно отражает сущность современной экосистемы определение, сформулированное Банком России, при этом, стоит отметить, что оно не учитывает особенности организаций, находящихся в центре таких экосистем, а именно кредитных и финансовых организаций.

Таким образом, экосистему в банковском секторе можно определить, как модель развития банковской деятельности, включающая совокупность финансовых и нефинансовых сервисов, функционирующих на основе единой информационной платформы, существование которых призвано удовлетворить финансовые и нефинансовые потребности клиентов с широким применением различных форм партнерства.

Предпосылки формирования банковских экосистем

Одним из важных факторов, которые дали толчок к созданию банковских экосистем в России, является сокращение прибыли от банковских операций и желание банков получить больше прибыли от небанковских доходов. В результате этого кредитные организации открыто перешли к «продаже» небанковских услуг.

Процесс формирования новых банковских экосистем начался задолго до настоящего времени – еще в начале XXI века банки создавали дочерние страховые компании. Банки и по сей день занимаются поиском новых источников доходов, продолжая постигать отрасли, связанные с потребительскими товарами и услугами и диверсифицируя свои бизнес-операции.

Необходимость сохранить свое первоначальное положение как посредника в банковских операциях и сделках привела к созданию финансово-кредитными организациями собственных экосистем. Возникновение такого новшества в банковской сфере обусловлено желанием сохранить свою репутацию в качестве надежного поставщика финансовых услуг и конкуренции со свежими игроками на финтех-рынке, которые в состоянии разрушить традиционное банковское сообщество.

У банков имеется значительная клиентская база, которая помогает им строить уникальные банковские экосистемы. По убеждению J. Мооге, достижение новаторских результатов требует активного участия многих игроков – потребителей и поставщиков. В банковской индустрии этот принцип особенно важен, поскольку здесь необходимы экосистемы, привлекающие внимание широкой аудитории. Развитие цифровых инноваций в этой сфере создало надежную платформу для создания банковских экосистем, что нашло свое отражение в улучшении дистанционного обслуживания клиентов и сокращении времени на банковские операции.

Распространение новых систем удаленной идентификации и обслуживания покупателей не только улучшило возможности получения услуг в банках и увеличило базу клиентов, но и стимулировал рост

числа пользователей, которые предпочитают использовать цифровые сервисы вместо того, чтобы посещать офисы банков. В свою очередь, это привело к сокращению издержек и увеличению операционной мощности в банковской системе¹.

Типы банковских экосистем

Существует (условно) три типа экосистем в банковском секторе:

- узкоспециализированные;
- среднеспециализированные;
- универсальные.

Тип экосистемы обуславливается применяемой финансово-кредитной организацией стратегией.

Так, к примеру, Юникредит банк является узкоспециализированной экосистемой, поскольку его основным видом деятельности является автокредитование. Он взаимодействует с крупными компаниями, представляющими автомобильный бренд, и компаниями, оказывающими услуги страхования, а также является получателем государственной поддержки в виде субсидий.

Хотя клиенты банка могут воспользоваться и другими услугами, относящиеся к иным видам сервисов, таким как: дебетовые карты, депозиты и аренда ячеек и т.д., основную долю прибыли организация получения именно от предоставления услуг автокредитования. Благодаря такому подходу организации удается сократить стоимость обслуживания конкретной услуги и предложить уникальные продукты ограниченной кругу клиентов, такие как, например, заем на покупку автомобиля с отсрочкой платежа.

Росбанк улучшает опыт ипотечной покупки жилья для своих клиентов, предоставляя не только кредиты, но и обеспечивая доступ к услугам нотариусов, риэлторов и страховых агентов. Более того, клиенты могут найти магазины с мебелью и товарами для ремонта через специальное приложение. Таким образом, Росбанк сосредотачивается на создании экосистемы для комфортной покупки жилья. В то время как банки в целом ориентированы на развитие универсальных экосистем.

Так, приложение Тинькофф банка состоит из следующих разделов:

- банковские продукты;
- страхование;
- инвестиции;
- мобильная связь;
- собственный маркетплейс.

В приложении банка также представлена платформа для бизнеса с возможностью регистрации ООО или ИП, открытием счета, участием в государственных закупках, заказом эквайринга и бухгалтерского обслуживания.

Однако Сбербанк владеет наиболее развитой экосистемой в России, которая включает пять разделов:

- финансы;
- бизнес;
- шоппинг;
- досуг;
- здоровье.

Управление выполняется через единое мобильное приложение, где все разделы взаимосвязаны между собой. Если пользователь использует приложение Сбербанк Онлайн, то при покупке товаров в СберМегаМаркете не требуется вводить данные карты: средства будут автоматически списаны.

Банк нуждается в больших затратах для развития экосистемы, однако, все расходы позже окупятся благодаря клиентам. Допустим, клиент заказывает доставку еды и совместно с этим, подписывается на кредитную карту, ввиду выгодных условий. Также, компании, сотрудничающие с банком, платят комиссию взамен того, что покупатели используют их услуги через банковское приложение².

Есть несколько больших банков, которые не считают себя экосистемами и заняты расширением своих финансовых услуг и повышением качества обслуживания клиентов. Но, в действительности, широкая диверсификация финансовых услуг часто является признаком экосистемы банков.

На рисунке 1 проанализируем структуру услуг финансовых организаций с лучшими экосистемами по типу – банковские и небанковские.

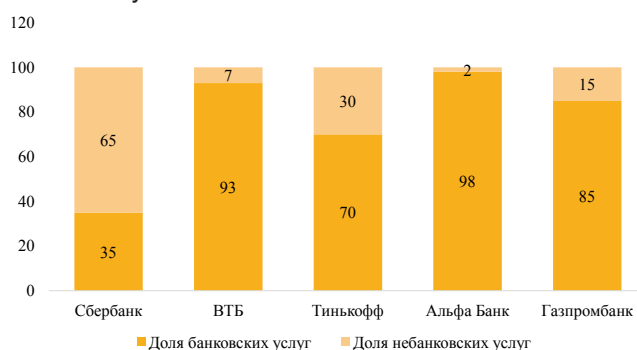

Рис. 1. Структура услуг отечественных финансовых организаций с лучшими экосистемами³

Как видно из рисунка 1, ПАО «Сбербанк» является финансово-кредитной организацией с самой развитой экосистемой, так как 65% оказываемых данной организацией услуг и реализуемых продуктов относятся к небанковской сфере.

На второй позиции находится Тинькофф Банк, где на долю небанковских услуг приходится чуть менее одной трети всего объема оказываемых услуг данной организацией.

Третье место принадлежит Газпромбанку, который только на 15% всего объема реализуемых услуг предоставляет небанковские услуги.

² Банковские экосистемы – новая модель развития финансовых организаций // Bankiroff. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankiroff.ru/articles/comparisons/bankovskie-ekosistemy-novaya-model-razvitiya-finansovyh-organizacij-2739> (дата обращения: 05.06.2023).

³ Артемова, А.А. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации / А.А. Артемова, Е.С. Матерова // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 262.

¹ Михеева, И.Е. Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления / И.Е. Михеева // Вектор юридической науки. – 2023. – № 1. – С. 44.

Принципы функционирования банковских экосистем

Несмотря на то, что в банковской сфере существуют различные виды экосистем, принципы их функционирования являются если не едиными, то в общем виде схожими (рис. 2).

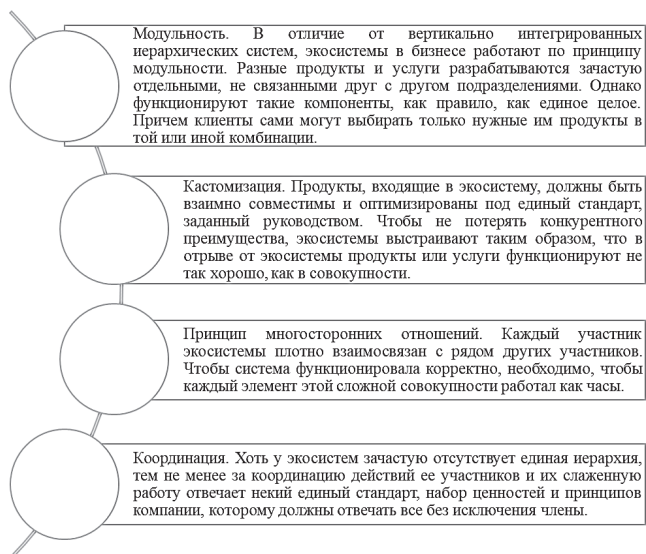

Рис. 2. Принципы функционирования экосистем в банковском секторе¹

По мнению автора, принципы функционирования современных экосистем банковского сектора помимо вышеуказанных также включают в себя принципы идеальной совместимости, а также омниканальности.

Принцип идеальной совместимости фактически означает то, что единовременное пользование сервисами или продуктами единой экосистемы увеличивает объем пользы, получаемых клиентом от каждого из таких сервисов/продуктов по отдельности. Таким образом, экосистемная организация создает условия для большей вовлеченности пользователей экосистемы.

Омниканальность же подразумевает создание единой коммуникационной среды для банка и его клиентов, которая позволяет свободно переключаться между каналами взаимодействия и формировать единую историю запросов клиентов с последующими покупками банковских услуг. Омниканальность позволяет современным банкам связать все каналы взаимодействия с клиентом в единую бесшовную систему и создать персонализированный профиль клиента, что обеспечивает повышение качества обслуживания, снижение издержек на коммуникацию, а также повышение уровня кросс-продаж за счёт real-time аналитики поведения потребителей.

Исходя их принципов функционирования экосистем в банковском секторе, описанных выше, можно сделать вывод, что экосистема работает

по принципу общины – каждый представитель общины вносит свой определенный вклад, а в дальнейшем получает от этого свою выгоду. То есть при экосистемном подходе к организации банковской деятельности все внимание направлено на клиента, на то, чтобы предоставить ему качественные услуги и обеспечить поддержку материнского бренда. При этом главным условием в данном случае является то, клиент в процессе потребления не должен покидать границы экосистемы. Для этого все продукты компании, как правило, разрабатываются с расчетом на взаимодействие и обратную совместимость.

Правовые основы функционирования банковских экосистем

Что касается правовых основ функционирования экосистем в отечественном банковском секторе, то следует сказать, что в России они только начинают формироваться.

В мае 2021 года Минэкономразвития РФ была выпущена Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы», которая направлена на регулирование антимонопольных действий и защиты цифровых данных. В остальном Концепция выглядит крайне абстрактно и обобщенно, что и неудивительно с учётом сильно размытости самого понятия «экосистема». Тем не менее, факт того, что вопрос функционирования экосистем в банковском секторе России поднимается на уровне государства, указывает на крайнюю заинтересованность последнего.

Согласно Концепции, основополагающую роль в регулировании деятельности всей банковской системы государства играют федеральные законы. Среди них можно выделить закон «О банках и банковской деятельности» и закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Регулирование банковских экосистем является одним из ключевых аспектов обеспечения устойчивого и эффективного функционирования финансовой системы. Банки играют важную роль в экономике, предоставляя кредиты, храня и управляя средствами клиентов, обеспечивая платежные сервисы и выполняя ряд других функций.

Однако, с ростом комплексности и масштабов банковских операций, возникает необходимость в регуляции для обеспечения стабильности и безопасности системы в целом. Регуляторы банковских экосистем, как правило, представлены в виде государственных или квазигосударственных органов, которые устанавливают и контролируют нормативные акты и политики, ограничивающие деятельность банков.

Одной из основных задач регуляторов банковских экосистем является обеспечение устойчивости банков в условиях финансовых кризисов или экономических сдвигов. Они определяют капиталовые требования, ликвидность и стабильность бан-

¹ Коновалова, М.Е. Финансовые экосистемы в эпоху развития цифровых технологий / М.Е. Коновалова, О.Ю. Кузьмина // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – № 1. – Том 13. – С. 364–365.

ков и мониторят их соблюдение. В случае выявления несоответствия или риска финансового краха, регуляторы могут применять санкции, проводить реорганизацию или даже ликвидацию неплатежеспособных банков.

Регулирование также направлено на обеспечение прозрачности и защиты прав клиентов банка. Регуляторы устанавливают правила для предоставления информации о услугах и продуктах банков, контролируют процессы оценки рисков и устанавливают механизмы рассмотрения жалоб и споров. Они также могут накладывать штрафы за нарушение правил и несоблюдение законодательства о защите потребителей.

Регулирование банковских экосистем также может включать меры по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Регуляторы устанавливают процедуры и требования для идентификации клиентов, проверки их финансовой активности и мониторинга подозрительных операций. Они сотрудничают с правоохранительными органами и другими государственными и международными институтами для более эффективной борьбы с преступной деятельностью в сфере финансов.

Регулирование банковских экосистем стремится также приспособиться к изменяющейся технологической среде. С развитием цифровых инноваций и появлением новых игроков на рынке, регуляторы должны следить за соответствием банковской деятельности законодательству и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы.

В целом, регулирование банковских экосистем играет ключевую роль в обеспечении стабильности и безопасности финансовой системы. Оно способствует защите прав клиентов, предотвращению финансовых кризисов и преступной деятельности, а также стимулирует инновации и развитие банковской отрасли. Однако, важно найти баланс между регулированием и свободой предпринимательства, чтобы не препятствовать развитию экономики и финансового сектора.

Литература

1. Артемова, А.А. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации / А.А. Артемова, Е.С. Матерова // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 258–264.
2. Быканова, Н.И. Формирование экосистем банков в условиях цифровизации банковского пространства / Н.И. Быканова, Ю.А. Соловей, Д.В. Гордя, Л.А. Коньшина // Экономика. Информатика. – 2020. – № 1. – С. 91–100.
3. Вахрушев, Д.С. Формирование экосистемы как инновационный вектор развития банковского сектора / Д.С. Вахрушев, А.Е. Кальсин, Г.Д. Нидерштрат // Инновационное развитие экономики. – 2020. – № 6 (60). – С. 27–36.
4. Коновалова, М.Е. Финансовые экосистемы в эпоху развития цифровых технологий / М.Е. Коновалова, О.Ю. Кузьмина // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – № 1. – Том 13. – С. 361–380.
5. Михеева, И.Е. Банковские экосистемы в России: понятие и предпосылки появления / И.Е. Михеева // Вектор юридической науки. – 2023. – № 1. – С. 42–49.
6. Романенко, О.А. Особенности регулирования деятельности банковских экосистем / О.А. Романенко // Современная наука: прогнозы, факты, тенденции развития: сборник материалов XV Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. – Чебоксары, 2022. – С. 510–514.
7. Банковские экосистемы – новая модель развития финансовых организаций // Bankiroff. – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankiroff.ru/articles/comparisons/bankovskie-ekosistemy-novaya-model-razvitiya-finansovyh-organizacij-2739> (дата обращения: 05.09.2023).
8. Тарханова, Е.А. Банковские экосистемы: сущность, типология и современные подходы к регулированию в России / Е.А. Тарханова, Д.С. Борисов, А.В. Тарханова, А.В. Фрицлер // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/117771> (дата обращения: 05.09.2023).
9. Экосистемы: Подходы к регулированию // Банк России – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (дата обращения: 01.09.2023).
10. Бизнес-экосистемы как реальность // Известия – 2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost> (дата обращения: 01.09.2023).

ECOSYSTEMS OF THE RUSSIAN BANKING SECTOR: PRINCIPLES AND LEGAL BASIS OF FUNCTIONING

Shanskov N.S.¹

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the Russian Federation, the concept of «ecosystem» began to operate in the information space only in the early 2000s, and the connection of this category with the banking sector arose only in 2016, when Sberbank decided to create a model for organizing its activities using IT technologies and investing in non-financial services. Then this idea of creating an ecosystem was adopted by Tinkoff Bank, VTB and others. Today, the formation of ecosystems in the banking sector is one of the most fashionable and actively developing areas of domestic banking, which is associated with the widespread spread of processes such as digitalization and globalization. However, due to the fact that banking ecosystems in Russia have appeared relatively recently, issues concerning the principles and legal foundations of their functioning are insufficiently developed today, which necessitates further research. The purpose of the study is to study the principles and legal foundations of the functioning of

¹ Supervisor: Kovaleva N.A., Financial University under the Government of the Russian Federation.

the ecosystems of the banking sector. Research methods: the study of modern literary sources; analysis and synthesis; comparison and generalization; graphical method, tabular method and others. Results achieved: this article highlights the latest trends in the development of digital banking ecosystems in Russia.

Keywords: ecosystem, banking sector, banking ecosystem, the era of digitalization, financial innovation, banking.

References

1. Artemova, A.A. Formation of ecosystems of banks in the conditions of digitalization / A.A. Artemova, E.S. Materova // Actual problems of science and education in the conditions of modern challenges: collection of materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. – 2022. – C. 258–264.
2. Bykanova, N.I. Formation of ecosystems of banks in the conditions of digitalization of the banking space / N.I. Bykanova, Y.A. Solovey, D.V. Gordya, L.A. Konshina // Economics. Informatics. – 2020. – № 1. – C. 91–100.
3. Vakhrushev, D.S. Ecosystem formation as an innovative vector of the banking sector development / D.S. Vakhrushev, A.E. Kalsin, G.D. Niederstrat // Innovative development of economy. – 2020. – № 6 (60). – C. 27–36.
4. Konovalova, M.E.. Financial ecosystems in the era of digital technologies development / M.E. Konovalova, O.Y. Kuzmina. Konovalova, O.Y. Kuzmina // Voprosy innovatsionnymi ekonomiki. – 2023. – № 1. – Vol. 13. – C. 361–380.
5. Mikheeva, I.E. Banking ecosystems in Russia: concept and prerequisites for the emergence / I.E. Mikheeva // Vector of Legal Science. – 2023. – № 1. – C. 42–49.
6. Romanenko, O.A. Features of the regulation of banking ecosystems / O.A.. Romanenko // Modern science: forecasts, facts, trends in development: a collection of materials of the XV International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation. – Cheboksary, 2022. – C. 510–514.
7. Banking ecosystems – a new model of development of financial organizations // Bankiroff. – 2021. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://bankiroff.ru/articles/comparisons/bankovskie-ekosistemy-novaya-model-razvitiya-finansovyh-organizacij-2739> (access date: 05.09.2023).
8. Tarkhanova, E.A. Banking ecosystems: essence, typology and modern approaches to regulation in Russia / E.A. Tarkhanova, D.S. Borisov, A.V. Tarkhanova, A.V. Fritsler // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2023. – Vol. 13. – № 6. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://1economic.ru/lib/117771> (date of reference: 05.09.2023).
9. Ecosystems: Approaches to Regulation // Bank of Russia – 2021. – [Electronic resource]. – Access mode: https://cbr.ru/Content/Document/File/119960/Consultation_Paper_02042021.pdf (access date: 01.09.2023).
10. Business ecosystems as a reality // Izvestia – 2021. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://iz.ru/1262583/sergei-katyrin/biznes-ekosistemy-kak-realnost> (access date: 01.09.2023).

Стратегии социально-экономического развития субъектов Северо-Западного макрорегиона

Красильников Александр Иванович,

аспирант кафедры менеджмента и инноваций, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: alkrasen@yandex.ru

В статье раскрываются и анализируются стратегии социально-экономического развития регионов, которые относятся к Северо-Западному макрорегиону. Проблема постановки целей на различных уровнях управления является актуальной для Российской Федерации. В стране насчитывается 89 регионов, которые должны выстраивать свою собственную экономическую политику, исходя из собственных приоритетов, и при этом учитывать приоритеты федерального уровня. Федеральный центр преследует интересы сбалансированного развития всех регионов, сокращая дифференциацию в социально-экономическом развитии, что может не соответствовать интересам отдельно взятого субъекта страны. В исследовании проводится анализ соответствия экономической политики регионов со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Исследование основано на сравнении целевых показателей из документов регионального и федерального уровней.

Ключевые слова: экономическая политика, макрорегион, стратегия социально-экономического развития, ВРП, целевые показатели.

Правительство Российской Федерации 13 февраля 2019 года своим распоряжением утвердило Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [1]. В Стратегии основной целью является обеспечение сбалансированного и устойчивого пространственного развития страны. За счет ускорения темпов экономики и технологического развития регионов. Достижение данной цели планируется за счет выполнения задач по сокращению уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии регионов, ликвидации инфраструктурных ограничений, повышения конкурентоспособности регионов и других. Одним из итогов Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года стал целевой показатель по росту валового регионального продукта субъектов Российской Федерации, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации. Далее в таблице 1 представлен данный показатель.

Таблица 1. Целевой показатель ВРП пространственного развития РФ

Показатель	2017 год	Целевой 2025 год
Рост валового регионального продукта субъектов Российской Федерации, в которых располагаются перспективные крупные центры экономического роста Российской Федерации, процентов	101	103,7

На основании вышеуказанного распоряжения была увеличена численность Северо-Западного макрорегиона до 8 субъектов. В данный момент Северо-Западный макрорегион включает в себя следующие субъекты: Республика Карелия, Калининградская область, Вологодская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, г. Санкт-Петербург. Каждый из этих субъектов проводит собственную социально-экономическую политику, которая должна соответствовать приоритетам развития региона. При этом должна стоять задача по соответствию региональной политики с замыслом развития, опубликованным федеральным центром.

Постановлением правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920 была утверждена Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года [5]. Основным фундаментом данной стратегии является «Народосбережение». Из-за чего цели и задачи данной стратегии сфокусированы на росте численности населения. Главным целевым показателем является достижения уровня численности в 2030 году до 1493 тыс. человек. Из чего складываются приоритеты стратегии по формированию пространства для жизни, пространства для развития и пространства эффективности. Целевого показателя по росту валового продукта от года к году в Стратегии не указано, но декларируется цель по росту ВРП с 2015 по 2030 год на 28,4% в сопоставимых ценах. Постановление правительства Вологодской области от 25.10.2021 № 1248 было дано прогноз по социально-экономическому развитию Вологодской области на 2022–2024 год [6]. В данном прогнозе рост ВРП должен составить в 2024 году по консервативному сценарию 101,9, а по базовому 102,1, что не соответствует целевому показателю в 103,7, указанному в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года. Актуальный же показатель на 2021 год, в соответствии с Федеральной службой государственной статистики составил 102,9 [16].

Калининградская область является самым западным регионом страны, который не имеет границ с другими субъектами Российской Федерации. Основным документом декларирующей социально-экономическую политику является Постановление Правительства Калининградской области от 2 августа 2012 года № 583 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу» [7]. Данное Постановление претерпело несколько изменений, последнее из которых было 13.04.2022 года. Стратегия учитывает многие документы стратегического планирования Российской Федерации, но не учитывается Стратегия пространственного развития РФ до 2025 года, что свидетельствует о расхождениях между федеральным и региональным уровнем в этом аспекте. В стратегии закладываются индикаторы реализации стратегии, такие как рост суммарный коэффициент рождаемости равный 1,7, повышение реальной заработной платы относительно 2011 года на 135,4% и другие. Валовой региональный продукт рассматривается также к уровню 2011 года и должен вырасти на 141,8%. По данным Федеральной службы государственной статистики рост валового регионального продукта в 2021 году составил 109,0 [12]. Это является значительно выше целевого показателя по Стратегии пространственного развития 2025 года в 103,7.

Закон Новгородской области от 04 апреля 2019 года N 394-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2026 года» основным документом, который характеризует социально-экономическую политику

этого региона [3]. Правительство новгородской области закладывает в стратегию показатели снижения количества трудоспособного населения к 2026 году, также наблюдается недостаток инвестиций и сложности для развития человеческого капитала. Стратегия развития содержит в себе целевой показатель роста ВРП, который составляет 101,8 с 2020 по 2035 год. Такие прогнозы не соответствуют целевому показателю Стратегии пространственного развития до 2025 года. По данным Федеральной службы государственной статистики в 2021 году индекс физического объема ВРП к прошлому году составил 104,0, что является выше целевого показателя по Стратегии пространственного развития [17].

Псковская область также имеет стратегию социально-экономического развития. Она задекларирована Распоряжением Администрации Псковской области от 10.12.2020 г. № 670-р «О Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2035 года» [9]. Данная стратегия направлена на модернизацию промышленности, развитие социального и экономического потенциала. Одной из важнейших задач является повышение инвестиционной активности в регионе. Также выделяется проблема оттока населения из региона, которую необходимо решать. В стратегии формируются несколько сценариев социально-экономического развития региона. Так выделяется инерционный (базовый) сценарий, по которому рост ВРП к 2035 году должен составлять 100,1 к предыдущему году. Индустриальный сценарий, по которому рост составляет 102,2. Консервативный сценарий (средний) с ростом ВРП в 101,4 к 2035 году. И целевой сценарий, который ставит задачу достичь роста ВРП к предыдущему году в 2035 году в 103,8, но при этом среднегодовой рост в этом периоде должен быть 102,3, что ниже целевого показателя Стратегии пространственного развития до 2025 года. Актуальные данные по исследуемому показателю по данным Федеральной службы государственной статистики на 2021 год составляют 101,6 [14].

Главным экономическим центром Северо-Западного макрорегиона является город Санкт-Петербург. Город Федерального значения является самостоятельным субъектом Российской Федерации и имеет собственную стратегию социально-экономического развития. Стратегия регламентируется Законом Санкт-Петербурга принятым от 19 декабря 2018 года «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» (с изменениями на 21 декабря 2022 года) [4]. Стратегией определяются основные стратегические направления по обеспечению устойчивого экономического роста, повышению качества городской среды, обеспечению повышения эффективности управления и развития гражданского общества, повышению качества городской среды. В отличие от предыдущих регионов, в г. Санкт-Петербург наблюдается положительная демографическая ситуация с ростом трудоспособного населения, что меняет задачи проводимой

социально-экономической политики. Стратегией указан целевой показатель по росту ВРП к предыдущему году до 2024 года в 105,0, и также этот показатель фигурирует до 2030 и 2035 года, что соответствует Стратегии пространственного развития на 2025 год. Актуальный показатель роста ВРП составляет в 2021 году 120,0, что является крайне значительным. [11].

Вокруг Санкт-Петербурга располагается Ленинградская область, которая также является отдельным субъектом Российской Федерации. Социально-экономическая политика декларируется Стратегией социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года, которая была принята законом от 19 декабря 2019 года № 100-оз «О внесении изменений в областную закон «О стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» и признании утратившим силу областного закона «О концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года» [2]. Стратегия Ленинградской области базируется на основе национальных целей и задач развития Российской Федерации. Главным образом Ленинградская область стремится идти в современных трендах трансформации и возникновении новых глобальных цепочек создания стоимости. Также уделяется внимание созданию комфортной среды и развитию человеческого капитала. В Стратегии определены целевые показатели ВРП к предыдущему году. В период с 2019 до 2024 этот показатель составляет 103,3, а в период с 2025 по 2030 на уровне 103,4, что не соответствует Стратегии пространственного развития до 2025 года. Актуальные данные представленные Федеральной службой статистики по значению роста ВРП к предыдущему году в 2021 году составили 106,7, что выше целевых показателей, указанных в Стратегиях федерального и регионального уровней [11].

Республика Карелия утвердила Стратегию социально-экономического развития на период до 2030 года Распоряжением Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 г. № 899р-П [10]. Основной целью Стратегии развития является повышение качества жизни населения региона. Декларируется активное участие региона в межрегиональном взаимодействии. Экономическая сторона задач включает модернизацию инфраструктуры, диверсификацию экономики, формирование эффективных рынков земли и собственности. Одной из главных проблем региона является снижение количества трудоспособного населения, которая является распространенной во многих субъектах Северо-Западного макрорегиона. Целевым показателем стратегии является рост ВРП к 2024 году 335 млрд рублей, а к 2030 году 400 млрд рублей. Целевой показатель роста ВРП в 2024 году составляет 105,6, что соответствует Стратегии пространственного развития до 2025 года. По данным Федеральной службы государственной статистики рост ВРП к предыдущему году в 2021 году в Республике Карелия составил 102,9 [15].

Мурманская область является самым северным субъектом в Северо-Западном макрорегионе. Социально-экономическая политика региона определена постановлением правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 года N 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (в редакции постановления Правительства Мурманской области от 10.07.2017 N 351-ПП) [8]. Согласно данному документу цели согласованы с федеральными программами развития регионов и макрорегионов страны. Одним из ключевых аспектов экономического развития является рыбохозяйственный комплекс, которому уделено особое внимание. Также наблюдается проблема со снижением количества трудоспособного населения, что имеет место быть во многих субъектах Северо-Западного макрорегиона. Из чего вытекают задачи по развитию человеческого капитала, модернизации инфраструктуры и привлечения инвестиций в высокотехнологичные отрасли. Ожидаемые результаты данной Стратегии – это становление регионом-лидером Арктической зоны. Целевой показатель по приросту ВВП к предыдущему году Стратегия не содержит. По данным Федеральной службы статистики рост ВВП к предыдущему году в 2021 году составил 105,7, что является выше целевого показателя Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [13].

После исследования всех стратегий социально-экономического развития регионов Северо-Западного макрорегиона следует привести полученные данные в общей таблице 2.

Таблица 2. Целевые значения прироста ВРП к предыдущему году

Регион	Целевое значение в Стратегии региона	Актуальное значение	Значение из Стратегии пространственного развития РФ
Вологодская область	102,1	102,9	103,7
Калининградская область	Нет данных	109,0	103,7
Новгородская область	101,8	104,0	103,7
Псковская область	102,3	101,6	103,7
Г. Санкт-Петербург	105,0	120,0	103,7
Ленинградская область	103,4	106,7	103,7
Республика Карелия	105,6	102,9	103,7
Мурманская область	Нет данных	105,7	103,7

В результате полученных данных можно сделать вывод о том, что политика региональных властей

имеет расхождение со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Такие области как Мурманская и Калининградская не декларируют в своих стратегиях целевого показателя прироста ВРП к предыдущему году. Также наблюдается постановка целевых значений у Ленинградской, Псковской, Новгородской и Вологодской областей ниже, чем предусмотрено Стратегией пространственного развития. Общие тенденции стратегий на уровне регионов связаны с сохранением работоспособного населения, развитием человеческого капитала. Данная проблема обходит стороной г. Санкт-Петербург. Актуальные значения прироста ВРП к предыдущему году в среднем составляют по Северо-Западному макрорегиону 106,6. Это является выше целевого значения Стратегии пространственного развития, но следует учитывать, что данные за 2021 могут быть позитивными из-за восстановления после эпидемии COVID-19.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»
2. Закон от 19.12.2019 года № 100-оз «О внесении изменений в областной закон «О стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года» и признании утратившим силу областного закона «О концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 года»
3. Закон Новгородской области от 04.04.2019 года № 394-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2026 года»
4. Закон Санкт-Петербурга от 19.12.2018 года «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» (с изменениями на 21 декабря 2022 года)
5. Постановление Правительства Вологодской области от 17.10.2016 № 920 «О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года»
6. Постановление Правительства Вологодской области от 25.10.2021 № 1248 «О прогнозе социально-экономического развития Вологодской области на среднесрочный период 2022–2024 годов»
7. Постановление Правительства Калининградской области от 2.08.2012 года № 583 «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу»
8. Постановлением правительства Мурманской области от 25.12.2013 года N 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (в редакции поста-

новления Правительства Мурманской области от 10.07.2017 N 351-ПП)

9. Распоряжение Администрации Псковской области от 10.12.2020 г. № 670-р «О Стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2035 года»
10. Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 г. № 899 р-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года» (с изменениями на 10 декабря 2019 года)
11. Валовой региональный продукт Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2020–2021 годах. Стат. сб. / Петростат. – СПб, 2023. – 72 с.
12. Калининградская область в цифрах. 2023: Краткий статистический сборник/Калининградстат – Калининград, 2023–138 с
13. Мурманская область в цифрах / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2023–123 с
14. Псковская область в цифрах. 2023: Крат.стат. сб. / Псковстат – П., 2023. – 149 с.
15. Республика Карелия в цифрах' 2023: краткий статистический сборник/ Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия (Карелиястат). – Петрозаводск, 2023. – 121с.
16. Социально-экономическое положение Вологодской области в январе 2023 года: Доклад./ Вологдастат. – С 69 Вологда, 2023–106 с
17. Экономика Новгородской области Итоги 2022 года Статистический бюллетень/Новгородстат – Великий Новгород, 2023–73 с

STRATEGIES FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE NORTH-WESTERN MACROREGION

Krasilnikov A.I.

Saint Petersburg State University of Economics

The article reveals and analyzes the strategies of socio-economic development of the regions that belong to the North-Western macroregion. The problem of setting goals at various levels of management is relevant for the Russian Federation. There are 89 regions in the country that must build their own economic policy based on their own priorities, and at the same time take into account the priorities of the federal level. The Federal Center pursues the interests of balanced development of all regions, reducing differentiation in socio-economic development, which may not correspond to the interests of a single subject of the country. The study analyzes the compliance of the economic policy of the regions with the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025. The study is based on a comparison of targets from documents at the regional and federal levels.

Keywords: Economic policy, macroregion, socio-economic development strategy, GRP, target indicators.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019 No. 207-r (as amended on September 30, 2022) "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period until 2025"

2. Law No. 100-oz dated December 19, 2019 “On amendments to the regional law “On the strategy for the socio-economic development of the Leningrad region until 2030” and invalidating the regional law “On the concept of socio-economic development of the Leningrad region for the period until 2025”
3. Law of the Novgorod Region dated April 4, 2019 No. 394-OZ “On the Strategy for the Social and Economic Development of the Novgorod Region until 2026”
4. Law of St. Petersburg dated December 19, 2018 “On the Strategy for the Social and Economic Development of St. Petersburg for the Period until 2035” (as amended as of December 21, 2022)
5. Decree of the Government of the Vologda Region dated October 17, 2016. No. 920 “On the Strategy for the socio-economic development of the Vologda region for the period until 2030”
6. Decree of the Government of the Vologda Region dated October 25, 2021, No. 1248 “On the forecast of socio-economic development of the Vologda region for the medium term 2022–2024”
7. Decree of the Government of the Kaliningrad Region dated August 2, 2012 No. 583 “On the Strategy for the Social and Economic Development of the Kaliningrad Region for the Long Term”
8. Decree of the Government of the Murmansk Region dated December 25, 2013 N 768-PP/20 “On the Strategy for the Social and Economic Development of the Murmansk Region until 2020 and for the period until 2025” (as amended by Decree of the Government of the Murmansk Region dated July 10, 2017 N 351- PP)
9. Order of the Administration of the Pskov Region dated December 10, 2020. No. 670-r “On the Strategy for the socio-economic development of the Pskov region until 2035”
10. Order of the Government of the Republic of Karelia dated December 29, 2018 No. 899 r-P “On approval of the Strategy for the socio-economic development of the Republic of Karelia for the period until 2030” (as amended as of December 10, 2019)
11. Gross regional product of St. Petersburg and the Leningrad region in 2020–2021. Stat. Sat. / Petrostat. – St. Petersburg, 2023. – 72 p.
12. Kaliningrad region in numbers. 2023: Brief statistical collection/ Kaliningradstat – Kaliningrad, 2023–138 s
13. Murmansk region in figures / Federal State Statistics Service, Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Murmansk region. Murmansk, 2023–123 s
14. Pskov region in numbers. 2023: Statistical summary. / Pskovstat – P., 2023. – 149 p.
15. The Republic of Karelia in figures' 2023: a brief statistical collection / Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Karelia (Kareliastat). – Petrozavodsk, 2023. – 121 p.
16. Socio-economic situation of the Vologda region in January 2023: Report/Vologdastat. – P 69 Vologda, 2023–106 p.
17. Economy of the Novgorod Region Results of 2022 Statistical Bulletin/Novgorodstat – Veliky Novgorod, 2023–73 p.

Риски информационных технологий и методические рекомендации по их контролю

Курныкина Ольга Васильевна,

д.э.н., профессор Департамента аудита и корпоративной отчетности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ovk_2003@mail.ru

Предмет. Риски, сопутствующие применению информационных технологий в информационно-аналитическом обеспечении деятельности, и рекомендации по контролю над ними. *Цели.* Исследование многообразия и сущности рисков, возникающих при применении электронных технологий и разработка рекомендаций по формированию методик контроля рисков информационных технологий. *Методология.* Исследование основано на методах анализа и синтеза, сравнения, детализации, обобщения, на системном и риск-ориентированном подходе. *Результаты.* В статье приведен список наиболее распространенные риски электронных технологий, выявлены характерные черты, присущие им. Отмечены проблемы теоретического и практического аспектов вызванные отсутствием четкого и единообразного определения понятия «технологические риски», целесообразно использовать для разработки нормативно-правовых документов и внутренних методик контроля и схем бизнес-процессов, включающих контроль рисков. Даны рекомендации по организации проведения оценивающего риск ориентированного контроля в условиях применения информационных технологий.

Выводы. Системная организация контроля рисков применения информационных технологий, проводимая на основе разработанных методических рекомендаций, позволит использовать преимущества информационных технологий и снизить возможные угрозы потери информации, конфиденциальности и предотвращать сбои работе электронных систем.

Ключевые слова: цифровые технологии; риски цифровизации; электронные технологии; контроль рисков электронных технологий, информационные риски.

Введение

Активное развитие цифровизации и внедрение электронных технологий затрагивает все сферы жизни и отношений. Это определило повышенное внимание и их поддержку на государственном уровне. В России принята Программа развития цифровой экономики в России до 2035 года [10]. Программа содержит цели и задачи развития, в том числе «установление параметров перехода к цифровой экономике по каждой отрасли; разработка нормативно-правовой базы; совершенствование основной инфраструктуры и создание национальных институтов цифровизации».

Активное развитие цифровизации неизбежно приводит к трансформации методов и способов формирования, передачи и хранению информации во всех сферах экономики, а также в области учета, формирования отчетности и аудита. Применение цифровых технологий имеет ряд существенных преимуществ по сравнению с ручной обработкой данных, но связано с множеством рисков, вызываемых преобразованием информации в цифровую систему. У использования электронных технологий есть неоспоримый ряд преимуществ. Автоматизация процесса обработки данных позволяет более эффективно использовать заранее определенные правила, что способствует ускорению выполнения сложных расчетов и обработке больших объемов данных. Повышается качество, доступность и скорость предоставления информации, расширяются возможности для дальнейшего анализа данных, упрощается контроль и мониторинг, снижается риск нарушений правил и обеспечивается защита и разделение ответственности. Электронные технологии могут быть более эффективными и надежными, чем ручные, из-за отсутствия возможности их обхода, игнорирования или преодоления. Они также менее подвержены ошибкам, чем выполняемые вручную.

Электронные технологии особенно полезны в следующих ситуациях:

- когда имеется большой объем повторяющихся задач, где ошибки могут быть предотвращены или исправлены с помощью автоматизации;
- в случаях, когда имеются средства контроля, и определенный порядок управления может быть организован и выполнен автоматически.

Наряду с важными достоинствами применение электронных технологий связано с множеством рисков, которые следует выявлять и контролировать для предотвращения негативных событий при работе с цифровой информацией.

Риски информационных технологий: определение, специфика проявления и оценки

Развитие информационных технологий и активизация использования их в процессах формирования информации обуславливает новые проблемы и риски, относящиеся к надежности электронных систем создания и хранения информации, конфиденциальности, резервному хранению и актуализации хранимой информации по мере внедрения новых форм и технических средств формирования информации.

К числу рисков и возможных проблем относятся:

- вирусные атаки и заражение компьютера вирусом;
- легкость не санкционированного уничтожения информации;
- рост хакерских атак, связанный с ростом объемов и распространения обрабатываемых массивов информации;
- потеря конфиденциальности данных;
- кража, перехват информации;
- существенность затрат на установку и обслуживание новых технологических систем и модернизацию действующих;
- необходимость и сложность перенастройки при внедрении новых продуктов, изменений норм правового регулирования, проводимых без учета технических возможностей организаций, что может привести к возникновению комплаенс-риска;
- необходимость технологической перестройки действующих бизнес-процессов и методов формирования информации при внедрении информационных технологий (есть примеры, когда внедрении в процесс учета и отчетности нового стандарта оценки потребовал переустановка программного обеспечения, что замедлило внедрение на год);
- техническая зависимость от производителей оборудования и его ремонт (с применением интернет-технологий, не только усиливаются традиционные риски, но и появляются новые риски, вызванные использованием новых и модернизированных технических средств);
- зависимость от разработчиков программных продуктов (риски зависимости от программного обеспечения и оборудования особенно остро проявилось при прекращении работы/использования зарубежных IT-продуктов в условиях санкций, имея в виду возможные трудности с поставками зарубежного IT-оборудования, заключением/продолжением договоров на IT-обеспечение с зарубежными поставщиками);
- риск незащищенности распределенного доступа при централизации и автоматизации учета, клиентам банка и предоставлении возможности внешним клиентам в режиме реального времени проводить транзакции по счетам самостоятельно и независимо от фактического места проведения операции. Риски увеличи-

ваются в условиях недостаточной технической защиты используемых средств или низкой финансовой грамотностью клиентов. Это определяет необходимость учитывать функционирование реальных объектов и банковских процессов, и работать с клиентами виртуально, взаимодействуя анонимно);

- возможные непрогнозируемые происшествия техногенного и социального характера (например, распространение пандемии, межгосударственные конфликты), природные катаклизмы (магнитные бури и др.);
 - проблемы в работе технических средств, вызванные их повреждениями и сбоями в результате воздействия различных вредоносных программ и электронных вирусов, непрерывно усложняющихся и модифицирующихся;
 - неконтролируемость риска и цифровой безопасности компьютеров, принадлежащих клиентам, с которых проводятся операции в системе банка;
- Примеры рисков, которые могут возникнуть в связи с неэффективной структурой или функционированием средств контроля, включают:
- нарушение целостности данных (из-за ошибок в средствах контроля данные могут быть изменены или потеряны, что приведет к некорректным результатам);
 - несанкционированный доступ;
 - неправильное вмешательство (средства контроля могут быть неправильно настроены или работать некорректно, что может привести к нежелательным результатам);
 - несвоевременность настройки, т.е. невнесение необходимых изменений, что может повлиять на работу системы и привести к ошибкам.

Следует отметить, что информационные технологии активно развиваются, при этом совершенствуются техники работы и защиты от рисков и, к сожалению, расширяются мошеннические методы, учитывая это список рисков, предложенный в данной работе, очевидно, не является исчерпывающим. Кроме того, дискуссионным остается вопрос о выделении рисков информационных технологий в отдельную группу рисков, наряду с операционными, репутационными, кредитными и другими.

Для анализа рисков применения информационных технологий необходимо рассмотреть сущность рисков информационных технологий, назовем эту группу рисков – «информационный риск». Несмотря на описание и перечисление возможных рисков при применении электронных технологий и цифровизации, однозначного определения сущности и группировки этих рисков пока нет. Есть описание [1], что информационный риск рассматривается «в качестве события, которое оказывает непосредственное влияние на информацию: ее удаление, искажение, нарушение ее конфиденциальности или доступности» [1]. В работе Зенкиной И.В. [2] предлагается рассматривать риск как учетную категорию и объект корпоративной отчетности.

В качестве рисков применения информационных технологий в Национальном стандарте Российской Федерации «Безопасность финансовых (банковских) операций. Управление риском реализации информационных угроз и обеспечение операционной надежности» [7] предлагаются дефиниции «информационная угроза» и «угроза безопасности информации», которые определяются как «совокупность условий и факторов, создающих возможность нарушения безопасности информации, вызывающую или способную вызвать негативные последствия (включая нарушение операционной надежности) для финансовой организации, частных сторон, в том числе клиентов финансовой организации» [7]. Определение рисков информационных технологий дано в «Международный стандарт аудита 315. «Выявление и оценка рисков существенного искажения»», где установлено, что «риски, связанные с использованием информационных технологий – риски нарушения целостности информации (то есть полноты, точности и достоверности операций и иной информации) в информационной системе организации вследствие неэффективности структуры или функционирования средств контроля в ИТ-процессах организации» [6]. В целом, рассмотрению рисков в научных работах уделяется большое внимание, однако рассматривают их с разных позиций и определяют в зависимости от объекта по отношению к которому они возникают.

В настоящее время риски, связанные с формированием информации при использовании электронных технологий, не выделены в отдельную категорию для идентификации. Такие риски чаще всего относят к операционным или репутационным рискам. В связи с этим, необходимо выделить особенности этих видов рисков, определить понятие «информационный риск» и выделить его в отдельную группу рисков. Информационные риски имеют многогранные проявления и специфику возникновения. Они связаны, прежде всего, с несанкционированным доступом к информации внешних пользователей и хакерскими атаками, приводящими к потере информации, в том числе раскрытию конфиденциальной информации.

В связи с широким развитием цифровизации и применением электронных технологий в формировании, передаче и хранении информации, появляется потребность во введении определения термина *информационный риск*. Характерная особенность этого риска возможность потери или искажения информации в результате несанкционированного доступа к ней не санкционированных и внешних пользователей или хакерских атак, а также ряда факторов технологического и техногенного характера. Информационные риски (ИТ-риски) связаны с применением электронных носителей и иных средств связи при создании, передаче, хранении и использовании информации. Безусловно, необходимы глубокие и всесторонние исследования в этой области, кроме того, следует учитывать непрерывное развитие и совершенствование элек-

тронных средств, методов их применения, расширение сферы цифровизации, а также их уязвимостей, связанных как с новизной, так и с опасностью недобросовестных воздействий, в том числе хакерских атак. Однако уже сейчас можно установить, что *сущность информационных рисков, определяется опасностью возникновения убытков или ущерба в результате обработки, хранения и передачи информации с помощью автоматизированных информационных систем, а также сбоев в работе этих систем*. Теоретические разработки по систематизации и определению информационных рисков важны при разработке бизнес-процессов, включающих методы цифровизации, а также для выработки методических подходов мониторинга, выявления, анализа, контроля и оптимизации рисков, имеющие преимущественно технологической характер. При этом следует учитывать, что *при использовании электронных технологий* увеличиваются и модифицируют не только традиционные риски (в том числе операционные, репутационные, комплаенс и др.), но и резко возрастает общий совокупный риск деятельности.

Системы учета и контроля в организациях должны быть адаптированы к применению информационных технологий. Изменения в технологиях формирования информации определяют потребность существенных изменений в методах, обеспечивающих безопасность информации и системе контроля, где преимущественно должен быть превентивный контроль и методы раннего выявления возможных недобросовестных и рискованных действий. Некоторые проблемы связаны с тем, что существующие методы учета, контроля и обеспечения сохранности учетных данных не успевают за техническим прогрессом, внедренным в операционную деятельность организаций. Основная сложность заключается в том, что внедрение информационных технологий происходит гораздо быстрее, чем развитие и совершенствование методологий и методик. Особенно это актуально для деятельности банковской системы.

Особенности контроля рисков информационных технологий

При применении технологий электронного банковского обслуживания процессы контроля следует перестраивать и формировать на основе комплекса мер превентивного, оперативного-выявляющего контроля и контроля исполнения выявленных нарушений и существенных отклонений, а также возможных рисков. При этом контрольный процесс должен быть непрерывным.

Особенность методов контроля при внедрении электронных систем формирования информации в том, что они должны ориентироваться на контроль и выявление информационных рисков, и иметь преимущественно превентивный характер, ориентироваться на аналитические процедуры и выявляемые индикаторы, свидетельствующие о возможных информационных рисках.

Следует проводить контроль безопасности путем тестирования средств и сервисов, обеспечивающих защиту от угроз; внедрять методы контроля доступа клиентов к информационным ресурсам, контролировать соблюдение политики доступа административной политике, установленной в банке и контролировать любой доступ в электронные банковские системы и базы данных, контролировать системы обеспечения целостности данных. Важными участками контроля является контроль средств, обеспечивающих проверку легитимности клиентов и формирования информации при проведении операций при использовании электронных технологий (идентификация и аутентификация).

Для поддержания оптимального уровня безопасности следует организовать проверки и предусмотреть процедуры контроля функционирования защиты, предотвращающей случаи и стремления вторжений в коммуникационные сети. Для этого надо назначить конкретных лиц, отвечающих за контроль актуального состояния средств безопасности и обеспечение изменений мер безопасности, если происходят изменения в электронных технологиях, внедряются новые технические электронные средства или изменяется программное обеспечение [3].

Безопасность функционирования информационно-аналитической системы и формирование учетной информации по проводимым сделкам клиентами в электронных системах должна обеспечиваться проведением и проверкой процедур аутентификации инициаторов операции – клиентов, пользующихся электронными средствами для проведения своих операций. При использовании электронных каналов для проведения операций проводится процедура аутентификации, удостоверения лица, проводящего транзакцию *online* и устанавливается легальность и законность доступа этого субъекта к банковскому счету или подтверждается его право на совершение банковской операции и её отражение в учете.

Контролю подлежат средства, обеспечивающие конфиденциальность информации.

Методические аспекты контроля рисков электронных технологий

Для обеспечения безопасности информационно-аналитических систем и системы передачи информации рекомендуется два направления контроля [4]:

«1) контроль выявления качества и надежности защиты информационных систем от несанкционированного доступа, потери и искажения информации, передаваемой в электронном виде;

2) контроль эффективности мер защиты от вероятных атак злоумышленников на оборудование, программное обеспечение и информационные ресурсы, подключенные и доступные из сети Интернет» [3].

Для безопасности информационно-аналитических систем следует обеспечить:

1) защиту от вредоносных программ и антивирусную защиту;

2) бесперебойность функционирования электронных и автоматизированных систем взаимодействия с инфраструктурой передачи информации и клиентами;

3) защиту конфиденциальной информации и предотвращение несанкционированного доступа к массивам данных и программному обеспечению.

Система внутреннего контроля при использовании электронных технологий должна включать следующие элементы.

1. Мониторинг информационных систем в постоянном режиме эксплуатации и проверку наличия антивирусного программного обеспечения.
2. Процедуры обеспечения необходимого уровня безопасности информации и контроля взаимодействий с партнерами, оказывающими электронные банковские услуги.
3. Аутентификацию пользователей, использующих электронные сервисы.
4. Проверку мер, направленных на предотвращение отказа от выполнения транзакций и ответственности за них.
5. Соответствие распределения функций между банковскими служащими в информационных системах и приложениях.
6. Ограничение доступа сотрудников и получение доступа только при наличии необходимых разрешений.
7. Обеспечение безопасности данных в ходе операций и записей в информационных системах.
8. Учет электронных транзакций.
9. Предотвращение незаконного доступа к конфиденциальным данным и их защиту.
10. Проверка обеспечения целостности данных и учета транзакций при электронном способе.
11. Наличие мер для обеспечения безопасности данных и предотвращения их повреждения.

Перечисленные направления необходимо учитывать при разработке внутренних методик контроля и разработке методов контроля, включаемых в схемы бизнес-процессов.

Заключение

Применение электронных технологий при формировании, использовании, передаче и хранении информации с помощью электронных носителей и иных средств связи имеет важные преимущества и необходимо в современных условиях для обеспечения и повышения эффективности деятельности организаций и формирования их отчетной информации. Вместе с тем электронные технологии связаны с множеством рисков, которые необходимо выявлять, классифицировать и системно контролировать для предотвращения существенных экономических потерь и имиджа. Учитывая специфику и множественность рисков электронных технологий предложены методические рекомендации по формированию методик превентивного контроля рисков электронных технологий, которые могут быть использованы в качестве основы для разработки

внутренних положений по контролю и аудиту, а также учитываться при выборе методов встроенного контроля при разработке бизнес-процессов.

Литература

1. Информационные риски: методы оценки и анализа. – URL: <http://itportal.ru/science/economy/informatsionnye-riski-metody-otsenk/> (дата обращения: 21.05.2023).
2. Зенкина И.В. Раскрытие в корпоративной отчетности информации о рисках и ее интеграция в процесс принятия инвестиционных решений // «Международный бухгалтерский учет», 2022, № 4.
3. Курныкина О.В. Учетно-аналитическое обеспечение управления и контроля в коммерческом банке в условиях цифровизации и МСФО. – Москва: KnoРус, 2021. – 222 с.
4. Курныкина О.В. Методические аспекты применения электронных технологий в информационно-аналитическом обеспечении отчетности банка // Учет Анализ Аудит. 2022. Т. 9. № 5.
5. Курныкина О.В. Аудит в условиях цифровизации: проблемы и перспективы// Аудитор. 2023. № 5.
6. «Международный стандарт аудита 315 (пересмотренный, 2019 г.) «Выявление и оценка рисков существенного искажения»» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 27.10.2021 № 163н).
7. Национальный стандарт Российской Федерации. Безопасность финансовых (банковских) операций. Управление риском реализации информационных угроз и обеспечение операционной надежности. Общие положения. ГОСТ Р 57580.3–2022 (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 22.12.2022 № 1548-ст).
8. Правило (стандарт) аудиторской деятельности «Проведение аудита с помощью компьютеров». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28965/ (дата обращения: 10.05.2023).
9. Парамонов П.В. Развитие методики аудита в условиях цифровизации с помощью аналитики аудиторских данных // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). 131–133 с. – URL: <https://moluch.ru/archive/361/80850/> (дата обращения: 10.04.2023).
10. Развитие цифровой экономики в России // Программа до 2035 года. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (дата обращения: 10.04.2023).

RISKS OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR THEIR CONTROL

Kurnykina O.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Subject. Risks associated with the use of information technologies in information and analytical support of activities and recommendations for controlling them. *Goals.* The research of the diversity and nature of risks arising from the use of electronic technologies and the development of recommendations for the formation of methods for controlling information technology risks. *Methodology.* Research methods such as analysis and synthesis, detailing and generalization, comparison, abstraction, analogy, systemic, strategic and risk-oriented approaches are applied. *Results.* The article contains a list of the most common risks of electronic technologies, the characteristic features inherent in them are revealed. The problems of theoretical and practical aspects caused by the lack of a clear and uniform definition of the concept of technological risks are noted, it is advisable to use them for the development of regulatory documents and internal control methods and business process schemes that include risk control. Recommendations on the organization of risk-based control in the context of the use of information technology are given.

Conclusion. The systematic organization of information technology risk control, carried out on the basis of the developed methodological recommendations, will allow using the advantages of information technology and reduce possible threats of information loss, confidentiality and prevent failures of electronic systems.

Keywords: digital technologies, risks of digitalization, electronic technologies, risk control of electronic technologies.

References

1. Information risks: methods of assessment and analysis. – URL: <http://itportal.ru/science/economy/informatsionnye-riski-metody-otsenk/> (access date: 21. 05.2023).
2. Zenkina I.V. Disclosure of information about risks in corporate reporting and its integration into the process of making investment decisions // “International Accounting”, 2022, No. 4.
3. Kurnykina O.V. Accounting and analytical support for management and control in a commercial bank in the context of digitalization and IFRS. – Moscow: KnoРус, 2021. – 222 p.
4. Kurnykina O.V. Methodological aspects of the use of electronic technologies in information and analytical support of bank reporting // Accounting Analysis Audit. 2022. Т. 9. No. 5.
5. Kurnykina O.V. Audit in the context of digitalization: problems and prospects // Auditor. 2023. No. 5.
6. “International Standard on Auditing 315 (revised, 2019) “Identifying and assessing the risks of material misstatement”” (put into effect on the territory of the Russian Federation by Order of the Ministry of Finance of Russia dated October 27, 2021 No. 163n).
7. National standard of the Russian Federation. Security of financial (banking) transactions. Managing the risk of information threats and ensuring operational reliability. General provisions. GOST R 57580.3–2022 (approved and put into effect by Order of Rosstandart dated December 22, 2022 No. 1548-st).
8. Rule (standard) of auditing activities “Conducting an audit using computers.” – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28965/ (access date: 05/10/2023).
9. Paramonov P.V. Development of audit methodology in the context of digitalization using analytics of audit data // Young scientist. 2021. No. 19 (361). 131–133 p. – URL: <https://moluch.ru/archive/361/80850/> (access date: 04.10.2023).
10. Development of the digital economy in Russia // Program until 2035. – URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2017/05/strategy.pdf> (access date: 04.10.2023).

Ключевые проблемы развития системы здравоохранения: макрэкономический анализ

Куровский Станислав Валерьевич,

руководитель научно-исследовательского подразделения
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 8917564@gmail.com

Соснин Дмитрий Андреевич,

специалист ФГАОУ ВО «ПНИПУ»
E-mail: traph-perm@yandex.ru

Мишин Денис Александрович,

руководитель редакционно-издательского отдела
ООО «Высшая Школа Образования»
E-mail: 9651530@gmail.com

В статье обсуждается ряд ключевых проблем, характерных для современного развития системы здравоохранения Российской Федерации на региональном уровне, а именно: проблема наличия койко-мест; проблема неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения; проблема снижения доли квалифицированного медицинского персонала; проблема нагрузки на медицинский персонал. На основании данных, представленных в Федеральной службе государственной статистики Российской Федерации, в статье проводится сравнительный макроанализ проблем в разрезе всех федеральных округов.

Для нивелирования выявленных проблем были предложены следующие пути совершенствования: развертывание сети офисов врачей общей практики вместо развития «устаревших» фельдшерско-акушерских пунктов; направление средств федерального бюджета на выравнивание финансового обеспечения региональных систем здравоохранения; формирование долгосрочной политики управления персоналом в сфере здравоохранения с учётом региональной кластеризации; ликвидация избыточной нагрузки, связанной с непрямыми обязанностями.

Ключевые слова: здравоохранение, регионы, макроэкономика, субъекты, проблемы развития.

Введение

В обновлённом тексте государственной программы «Развитие здравоохранения», рассчитанной на период 2018–2030 гг., приводится информация о многих проблемах, характерных для развития отечественной системы здравоохранения [1]. Одновременно с этим сегодня в научной литературе «недостаточно данных, позволяющих анализировать состояние и динамику ситуации в сфере здравоохранения регионов России» [2]. Поэтому актуальным становится проведение макроанализа ключевых проблем развития системы здравоохранения.

Целью статьи является макроэкономический анализ ключевых проблем развития системы здравоохранения на основе имеющихся статистических национальных данных. Для достижения этой цели мы рассматриваем основные статистические показатели развития российской системы здравоохранения для каждого федерального округа Российской Федерации, затем проводим сравнительный анализ для отражения сущности каждой проблемы и, наконец, предлагаем пути решения выявленных проблем.

Результаты исследования

На основании анализа имеющихся в Федеральной службе государственной статистики Российской Федерации статистических данных можно выделить ряд проблем, которые, на наш взгляд, являются наиболее острыми для развития системы здравоохранения на региональном уровне.

Проблема наличия койко-мест. Учитывая прирост заболеваемости как в целом в стране, так и по всем регионам, следует полагать, что снижение количества коек является негативным трендом.

Несмотря на то, что само Министерство здравоохранения Российской Федерации связывает этот процесс с развитием технологий и, соответственно, снижением необходимости помещения пациентов в стационар за счёт оказания амбулаторной помощи [5], на наш взгляд, технологичность сферы здравоохранения остаётся под вопросом, что особенно заметно в регионах страны.

Так, если сравнить количество коек в Российской Федерации с общими показателями, отражающими эффективность функционирования системы здравоохранения, т.е. показателями общей продолжительности жизни при рождении, общей заболеваемости, смертности, коэффициента демографической нагрузки, можно обнаружить значимые корреляционные связи, показывающие полез-

ность или не полезность сокращения коек в стране и регионах.

Так, в целом, для Российской Федерации был проведён корреляционный анализ по некоторым параметрам за 4 периода (2015 г., 2019 г., 2020 г., 2021 г.), результаты которого представлены ниже (табл. 1). При этом определяется, коррелирует ли на значимом уровне динамика изменения количества коек с остальными показателями. Результаты позволили вывить два интересных результата:

- во-первых, видно, что чем меньше в стране количество коек, тем больше коэффициент демографической нагрузки лиц моложе трудоспособного возраста (отрицательная значимая корреляция $(-0,8)$);
- во-вторых, чем меньше в стране количество коек, тем больше в стране количество заболевших, о чём также свидетельствует полученное значение отрицательной значимой корреляции, хотя и меньшей силы значимости $(-0,5)$.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа (для расчёта влияния количества коек)

	Койки	ОПЖ	Смертность	КДН -	КДН +	Количество заболевших
Койки	1,0					
ОПЖ	-0,07	1,0				
Смертность	0,04	-1,0*	1,0			
КДН -	-0,8*	0,25	-0,2	1,0		
КДН +	-0,09	0,65*	-0,6*	0,63*	1,0	
Количество заболевших	-0,5*	-0,66*	0,65*	-0,02	-0,79*	1,0

Источник: составлено автором по данным Росстата [8]

Примечание: * – обозначение силы взаимосвязи, * $p < 0,05$.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа (для расчёта влияния мощности)

	Мощность	ОПЖ	Смертность	КДН -	КДН +	Количество заболевших
Мощность	1,0					
ОПЖ	-0,41	1,0				
Смертность	0,44*	-1,0*	1,0			
КДН -	0,74*	0,25	-0,2	1,0		
КДН +	0,00	0,65*	-0,60*	0,63*	1,0	
Количество заболевших	0,60*	-0,66*	0,65*	-0,02	-0,79*	1,0

Источник: рассчитано автором на основе данных Росстата [8]

Примечание: * – обозначение силы взаимосвязи, * $p < 0,05$.

Полученные результаты показывают, что, несмотря на «полезность» сокращения коек, заявляемую на уровне Министерства здравоохранения, это приводит к увеличению числа заболевших, а также негативно влияет на коэффициент демографической нагрузки лиц моложе трудоспособного возраста, которые представляют будущее страны. Косвенно это подтверждается и противоречивыми результатами корреляционного анализа взаимосвязи мощности амбулаторно-поликлинических организаций и общих показателей (табл. 2). Так, результаты макроанализа показывают, что, несмотря на возрастающую мощность амбулаторно-поликлинических организаций, в стране увеличивается смертность в трудоспособном возрасте (положительная значимая корреляция $-0,44$), количество заболевших (положительная значимая корреляция $-0,6$) и коэффициент демографической нагрузки лиц моло-

же трудоспособного возраста (положительная значимая корреляция $-0,7$).

На наш взгляд, аргумент об увеличении амбулаторно оказываемой помощи как результат сокращения коек не подтверждается статистическими данными о численности лиц, которым оказана помощь амбулаторно и при выездах: так, например, их количество в расчёте на 1000 чел. населения в течение 2017–2020 гг. оставалось неизменным, составляя 311 ед. на 1000 чел. [8].

Проблема неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения. Во многом это связано с проблемой неравномерного финансового обеспечения систем здравоохранения на региональном уровне (расходов консолидированного бюджета). Действительно, как отмечается в недавнем докладе НИУ ВШЭ, сегодня, несмотря на сокращение масштабов регионально-

го неравенства в контексте финансирования системы здравоохранения, «сохраняется более чем двукратный разрыв между наиболее и наименее обеспеченными регионами» [3, С. 43].

Действительно, это можно заметить, если сравнить показатель расходов консолидированных бюджетов субъектов российской федерации на здравоохранение и, например, показатель смертно-

сти населения в трудоспособном возрасте, который является наиболее «опасным» явлением для экономического роста страны. Результаты сравнительного макроанализа показателей по федеральным округам в динамике демонстрируют, что смертность населения в трудоспособном возрасте не уменьшается в зависимости от увеличения расходов на здравоохранение (рис. 1).

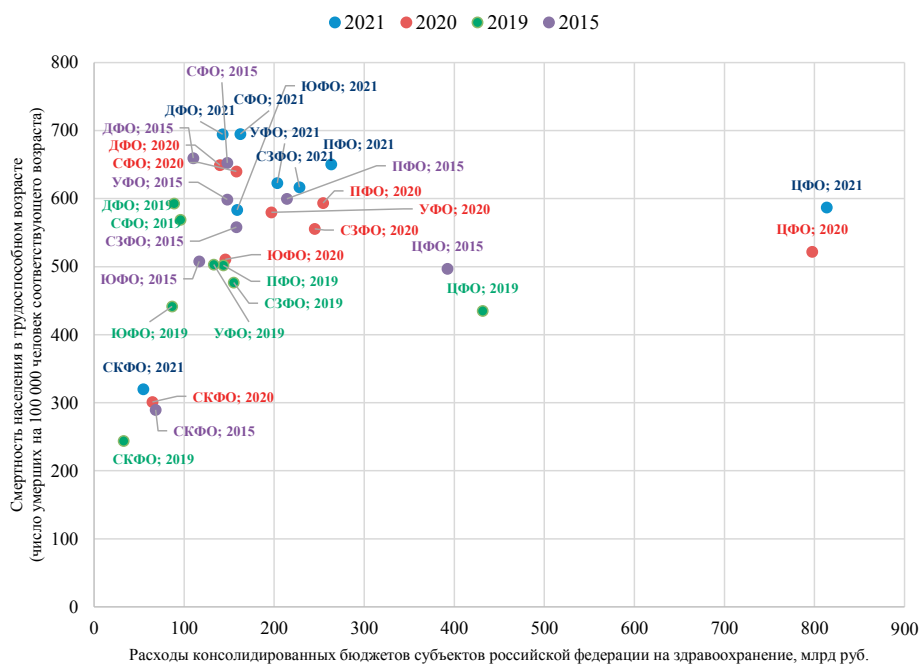

Рис. 1. Динамика соотношения государственных расходов на здравоохранение и смертности населения в трудоспособном возрасте в разрезе федеральных округов, 2015–2021 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата [8]

Так, «особняком» среди регионов стоит ЦФО, т.е. «центр», тогда как все остальные регионы, включая СЗФО, остаются периферийными: это видно по левой верхней части точечной диаграммы, в которой концентрируется большинство регионов, за исключением СКФО, в котором на низком уровне находятся оба рассматриваемых показателя; тем не менее и здесь смертность растёт при увеличении расходов.

Также можно отметить, что в целом по стране, несмотря на огромное увеличение расходов в 2020 г., обусловленное фактически только развитием пандемии COVID-19 (в 2015–2019 гг. темп снижения расходов составлял 13,9%), в 2021 г. темп прироста заболевших (12,8%) и смертности населения в трудоспособном возрасте (10,29%) был выше, чем темп прироста расходов (1,3%), что показано ниже (табл. 3).

Таблица 3. Динамика темпа прироста государственных расходов на здравоохранение и общих показателей, характеризующих здоровье населения, %

Показатель	2019	2020	2021
Расходы консолидированных бюджетов субъектов российской федерации на здравоохранение	-13,9%	71,5%	1,3%
Смертность населения в трудоспособном возрасте	-14,03%	16,64%	10,29%
Коэффициент демографической нагрузки лиц моложе трудоспособного возраста	6,07%	0,60%	-1,80%
Коэффициент демографической нагрузки лиц старше трудоспособного возраста	3,75%	1,81%	-6,65%
Ожидаемая продолжительность жизни	2,73%	-2,45%	-2,07%
Количество заболевших	0,3%	-2,6%	12,8%

Источник: составлено автором по данным Росстата [8]

Проблема снижения доли квалифицированного медицинского персонала. Основываясь на данных о численности врачей и среднего медицинского

персонала, а также на данных численности медицинских кадров, имеющих высшую и первую квалификационные категории, можно вывести долю

медицинских кадров, имеющих высшую и первую квалификационные категории, для каждого региона Российской Федерации (рис. 2).

Макроанализ показывает, что в среднем по стране за период 2010–2021 гг. доля врачей, имеющих высшую и первую квалификационные категории, снизилась на 11,5%, а доля среднего медицинского персонала, имеющего высшую и первую квалификационные категории, – на 11,6%. При этом в 2021 г. среди регионов, в которых доля врачей, имеющих высшую и первую квалификационные категории, превышает общероссийский показатель, выделяются три региона: ЦФО (32,3%), СКФО (34,2%) и УФО (34,1%). Напротив, для среднего медицинского персонала такими регионами являются все, кроме ЦФО (44%) и ПФО (48%).

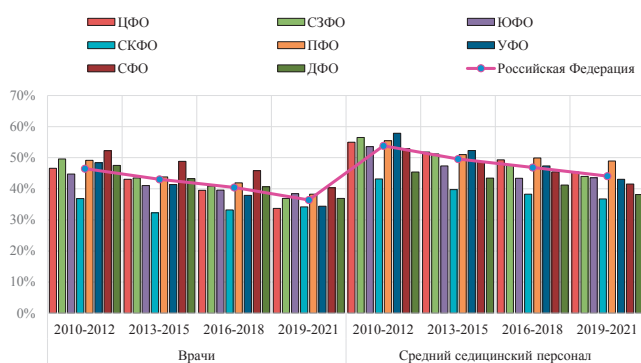

Рис. 2. Динамика подготовки кадров работников сферы здравоохранения в Российской Федерации, 2005–2021 г.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [8]

Наибольший темп снижения доли медицинских кадров, имеющих высшую и первую квалификационные категории, среди врачей в 2010–2021 гг. зафиксирован для ЦФО (темп снижения – 13,6%) и УФО (темп снижения – 13,4%), среди среднего медицинского персонала – для УФО (темп снижения – 17,5%) и СЗФО (темп снижения – 14%). Данные тенденции отражены на рис. 3.

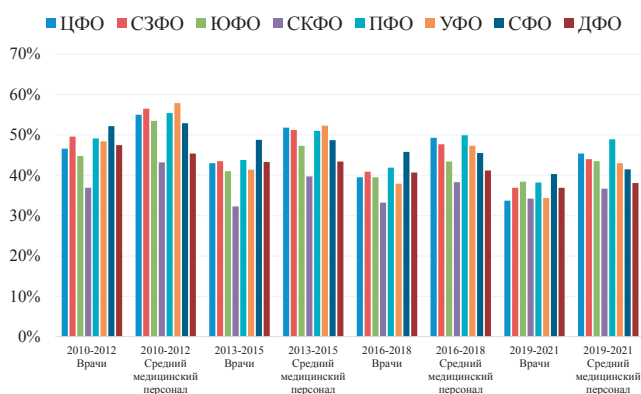

Рис. 3. Динамика доли медицинских кадров, имеющих высшую и первую квалификационные категории, в Российской Федерации в разрезе регионов, 2010–2021 гг.,%

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [8]

Таким образом, видно, что во всех регионах Российской Федерации уменьшается доля медицинских кадров, имеющих высшую и первую ква-

лификационные категории, при этом в среднем по стране она не превышает 50%. На наш взгляд, это является серьёзной проблемой развития системы здравоохранения на региональном уровне.

Примечание: для столбцов периодов используется цветовая шкала «зелёный-жёлтый-красный», где зелёный – наибольший темп прироста, красный – наименьший темп прироста; для столбцов изменений используется аналогичная шкала, где зелёный – наименьший темп снижения, красный – наибольший темп снижения.

Данная проблема приводит ещё к одной немаловажной проблеме.

Проблема нагрузки на медицинский персонал. Если в 2000–2021 гг. общая нагрузка для врачей всех специальностей снизилась (темп снижения – 8,1%), то нагрузка на работников, относящихся к среднему медицинскому персоналу, увеличилась (темп прироста – 6,8%).

Основываясь на сравнительном анализе статистических данных, целесообразно обозначить, что чрезмерная нагрузка на средний медицинский персонал приводит к увеличению заболеваний населения во всех федеральных округах страны и сказывается на ожидаемой продолжительности жизни.

Так, для врачей всех специальностей связь между увеличивающейся нагрузкой и снижающейся общей продолжительностью жизни в 2010–2021 гг. практически не проявляется (например, в 2015 г. во всех регионах увеличение нагрузки, напротив, привело к повышению общей продолжительности жизни), что видно в динамике. Лишь для двух регионов в 2021 г. увеличение нагрузки привело одновременно и к снижению общей продолжительности жизни: в СКФО (0,1% и –1,1% соответственно) и в ДФО (0,7% и –1,6% соответственно).

Однако в отношении работников здравоохранения, относящихся к среднему медицинскому персоналу, картина меняется. Здесь видно, что в 2020–2021 гг. ярко обрисовывается рассматриваемая тенденция: в 2020 г. в половине регионов (СЗФО, ПФО, СФО и ДФО) увеличение нагрузки одновременно привело и к снижению общей продолжительности жизни, а в 2021 г., за исключением СКФО, во всех регионах наблюдается данная взаимосвязь.

Далее проведём такой же анализ для другого показателя – общей заболеваемости населения. Здесь, аналогично, для врачей всех специальностей связь между увеличивающейся нагрузкой и общей заболеваемостью в 2010–2021 гг. практически не проявляется. Тем не менее, для работников здравоохранения, относящихся к среднему медицинскому персоналу, также наблюдается аналогичная ситуация, при этом и в прошлые периоды (до 2021 г.) увеличение нагрузки чаще приводит к увеличению заболеваний в регионе.

На наш взгляд, такая ситуация складывается в том числе вследствие неравномерного соотношения между нагрузкой на работников, занятых в сфере здравоохранения и заработной платой. Так, если построить соответствующую точечную диаграмму

на примере последнего (по имеющимся статистическим данным) 2021 г., станет заметно, что, с одной стороны, для работников сферы здравоохранения соотношение между нагрузкой и средней заработной платой выглядит более оптимальным: для врачей всех специальностей нагрузка значительно выше, однако вместе с тем и размер средней заработной платы также выше, чем у работников, относящихся к среднему медицинскому персоналу. С другой стороны, соотношение между нагрузкой и средней заработной платой в разрезе федераль-

ных округов сильно варьируется. Так, в таких регионах, как ДФО, УФО и СЗФО соотношение лучше, чем в среднем по стране, однако, например, в регионе СКФО нагрузка на врачей всех специальностей огромна, тогда как размер средней заработной платы находится на уровне среднего медицинского персонала. В свою очередь для работников, относящихся к среднему медицинскому персоналу, соотношение между нагрузкой и средней заработной платой выглядит более сконцентрированным (рис. 4).

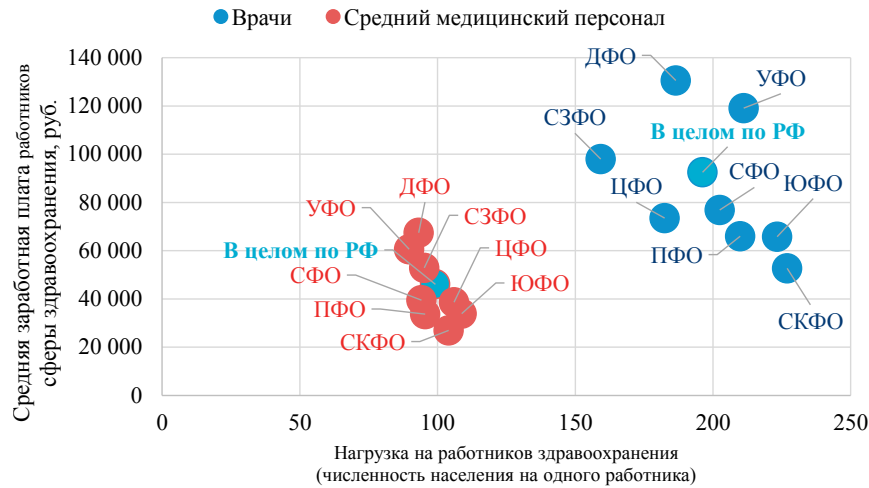

Рис. 4. Соотношение нагрузки на работников сферы здравоохранения и их средней заработной платы в Российской Федерации разрезе федеральных округов в 2021 г.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [8]

Здесь разница в заработной плате становится ещё более очевидной, в частности, между такими регионами, как, с одной стороны, ДФО и УФО и, с другой – СКФО, ПФО и ЮФО. Действительно, как показали результаты недавнего мониторинга Народного фронта, сегодня 75% врачей утверждают, что их зарплата до сих пор не достигла уровня, установленного президентом Российской Федерации ещё майскими указами 2012 года.

Таким образом, мы выделили четыре наиболее острые, на наш взгляд, проблемы развития системы здравоохранения на региональном уровне:

- проблема наличия койко-мест;
- проблема неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения;
- проблема снижения доли квалифицированного медицинского персонала;
- проблема нагрузки на медицинский персонал.

В заключение также следует отметить, что обобщающей проблемой является неравномерность функционирования системы здравоохранения. Как показывает проведённый детальный макроанализ статистических данных и выделение ключевых проблем, в современном функционировании системы здравоохранения не учитывается региональная кластеризация, что сказывается на состоянии здоровья граждан.

Пути совершенствования системы здравоохранения на региональном уровне. Детальный региональный макроанализ позволяет утверждать, что

ключевые проблемы развития системы здравоохранения на региональном уровне по-прежнему не решены. Соответственно, на наш взгляд, необходимы следующие решения для каждой проблемы.

Проблема наличия койко-мест. Относительно реструктуризации медицинской помощи в пользу ее первичного, амбулаторного звена, то тенденция к сокращению числа больничных коек действительно характерна для США и большинства западноевропейских стран. В этих странах в условиях высокого уровня финансирования и в стационарах, и в амбулаторном звене достигнута высокая оснащенность диагностической и лечебной аппаратурой, широко применяются самые современные медицинские технологии, высока квалификация медицинских работников, а также наблюдается большая и имеющая тенденцию к росту численность занятых в здравоохранении. Все это позволяет, во-первых, максимально сосредоточить в менее затратном амбулаторном звене диагностику и лечение неосложненных форм заболеваний и, во-вторых, интенсифицировать процесс лечения в стационарах, сократив за счет этого сроки пребывания пациента на больничной койке. Тем самым достигается более эффективное использование финансовых ресурсов здравоохранения при одновременном повышении качества медицинской помощи.

В России же в условиях недостаточного финансирования на региональном уровне данные характеристики систем здравоохранения полностью или

частично отсутствуют. В этих условиях требуется обеспечение всеобщей доступности квалифицированной медицинской помощи, в том числе ее территориальной доступности, требуется увеличение сети медицинских организаций как амбулаторного, так и больничного секторов на региональном уровне. Следует значительно улучшить материально-техническую базу этих организаций и обеспечить их современной медицинской техникой. Действительно, вместо реструктуризации больничных коек с их заменой на амбулаторный поход к лечению отечественному законодателю следует либо восстановить количество коек, в том числе за счёт строительства новых современных больниц, либо развить систему амбулаторной помощи до сопоставимого с мировым уровнем технологической оснащённости. Ярким примером отрицательного эффекта от снижения количества коек послужила пандемия COVID-19, приведшая к необходимости срочного перепрофилирования коек. Периферийные территории в силу своей ограниченности в уровне здравоохранения не в полной мере смогли подготовиться к резкому скачку заболеваемости. Значительная часть лечебных учреждений была переведена в инфекционные госпитали, сократились объёмы медицинской помощи по прочим заболеваниям, что привело к увеличению летальности от них.

На наш взгляд, в разрезе регионов целесообразным видится отказ от развития фельдшерско-акушерских пунктов в пользу развертывания сети офисов врачей общей практики, задачами которых, кроме осуществления функций фельдшерско-акушерских пунктов, должны стать как первичная диагностика, так и ведение хронических больных, не требующих лечения в стационарах.

Проблема неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения. В рамках современного государственного устройства наиболее очевидным решением проблемы неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения является восполнение дефицитов, связанных с заработной платой работников, занятых в сфере здравоохранения, а также обеспечение регионов необходимыми капиталами.

Так, сегодня срочно требуются кардинальные решения: как справедливо отмечают эксперты НИУ ВШЭ, «никакие «подачки» не спасут положения» [4]. Действительно, необходимо увеличить государственные расходы на здравоохранение как минимум на 500 млрд руб. дополнительно и далее каждый год прибавлять по 500 млрд руб. для того, чтобы к 2025 г. довести их до 5% ВВП. При этом это должны быть средства федерального бюджета, поскольку бюджеты регионов дефицитны, а средства, получаемые из взносов на работающее и неработающее население, жестко нормируются. Согласимся с тем, что «никакие отговорки о том, что денег нет, неприемлемы» [4].

Проблема снижения доли квалифицированного медицинского персонала. Для решения проблемы

снижения доли квалифицированного медицинского персонала, на наш взгляд, требуется в первую очередь совершенствование политики управления персоналом, которая в комплексном виде, с учётом региональной кластеризации, должна определяться органами управления здравоохранения и должны включать ряд последовательных мероприятий. Это позволило бы улучшить систему управления персоналом в сфере здравоохранения, что в свою очередь позитивно сказалось бы на удержании квалифицированного медицинского персонала. Безусловно, кадровое обеспечение учреждений здравоохранения, призванное осуществить всеобщий охват услугами здравоохранения, является непростой задачей. Вместе с тем, на наш взгляд, очевидно, что сохранение статуса-кво в развитии кадровых ресурсов здравоохранения на сегодняшний день не приведет к ожидаемым результатам. Для решения кадровых проблем в здравоохранении необходимо отказаться от разрозненных подходов и краткосрочных решений; только долгосрочные действия, подкрепленные политической приверженностью и адекватными инвестициями, приведут к позитивным изменениям, которые необходимы для достижения устойчивых результатов в развитии кадров здравоохранения, в том числе для нивелирования проблемы снижения доли квалифицированного медицинского персонала.

Проблема нагрузки на медицинский персонал. Среди политиков и поставщиков медицинских услуг широко распространено мнение о том, что нехватка персонала приводит к чрезмерной рабочей нагрузке, что отрицательно сказывается на качестве медицинской помощи. Наиболее очевидным решением данной проблемы для российских регионов, на наш взгляд, является ликвидация для работников, занятых в сфере здравоохранения, особенно для работников, относящихся к среднему медицинскому персоналу, избыточной нагрузки, связанной в том числе с возложенными на врачей обязанностями, которые напрямую не связаны с лечебным процессом (формирование документооборота, отчетности, рутинные процедуры, которые не требуют высокой квалификации персонала и др.).

Ключевым способом быстрого и эффективного решения проблем в текущей ситуации может служить как раз перераспределение обязанностей и функций, тем более что мировая практика подтверждает эффективность подобных изменений. Кроме того, здесь необходимы решения по нивелированию возможных негативных реакций – информационная подготовка, как в публичном пространстве, так и локально, переходный период для лучшей адаптации к новым функциям, разработка мотивации за выполнение новых обязанностей, максимальная цифровизация и уход от бумажного документооборота, разработка и внедрение стандартных операционных программ на все бизнес-процессы, повышение престижа профессии, увеличение количества бюджетных мест в медицинских колледжах и др.

Также важно отметить, что модель отношений «врач – медицинская сестра», которая традиционно сложилась в отечественном здравоохранении, явно требует пересмотра. Здесь необходимо совершенствовать систему среднего профессионального образования, актуализировать процесс обучения будущих специалистов, исходя из практических потребностей и технических возможностей современной медицины, использовать новые образовательные технологии: информационно-образовательные модули, мастер-классы, дистанционное обучение. Необходим адекватный подход администрации и врачей к функциональным обязанностям, нагрузке и роли среднего медицинского персонала. Согласимся с тем, что коллегиальные и коммуникативные отношения лучше, чем авторитарные, будут способствовать оптимальной работе коллектива.

В целом, следует отметить, что предлагаемые решения носят концептуально перспективный характер. На практике необходимо комплексное видение кластерных проблемных зон сферы здравоохранения в разрезе регионов, поскольку без такого видения выявленные проблемы продолжают укореняться в системе здравоохранения, тогда как современное тяжелое время, обусловленные множеством вызовов, действительно, не ждёт.

В последнее время в разрезе регионов Российской Федерации значительно ухудшились показатели общей продолжительности жизни, смертности и первичной заболеваемости, однако вместе с тем одновременно несколько улучшились и некоторые показатели обеспеченности медицинских организаций. В целом, нельзя сказать, что в России есть линейно «хорошие» и линейно «плохие» регионы в разрезе показателей системы здравоохранения, поскольку каждый регион имеет собственную картину из благоприятных и неблагоприятных факторов, подробное изучение которых должно стать основной для будущих исследований, посвящённых анализу состояния сферы здравоохранения в разрезе регионов.

Заключение

На основании проведённого макроанализа были выделены следующие ключевые проблемы развития здравоохранения:

- проблема наличия койко-мест. Суть данной проблемы заключается в том, что сокращение койко-мест не приводит к должному эффекту в работе амбулаторного здравоохранения, что негативно сказывается на охране здоровья граждан.
- проблема неравномерного финансового обеспечения региональных систем здравоохранения. Суть данной проблемы заключается в неравном соотношении государственных расходов на здравоохранение и показателей, отражающих состояние здоровья населения в разрезе федеральных округов.
- проблема снижения доли квалифицированного медицинского персонала. Суть данной проблемы заключается в том, что вследствие нестабильной, не комплексной кадровой политики в сфере здравоохранения, здравоохранение теряет квалифицированный медицинский персонал, доля которого в динамике уменьшается.
- проблема нагрузки на медицинский персонал. Суть данной проблемы сводится к тому, что работники здравоохранения, относящиеся к среднему медицинскому персоналу, вследствие чрезмерной нагрузки и недостаточно приемлемого уровня среднемесячной заработной платы работают хуже, чем могли бы.

Обобщающей проблемой является неравномерность функционирования системы здравоохранения. Как показывает проведённый макроанализ статистических данных и выделение ключевых проблем, в современном функционировании системы здравоохранения не учитывается региональная кластеризация, что сказывается на состоянии здоровья граждан.

Наконец, в заключительной части работы были предложены пути совершенствования выявленных проблем: развертывание сети офисов врачей общей практики вместо развития «устаревших» фельдшерско-акушерских пунктов; увеличение финансирования из общегосударственного бюджета для выравнивания финансового обеспечения региональных систем здравоохранения; формирование долгосрочной политики управления персоналом в сфере здравоохранения с учётом региональной кластеризации; ликвидация избыточной нагрузки, связанной с непрямыми обязанностями.

Литература

- 1 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства РФ N 1640 от 26.12.2017 (ред. от 30.05.2023) / СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834/
- 2 Куконков П. И., Устинкин С.В. Неравенства и диспропорции региональной системы здравоохранения. На примере приволжского федерального округа // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. – 2023. – № . 1 (396). – С. 70–80.
- 3 Неравенство в сфере здравоохранения [Текст]: аналитический доклад / А.В. Быков, М.Д. Красильникова, О.Ф. Понкратова, Н.В. Ракута, С.В. Шишкин; под ред. С.В. Шишкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 78 с.
- 4 Улумбекова Г.Э. Анализ расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации по разделу «Здравоохранение» на 2022 г. и на плановый период 2023–2024 гг. // ОР-ГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2021. – № . 4 (26). – С. 7–15.

- 5 В Минздраве объяснили сокращение числа больничных коек. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/572342>
- 6 Разговор с экспертом: «Здравоохранение – самая ресурсоемкая отрасль из всех отраслей социальной сферы». – URL: <https://mednet.ru/novosti/razgovor-s-ekspertom-zdravooxranenie-%E2%80%93-samaya-resursoemkaya-otrasl-iz-vsex-otraslej-soczialnoj-sferyi>
- 7 Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

KEY PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM: MACROECONOMIC ANALYSIS.

Kurovsky S.V., Sosnin D.A., Mishin D.A.
Higher School of Education; PNIPU

The article discusses a number of key problems characteristic of the modern development of the healthcare system of the Russian Federation at the regional level, namely: the problem of availability of beds; the problem of uneven financial provision of regional healthcare systems; the problem of reducing of the share of qualified medical personnel; the problem of the burden on medical personnel. Based on the data provided by the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, the article conducts a comparative macroeconomic analysis of problems in the context of all federal districts.

To solve the identified problems, the following ways of improvement were proposed: the deployment of a network of general practitioners' offices instead of the development of outdated medical and obstetrical stations; directing federal budget funds to equalize the

financial support of regional healthcare systems; the formation of a long-term human resources management policy in the field of healthcare, taking into account regional clustering; elimination of excessive workload associated with indirect duties.

Keywords: healthcare, regions, macroeconomics, federal subjects, development problems.

References

- 1 On the approval of the state program of the Russian Federation «Development of healthcare»: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1640 dated 26.12.2017 (ed. from 30.05.2023) / SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834/
- 2 Inequality in health care [Text]: analytical report / A.V. Bykov, M.D. Krasilnikova, O.F. Ponkratova, N.V. Rakuta, S.V. Shishkin; edited by S.V. Shishkin; Nats. research. uni-t "Higher School of Economics". – M.: HSE, 2021. – 78 p.
- 3 Kukonkov P. I., Ustinkin S.V. Inequalities and disproportions of the regional healthcare system. On the example of the Volga Federal District // Scientific and analytical journal Observer-Observer. – 2023. – № . 1 (396). – Pp. 70–80.
- 4 The Ministry of Health explained the reduction in the number of hospital beds. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/572342>
- 5 Ulumbekova G.E. Analysis of budget expenditures of the budgetary system of the Russian Federation under the section «Healthcare» for 2022 and for the planning period 2023–2024. // ORGZDRAV: News. Opinions. Training. Bulletin of the VSHOUZ. – 2021. – № . 4 (26). – P. 7–15.
- 6 Conversation with an expert: «Healthcare is the most resource-intensive industry of all branches of the social sphere». – URL: <https://mednet.ru/novosti/razgovor-s-ekspertom-zdravooxranenie-%E2%80%93-samaya-resursoemkaya-otrasl-iz-vsex-otraslej-soczialnoj-sferyi>
- 7 Regions of Russia. Socio-economic indicators. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

Мальсагова Радима Гапуровна

кандидат экономических наук, Институт цифровых финансов,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: RGMalsagova@fa.ru

Предмет. В статье рассмотрен опыт Китая в области формирования и реализации концепции метавселенной в современных условиях.

Цели. Целью исследования является выявление перспектив развития китайских метавселенных на основе анализа их деятельности.

Методология. Для проведения исследования применен метод контент-анализа современных зарубежных источников по теме развития метавселенных в мире и, в частности, в Китае. Также использованы методы описания, систематизации, синтеза, аналогии, логики и обобщения при изложении полученного материала.

Результаты. В статье рассмотрена характеристика метавселенных Китая, их история разработки и особенности функционирования в китайской экономике. Более подробно в статье рассмотрены: метавселенная Шанхая, метавселенная Гонконга, метавселенная Xi Rang от компании Baidu. По результатам проведенного анализа развития метавселенных Китая были определены перспективы их развития на среднесрочный прогнозный период.

Выводы. Проведенное в статье исследование позволило определить перспективы развития метавселенных в Китае в среднесрочной перспективе. Автор приходит к выводу, что в целом власти Китая готовы не только поддерживать метавселенные, но и инвестируют в них бюджетные средства. В этом смысле намерения правительства выглядят разумно, однако решения принимаются порой взаимоисключающие. Так, китайские власти усиленно работают над законодательными и технологическими ограничениями в отношении функциональности метавселенных, пытаясь сделать полностью подконтрольным или централизованным то, что во всем мире было задумано как децентрализованное. Также ведется активная работа по созданию национальных кадров, специалистов во всех ключевых областях и квалифицированных пользователей. Причем, основную ставку власти Китая делают именно на квалифицированных пользователей, так как рост внутреннего рынка потребления является основой текущего развития китайских метавселенных.

Ключевые слова: метавселенная, метавселенная Китая, Китай, метавселенная Шанхая, метавселенная Гонконга, метавселенная Xi Rang.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета.

Введение

В апреле 2020 года президент Китая выступил с речью «Некоторые основные вопросы среднесрочной и долгосрочной национальной стратегии экономического и социального развития» [1]. В ней он ясно поставил основную задачу Китая на ближайшие два года: максимально возможно сократить импорт для снижения зависимости от иностранных компаний и максимально возможно усилить зависимость других стран от китайской продукции, чтобы предотвратить их вероятные намерения вести какие-либо «торговые войны» с Китаем. Это исходное ключевое условие создания цифровой экономики Китая, причем на последнюю он возлагает большие надежды именно для реализации этого условия. То есть амбициозная внешнеторговая стратегия страны является одновременно и предпосылкой, и целью цифровой трансформации экономики государства. Таким образом, Китай рассматривает технологии метавселенной как возможное поле для глобальной конкуренции. То, как это «выглядит» на практике – и является предметом настоящего исследования.

Китай: регулируемая метавселенная

Волна метавселенной достигла Китая еще в 2010 году, когда начали регистрироваться первые компании, декларирующие разработку метавселенной как один из видов своей деятельности. Их количество из года в год неизменно росло, а в 2021 году, по данным китайского агентства Qichacha, было зарегистрировано уже около 8000 компаний, каждая из которых имела в своем наименовании слово – Metaverse или Yuanyuzhou («метавселенная» на китайском языке) [21]. По оценке Morgan Stanley на сегодняшний день размер рынка метавселенной Китая составляет \$8 триллионов. А по прогнозам International Data Corporation (IDC) к 2025 году иметь свой аккаунт на платформах метавселенной будет уже более 37 миллионов китайцев [2]. В сравнении с общей численностью населения страны цифра небольшая, но было бы некорректно делать выводы экономического характера на основе только количества людей, поскольку важно не число занятых (включая и пользователей и производителей) в этом рынке, а размер ценностей, выражающихся в денежном эквиваленте, то есть финансов, оборачиваемых на рынке, и прибавочная стоимость ценностей, созданных этим рынком. Например, население континентального Китая превышает население Тайваня в 65 раз, а вот ВВП последнего всего лишь в 18 раз меньше китайского. Поэтому несмотря на скромные текущие статистические данные правительство Китая при рассмотрении 14-го пятилетнего плана

в 2021 году особо выделило технологии блокчейн, виртуальной и дополненной реальности, облачных вычислений и др. как ключевые для построения китайской цифровой экономики. Более того, в составе Ассоциации мобильной связи и телекоммуникаций Китая (China Mobile and Communications Association (CMCA) [2] был создан соответствующий комитет по метавселенным – Metaverse Industry Committee [3]. Собственно ассоциация состоит из наиболее крупных телекоммуникационных компаний Китая, включая государственные корпорации, разрабатывающие сеть 5G. В понимании китайского руководства и специалистов телекоммуникационных компаний метавселенная – это совмещение всех самых современных цифровых технологий в едином пространстве и на всех доступных устройствах для некоего совместного пользования. Концепция удаленного совместного пользования практикуется уже давно, в очень упрощенном варианте – в тот же Гугл-диске, когда к одному документу могут иметь доступ одновременно несколько пользователей и не только для его просмотра, но и для одновременного редактирования в режиме реального времени и наблюдения за изменениями не только в своей части, но и всего документа в целом. Технологии метавселенной позволяют это делать не только с клавиатуры, но и голосом, и даже контактируя через свой аватар с аватарами других участников процесса, то есть так, как если бы все находились в одном помещении и имели равный доступ к некоей «школьной доске».

Однако, хотя у китайских компаний в целом понимание целей и принципов метавселенной соответствует общемировым, у правительства Китая есть свои особенности в представлении о том, какой должна быть метавселенная. Поэтому на территории КНР оно планирует создавать платформы только собственного производства, не исключая, конечно же, как использование зарубежных технических средств, так и копирование зарубежных технологий. В любом случае, они будут стандартизированы по нормам, установленным китайским правительством, и даже иметь свое собственное имя – Chinaverse, как бы намекая. Например, китайский блокчейн будет централизованным, как бы противоречиво это не звучало, и регулироваться, и принадлежать он будет правительству. В настоящее время руководство Китая рассматривает метавселенную как еще одну область для конкуренции, однако еще в сентябре 2021 года власти КНР категорически не рекомендовали своим гражданам инвестировать в компании, разрабатывающие технологии виртуальной «Метавселенной», которая в их тогдашнем представлении выглядела как принципиально новая версия Интернета, широко использующая виртуальную и дополненную реальность, и, по сути, инвестиции в эти компании выглядят в представлении китайского правительства как инвестиции в виртуальную игру, а инвестиции, по его же мнению, не игра, и неправильное их использование может обернуться разорением. Примерно так выразилась официальная китай-

ская газета Securities Times об акциях компаний, связанных с метавселенной (которую она назвала «иллюзорной концепцией»), что предсказуемо привело к резкому падению их акций на фондовых биржах [4]. Данный эпизод очень наглядно иллюстрирует китайскую политику последних лет в отношении инновационных технологий, которые она представляет весьма туманно и даже стремится препятствовать их развитию. Однако сегодня мнение китайского правительства о метавселенных изменилось в положительную сторону, и скорее всего благодаря тому, что они осознали их возможности и, что еще важнее, возможности их контроля. Это породило очень специфические, присущие только данной стране, подходы к метавселенным. Если Объединенные Арабские Эмираты кооперацию называют одним из основополагающих принципов стратегии развития метавселенных, то Китай очень сдержан в отношении этой самой кооперации. Тем не менее, в связи с созданием упомянутого выше комитета по метавселенным один из бывших высокопоставленных представителей Министерства науки и техники Китая (Ministry of Science and Technology) заявил, что «метавселенные» – это не просто модное веяние, а важный общемировой тренд, который Китай должен подхватить и выступить в качестве государства с собственной развитой компетенцией в этой области. Но основной стимул в развитии этого тренда, как представляется, китайское руководство увидело в возможности получения доходов от метавселенных, которые можно направить в реальный мир. Как заявил китайский лидер Си Дзин Пин: «Цифровая экономика – важна, но основа всего – реальная экономика» [5].

Метавселенная Шанхая

Некоторые города Китая решили заняться разработкой собственных метавселенных. Эти платформы будут построены на стандартах Chinaverse. Вместе с тем отдельные крупные города Китая, как, например, Шанхай и Гонконг, объявили о создании собственных программ развития этой сферы, создавая таким образом конкурентную среду внутри самого Китая.

Несмотря на то, что правительство Китая еще пока не определилось ясно и окончательно с правилами регулирования будущей метавселенной, отдельные города Китая уже запустили свои проекты метавселенной и не без участия иностранных компаний. Так, 8 июля 2022 года на сайте администрации Шанхая появилась стратегия развития цифровых технологий города до 2025 года [6]. Согласно этому плану правительство города до 2025 года выделит \$52 млрд на поддержку платформ Web 3.0 и развитие собственной метавселенной. Уже в августе этого же года в городе была создана ассоциация «Объединенный исследовательский институт метавселенной и виртуально-реального взаимодействия». Директором ассоциации назначен профессор Чжао Синь (Zhao Xing), который является профессором государственного исследователь-

ского института больших данных при Фуданьском университете и руководителем Национальной экспериментальной базы интеллектуальной оценки и управления. Кроме ведущих специалистов различных университетов из разных городов Китая, участниками ассоциации являются и все крупные технологические компании Китая, среди которых Huawei, Migu (дочерняя компания China Mobile) и Tencent. Последней принадлежит 40% акций американской Epic Games (что не очень соответствует политике китайского руководства в отношении безопасности и независимости будущей метавселенной). В рамках вышеуказанного проекта руководство Шанхая планирует создать 10 крупных компаний, специализирующихся исключительно на метавселенной, и еще 100 компаний, которые займутся разработкой технологий для ее платформ. На текущий момент компания Tencent уже предлагает продукты, относящиеся к метавселенной в разных сферах деятельности: розничной торговле, логистике, медицине и образовании [7].

Метавселенная Гонконга

У руководства Гонконга основной интерес к метавселенным возник в связи с возможностями интеграции в них сферы образования и уже в июле 2022 года Гонконгский университет науки и техно-

логий совместно с университетом в Гуанчжоу запустил виртуальный студенческий кампус [8]. На рисунке 1 можно увидеть, как выглядит классическое лекционное занятие в данной метавселенной. Для взаимодействия пользователей в метавселенной университет установит датчики, камеры и видеоприемники. С их помощью студенты смогут посещать лекции и другие образовательные мероприятия, которые будут транслироваться в виртуальном пространстве. Кроме этого, в метавселенной планируется проведение торжественных и других общественных мероприятий, студенческих вечеринок и выпускных. Процесс оснащения соответствующими техническими средствами предполагается завершить в течение ближайших двух лет, но проект в целом является более долгосрочным. В результате внедрения метавселенной студентом уже не понадобится ни собственное физическое присутствие, ни передача документов и своих работ на физических носителях. Вместо них будут использоваться соответственно аватары, NFT и обычные токены. Студенты разных факультетов и групп смогут посещать одновременно любые лекции, читаемые не только в своем университете, но и в других, поскольку планируется создать сеть взаимодействия MetaHKUST (метавселенная Гонконгского университета науки и технологий) с метавселенными других учебных заведений [8].

Рис. 1. Выступление профессора Гонконгского университета в лекционном зале виртуального кампуса.

Источник: HKUST to Launch World's First Twin Campuses in Metaverse [8].

В настоящее время, по словам профессора университета и директора Центра метавселенной и компьютерного творчества господина Пан Уя, основное внимание разработчиков сосредоточено на дополненной реальности как части расширенной реальности, в частности, на создании возможности использования одного виртуального объекта несколькими пользователями. Причем речь здесь идет не только о внедрении существующих технологий, но и об их совершенствовании и разработке

новых, в том числе и силами студентов университета как части процесса обучения и приобретения практического опыта.

По данным международной консалтинговой компании Deloitte ожидаемый годовой доход от метавселенных Гонконга к 2035 году составит от 7 до 14 млрд долларов США в год (рис. 2), то есть 1,3–2,4% от ВВП. При этом, валовая добавленная стоимость (ВДС) от финансовых услуг метавселенной составит наибольшую часть, то есть 21,2%, что

превысит даже услуги оптовой и розничной торговли, которые составят 19,5% [9]. Указанные данные следует рассматривать с учетом того, что ВДС секторов услуг Гонконга составляет 93,4%. Основные из этих услуг: финансовые, страховые, торговые, логистические и образовательные, поэтому именно в этих секторах ожидается наибольший экономический рост в связи с внедрением технологий метавселенной.

HONG KONG IN NUMBERS

Potential 2035 economic impact of the metaverse:

US\$7-14B per year, 1.3-2.4% of GDP

Рис. 2. Планируемый рост дохода Гонконга в связи с внедрением технологий метавселенной к 2035 году.

Источник: XiRang: le metaverse selon le Chinois Baidu se montre... et c'est pas joli, pour l'instant. Alexandre Boero [9].

Более того, Гонконг уже обладает развитой инфраструктурой для полноценного внедрения этих технологий и вполне оправдано претендует на глобальный хаб в этих секторах. И что самое важное, по заявлению самих официальных лиц Гонконга, уровень жизни населения и ВВП на душу населения города – одни из самых высоких в мире, поэтому его техническое оснащение и квалификация не станет сдерживающим фактором роста, как это может иметь место в других странах и городах [9]. Этот фактор, по мнению тех же официальных лиц, является и одним из тех, что составляют фундамент будущей метавселенной.

Факторы, составляющие фундамент метавселенной Гонконга, по мнению Альфреда Сита, бывшего секретаря Гонконга по инновациям и технологиям, являются:

- сеть 5G и подписчики широкополосного мобильного контента метавселенной;
- электронная платежная система, с широким выбором цифровых кошельков, которая позволит к 2025 году превысить долю транзакций с помощью банковских карт через терминалы, поскольку ожидается, что к указанному году доля транзакций онлайн составит не менее 40% от общего числа всех платежей;
- разрабатываемый с декабря 2017 года правительственный проект умного города – Smart City Blueprint 2.0, который в настоящее время уже частично действует: по меньшей мере, уже функционирует регулирование движения транспорта на базе искусственного интеллекта, отслеживание движения фармацевтических продуктов на платформе блокчейн и контроль

вредителей на агропредприятиях на базе «интернета вещей» [10].

Вышеуказанные факторы являются не только важными или ключевыми, но принципиально определяющими возможности Гонконга по разработке и развитию метавселенных. В 2021 году Особый Административный Регион Гонконг занимал второе место в мировом рейтинге цифровой конкурентоспособности, однако в 2022 году его подвинули другие страны на 9 место [17]. При этом, Тайвань занимает 11 место, а КНР – 17.

Еще одна деталь, заслуживающая внимание, заключается в отношении властей Гонконга к общей стратегии развития Китая. В бюджете Гонконга на 2023–24 гг. имеет место целый раздел статей вложения бюджетных средств, который так и называется: «Согласование с общенациональной стратегией развития» [11]. Сумма вложений по этому разделу составляет 9,770 млрд долларов США. Это в 13 раз больше, чем на развитие собственной цифровой экономики, включая Web 3 (как они называют виртуальные активы), – 750 млн. долларов США. Самая большая сумма в 6 млрд. долларов выделена на университеты и научно-исследовательские институты. 3 млрд. – на искусственный интеллект и квантовые компьютеры.

В целом, опыт Гонконга может быть интересен тем, что сам город представляет собой подобие свободной экономической зоны внутри одного государства – КНР – и может служить примером использования его возможностей в связи с таким административно-экономическим статусом.

Метавселенная Xi Rang от Baidu

Все вышеупомянутые метавселенные в Китае находятся пока в стадии разработки, хотя некоторые инновационные технологии уже внедрены и используются. Однако есть и более стремительные передовики, такие как крупнейшая поисковая система Китая Baidu, которая уже через месяц после объявления Марком Цукербергом о создании Meta, приступила к созданию своей метавселенной, и уже через год, 27 декабря 2021 года, объявила о запуске «земли надежд», то есть по-китайски Xi Rang – именно так Baidu назвала свою метавселенную. В то же время, в интернете пока можно найти только репортаж с конференции, которую с 27 по 29 декабря 2021 года провела Baidu в Пекине. Попасть на нее могли только китайские граждане по специальному приглашению. Подключиться к ней можно было с различных устройств: с компьютера, телефона или VR-гарнитуры от китайского производителя Pico, демонстрирующей ее функциональность [12]. Во время конференции посетители могли прослушать выступление генерального директора Baidu (рис. 3) и поучаствовать в дискуссиях. Также были доступны выставочные стенды и концерты с участием героев мультфильмов.

В целом, «земля надежд», она же Xi Rang, представляет собой виртуальный город, в котором доступны игры, развлечения, образовательные услу-

ги, реклама, конференции и выставки, а в виртуальных зданиях можно провести деловые встречи. В виртуальном городе много достопримечательностей. Например, храм Шаолинь, на территории которого можно практиковаться в искусстве кунг-фу, в том числе и взаимодействовать с сенсеем. Особенностью метавселенной Baidu является максимальная имитация физики реального мира. Например, в ней нельзя перемещаться пешком быст-

рее, чем в реальной жизни, хотя аватары пользователей могут перемещаться по метавселенной не только пешком, но и с помощью общественного или личного транспорта (рис. 4). Это необычное решение для современных платформ, потому что в западных проектах обычно есть функция быстрого перемещения на нужный пользователю участок карты, как, например, в Decentraland [13] или Voxels [14].

Рис. 3. Выступление генерального директора Baidu на первой виртуальной конференции в Xi Rang.

Источник: XiRang: le metaverse selon le Chinois Baidu se montre... et c'est pas joli, pour l'instant. Alexandre Boero [9].

Рис. 4. Транспорт в Xi rang для реалистичного перемещения по карте.

Источник: XiRang: le metaverse selon le Chinois Baidu se montre... et c'est pas joli, pour l'instant. Alexandre Boero [9].

Метавселенная Xi Rang на конференции продемонстрировала не только свои достижения,

но и довольно много технических сбоев. Например, аватары иногда проходили сквозь стены или

предметы, а некоторые области виртуального мира не загружались или загружались с большой задержкой. В настоящее время Xi Rang вмещает только 100 тыс. пользователей одновременно. Вице-президент Baidu заявил, что на доработку метавселенной и разработку искусственного интеллекта уйдет еще не менее шести лет, хотя метавселенная имеет открытый исходный код и это очевидно ускорит ее дальнейшее развитие.

Сейчас Baidu нацелена на создание исключительно некоммерческой платформы. Xi Rang не будет поддерживать криптовалюты, различные предметы торга или спекуляции на виртуальных предметах. На блокчейне функционируют только отдельные программные компоненты. Компания вынуждена ограничиваться во всем вышеупомянутом, чтобы соблюсти все требования китайских регуляторов

Какое будущее ждет метавселенные Китая

Несмотря на вышеуказанные недостатки во взглядах на будущее метавселенной у руководства Китая, тема развития ее технологий в Китае весьма популярна и только набирает обороты. Достаточно посмотреть на объем публикаций крупных официальных СМИ Китая на эту тему, каким, например, является Jing Daily [11], чтобы убедиться в этом [12].

В целом, власти Китая готовы не только поддерживать метавселенные, но и инвестировать в них бюджетные средства, однако при этом они усиленно работают над разумными законодательными ограничениями в отношении их функциональности, по меньшей мере в рамках их понимания необходимости таких ограничений. Насколько это препятствует развитию технологий метавселенной или, напротив, ускоряет их – о в настоящее время трудно понять, но на фоне запрета майнинга, внебиржевой торговли криптовалютой и выпуска собственных криптовалютных активов все выглядит не слишком оптимистично, хотя при этом разрешена торговля NFT за юань и создание метавселенных. В любом случае, руководство не только поддерживает все компании в их стремлении к конкуренции на мировом рынке во всех высокотехнологичных отраслях, но и всячески стимулирует их в этом стремлении [13].

Кроме всего прочего, на территории страны руководство Китая полностью контролирует интернет и не только в отношении информации: к примеру, даже процедура выдачи разрешений на довольно банальную регистрацию серверов предусматривает и рассмотрение технологий, запланированных для использования на серверах, включая и стандартные программы управления сетью на уровне протоколов передачи данных. Поэтому большинство зарубежных социальных сетей в Китае заблокировано, то есть даже вполне себе безобидные. Это является серьезным препятствием для любых иностранных компаний и, совершенно очевидно, что зарубежные метавселенные еще не скоро войдут на китайский рынок, если войдут

вообще, и в ближайшие годы конкурентную среду внутри Китая будут создавать только местные разработчики метавселенных. Однако теоретически это не мешает китайским компаниям продвигаться и конкурировать на зарубежных рынках. Теоретически. А практически, законодательные ограничения технологий, например, в отношении децентрализации, не будут способствовать разработке продуктов, соответствующих требованиям на мировых рынках. Подводя итог вышесказанному, ситуация с метавселенными в Китае выглядит неоднозначной и, пожалуй, Chinaverse – это как раз то, что и создается в Китае, причем даже не как часть Metaverse, а совсем отдельная структура.

Европейские и американские специалисты, по словам старшего аналитика частной инвестиционной компании Wedbush Securities (Лос-Анджелес) Дэна Айвса [14], считают, что их виртуальные миры начнут монетизироваться уже в 2024 году. В то время как метавселенная Xi Rang в этот момент будет только в стадии отладки по шестилетнему плану Baidu. Представляется, что эти 6 лет – слишком большой срок для мирового рынка.

Конкуренцию Baidu в Китае может составить Alibaba Group – владелец маркетплейса AliExpress. 6 декабря 2021 года она зарегистрировала компанию Yuanjing Shengsheng, которая займется созданием метавселенных.

Частная китайская компания Tencent подала более 100 заявок на регистрацию торговых знаков для своих игровых метавселенных. Сейчас Tencent является одним из гигантов игровой индустрии и владеет 100% акций Riot Games и 40% акций Epic Games – создателей Fortnite. Также компания работает над китайской версией метавселенной Roblox совместно с разработчиками оригинальной западной версии. Она будет называться LuoBuLeSi. При этом в ноябре 2021 года она заявила о поддержке со стороны Пекина при условии соблюдения китайского законодательства.

Следует отметить, что некоторые китайские аналитики считают, что многие из компаний, которые подали заявки на регистрацию метавселенной, сделали это только для поднятия интереса к их продукции. По их мнению, эти проекты исчезнут с рынка, как только общественность переключится на другой тренд. Либо они поменяют свою сферу деятельности, потому что не все заявленные платформы подходят под концепцию метавселенных.

В целом, мнение руководства Китая выглядит достаточно ясно: основные вложения требуются в специалистов, а именно в специалистов в конкретных областях, а это компьютерные технологии, оборудование и искусственный интеллект. Кроме того, учитывается рынок потребления и его способность переварить и поглотить все инновационные предложения. Особенно очевидно это проявляется на примере соответствующего бюджета на метавселенную Гонконга, а в своей речи в апреле 2020 года председатель коммунистической партии Китая и президент Китая господин Си Джинпинь прямо заявил, что «основой эконо-

мического роста страны являются потребители и потребители платежеспособные», то есть потребители так называемого «среднего класса», число которого, по его словам, в настоящее время оценивается в 400 млн. – самое большое в мире. Однако правительство не должно останавливаться на достигнутом, а должно продолжать его увеличивать, но не за счет пресловутого роста зарплат, а за счет повышения квалификации простых работников и перехода к высокотехнологичным производствам, что приведет к росту производительности, а следовательно, и более высоким доходам и самого производства и его сотрудников [5]. Безусловно, это звучит слишком упрощенно, но на деле вложения в образование по соответствующим специальностям и, в целом, в повышение качества потребления за счет роста квалификации потребителей правительством Китая предусмотрены очень большие.

Вызывает интерес и исследования маркетинговых компаний, например, Dezan Shira & Associates, паназиатской консалтинговой, маркетинговой и юридической компании, издающей свой журнал «China Briefing», которая делает следующие выводы об отношении к метавселенным потребителей в Китае [18]: 78% китайских потребителей ждут расширения функциональности и повышения качества в игровой отрасли, а 82% – уверены, что они повысят свой доход за счет метавселенных. В США и Великобритании заинтересованных в игровом мире всего 57% и 47% соответственно. При этом, рынок виртуальной реальности и особенно виртуальных аватаров в Китае переживает настоящий бум и оценивается в 8 млрд долларов, в то время как с США это рынок вмещает не более 548 млн. долларов.

Что касается задачи регулирования виртуальных отношений в метавселенной, в том числе и финансовых, то уже в октябре 2021 года Китайский институт современных международных отношений, связанный с Министерством государственной безопасности, опубликовал статью о необходимости создания специального отдела и факультета подготовки специалистов по виртуальным преступлениям [18].

Заключение

В целом, ситуацию в Китае с развитием метавселенной нельзя назвать ясной и прозрачной. Намерения правительства выглядят разумно, но решения принимаются иногда взаимоисключающие. Формулу их действий президент Си Цзиньпин описал примерно как «наращивание мягко-протекающего внутреннего оборота (国内循环) потребления увеличивает гравитационную силу воздействия на мировые ресурсы, что способствует выстраиванию новой модели развития на базе внутринационального оборота (国内大循环) и взаимодополняющих внутреннего и международного двойного обращения (双循环), и тем более это способствует формированию новых преимуществ при участии в международной конку-

ренции и сотрудничестве» [1]. Интуитивно понятно, как и сами китайские иероглифы. Что примечательно, ни в одном правительственном документе не говорится о методах и принципах этого развития, ну разве что кроме – догнать, отобрать и обогнать. При этом, большое внимание уделяется созданию национальных кадров, специалистов во всех ключевых областях и квалифицированных пользователей. И расчет именно на последних – рост внутреннего рынка потребления является основой текущего развития китайских метавселенных. О традиционном сотрудничестве и партнерстве если и говорится, то ради приличия, а не ради его расширения. Под расширением сотрудничества Китай понимает расширение рынков сбыта и сокращение импорта.

В своей статье в англоязычном японском журнале Nikkei Asia (компания Nikkei Inc., она же владелец Financial Times в Лондоне) Лазм Гибсон, аналитик из Тайпея, основатель некоммерческой консалтинговой организации Policy People и директор по международным связям тайваньской общественной организации Тихоокеанско-азиатская ассоциация молодежи, приводит любопытный факт: Марк Цукерберг еще в 2016 году, имея более 3 млрд подписчиков Facebook, посетил Китай и даже встречался с Президентом Китая Си Цзиньпином с предложением сотрудничества на китайском рынке [20]. Однако, даже личный подход (Марк предлагал господину Цзиньпину дать имя тогда еще своей будущей дочери от жены китайского происхождения Присциллы Чан, причем сделал это на китайском языке, чем очень впечатлил президента, но на саму просьбу получил отказ) оказался абсолютно безрезультатным. Оглядываясь назад, этот не встретивший поддержку жест Цукерберга представляется своего рода памятником, отметившим последнюю развилку на пути мировых платформ, где Китай движется в одном направлении, а «остальные» – в другом.

Литература

1. 国家中长期经济社会发展战略若干重大问题 URL: https://web.archive.org/web/20201111020608/http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-10/31/c_1126680390.htm
2. Into the Chinaverse: Looking Ahead at China's Metaversal Roadmap, Bethanie Ryder, корреспондент Jing Daily, 20.05.2022. URL: <https://jingdaily.com/into-the-chinaverse-looking-ahead-at-chinas-metaversal-roadmap/>
3. JingDaily.com. URL: <https://jingdaily.com/category/jing-meta/>
4. Paper policy of Shanghai, Jul. 8, 2022. URL: <https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20220708/ab632a9b29b04ed2adce2dbcb789412c.html>
5. Connecting Ecosystems of Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/business.html?page-active=to-b>
6. The following speech, given by Chinese President Xi Jinping in April 2020 but not publicized until November, lays out perhaps the clearest picture

thus far of Xi's proposed 'dual circulation' economic strategy. URL: <https://qz.com/2089316/china-sees-the-metaverse-as-the-next-internet-battleground>, https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0235_Qiushi_Xi_economy_EN-1.pdf

7. Connecting Ecosystems of Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/business.html?page-active=to-b>
8. HKUST to Launch World's First Twin Campuses in Metaverse. URL: <https://hkust.edu.hk/news/research-and-innovation/hkust-launch-worlds-first-twin-campuses-metaverse> 10.
9. XiRang: le metaverse selon le Chinois Baidu se montre... et c'est pas joli, pour l'instant. Alexandre Boero, 28.12.2021. URL: <https://www.clubic.com/technologies-d-avenir/actualite-400665-xirang-le-metaverse-selon-le-chinois-baidu-se-montre-et-c-est-pas-joli-pour-l-instant.html> и https://youtu.be/ME9gsUI_bZg
10. Welcome to Decentraland. URL: <https://decentraland.org/>
11. Voxels is a player built metaverse. Explore, make friends and attend events. Buy parcels, create costumes, display art and host parties. Join our community at an Event, on Twitter or Discord. URL: <https://www.voxels.com/womps/72317>
12. JingDaily.com, URL: <https://jingdaily.com/category/jing-meta/>
13. In battle with U.S., China to focus on 7 'frontier' technologies from chips to brain-computer fusion. CNBC Arjun Kharpal, 05.05.2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/03/05/china-to-focus-on-frontier-tech-from-chips-to-quantum-computing.html>
14. Wedbush Securities Advises The Sandbox on its \$93M Capital Raise Led by SoftBank Vision Fund 2 to Grow Its Open NFT Metaverse, 11.10.2021. URL: <https://www.wedbush.com/>
15. The Metaverse in Asia. Strategies for Accelerating Economic Impact. Deloitte Ltd. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/sg/Documents/center-for-the-edge/sg-metaverse-in-asia-hong-kong.pdf>
16. HongKong Government. URL: [https://www.smartcity.gov.hk/modules/custom/custom_global_js_css/assets/files/HKSmartCityBlueprint\(ENG\)v2.pdf](https://www.smartcity.gov.hk/modules/custom/custom_global_js_css/assets/files/HKSmartCityBlueprint(ENG)v2.pdf)
17. IMD World competitiveness center. Rankings. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/>
18. The 2023–24 Budget of Hongkong. Leaping Forward Steadily Together We Bolster Prosperity under Our New Vision. URL: https://www.budget.gov.hk/2023/eng/pdf/Budget23–24_Eng_Leaflet.pdf
19. China's Debut in the Metaverse: Trends to Watch (Updated). November 8, 2022, posted by China Briefing, written by Giulia Interesse. URL: <https://www.china-briefing.com/news/metaverse-in-china-trends/>

20. How Xi Jinping will control the 'Sinoverse' China's virtual reality world will extend to everyday life restrictions. Liam Gibson February 18, 2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/How-Xi-Jinping-will-control-the-Sinoverse>

FOREIGN EXPERIENCE IN THE CREATION AND DEVELOPMENT OF METAVERSES USING THE EXAMPLE OF CHINA

Malsagova R.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines China's experience in the formation and implementation of the concept of the metaverse in modern conditions. *Goals.* The purpose of the study is to identify prospects for the development of Chinese metaverses based on an analysis of their activities.

Methodology. To conduct the research, the method of content analysis of modern foreign sources on the topic of the development of metaverses in the world and, in particular, in China was used. Methods of description, systematization, synthesis, analogy, logic and generalization were also used when presenting the obtained material.

Results. The article examines the characteristics of Chinese metaverses, their history of development and features of functioning in the Chinese economy. The article discusses in more detail: the Shanghai metaverse, the Hong Kong metaverse, and the Xi Rang metaverse from Baidu. Based on the results of the analysis of the development of metaverses in China, the prospects for their development for the medium-term forecast period were determined.

Conclusions. The research carried out in the article made it possible to determine the prospects for the development of metaverses in China in the medium term. The author comes to the conclusion that, in general, the Chinese authorities are ready not only to support metaverses, but also invest budget funds in them. In this sense, the government's intentions seem reasonable, but decisions are sometimes made that are mutually exclusive. Thus, the Chinese authorities are strenuously working on legislative and technological restrictions regarding the functionality of metaverses, trying to make completely controlled or centralized what was intended to be decentralized throughout the world. Active work is also underway to create national personnel, specialists in all key areas and qualified users. Moreover, the Chinese authorities are placing their main bet on qualified users, since the growth of the domestic consumption market is the basis for the current development of Chinese metaverses.

Keywords: metaverse, Chinese metaverse, China, Shanghai metaverse, Hong Kong metaverse, Xi Rang metaverse.

References

1. URL: https://web.archive.org/web/2020111020608/http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2020-10/31/c_1126680390.htm
2. Into the Chinaverse: Looking Ahead at China's Metaversal Roadmap, Bethanie Ryder, Jing Daily correspondent, 05/20/2022. URL: <https://jingdaily.com/into-the-chinaverse-looking-ahead-at-chinas-metaversal-roadmap/>
3. JingDaily.com. URL: <https://jingdaily.com/category/jing-meta/>
4. Paper policy of Shanghai, Jul. 8, 2022. URL: <https://www.shanghai.gov.cn/nw12344/20220708/ab632a9b29b04ed2adce2dbcb789412c.html>
5. Connecting Ecosystems of Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/business.html?page-active=to-b>
6. The following speech, given by Chinese President Xi Jinping in April 2020 but not publicized until November, lays out perhaps the clearest picture thus far of Xi's proposed 'dual circulation' economic strategy. URL: <https://qz.com/2089316/china-sees-the-metaverse-as-the-next-internet-battleground>, https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0235_Qiushi_Xi_economy_EN-1.pdf
7. Connecting Ecosystems of Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/business.html?page-active=to-b>
8. HKUST to Launch World's First Twin Campuses in Metaverse. URL: <https://hkust.edu.hk/news/research-and-innovation/hkust-launch-worlds-first-twin-campuses-metaverse> 10.

9. XiRang: le metaverse selon le Chinois Baidu se montre... et c'est pas joli, pour l'instant. Alexandre Boero, 12/28/2021. URL: <https://www.clubic.com/technologies-d-avenir/actualite-400665-xirang-le-metaverse-selon-le-chinois-baidu-se-montre-et-c-est-pas-joli-pour-l-instant.html> and https://youtu.be/ME9gsUI_bZg
10. Welcome to Decentraland. URL: <https://decentraland.org/>
11. Voxels is a player built metaverse. Explore, make friends and attend events. Buy parcels, create costumes, display art and host parties. Join our community at an Event, on Twitter or Discord. URL: <https://www.voxels.com/womps/72317>
12. JingDaily.com, URL: <https://jingdaily.com/category/jing-meta/>
13. In battle with U.S., China to focus on 7 'frontier' technologies from chips to brain-computer fusion. CNBC Arjun Kharpal, 05/05/2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/03/05/china-to-focus-on-frontier-tech-from-chips-to-quantum-computing.html>
14. Wedbush Securities Advises The Sandbox on its \$93M Capital Raise Led by SoftBank Vision Fund 2 to Grow Its Open NFT Metaverse, 10/11/2021. URL: <https://www.wedbush.com/>
15. The Metaverse in Asia. Strategies for Accelerating Economic Impact. Deloitte Ltd. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/sg/Documents/center-for-the-edge/sg-metaverse-in-asia-hong-kong.pdf>
16. Hong Kong Government. URL: [https://www.smartcity.gov.hk/modules/custom/custom_global_js_css/assets/files/HKSmartCityBlueprint\(ENG\)v2.pdf](https://www.smartcity.gov.hk/modules/custom/custom_global_js_css/assets/files/HKSmartCityBlueprint(ENG)v2.pdf)
17. IMD World competitiveness center. Rankings. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness-ranking/>
18. The 2023–24 Budget of Hongkong. Leaping Forward Steadily Together We Bolster Prosperity under Our New Vision. URL: https://www.budget.gov.hk/2023/eng/pdf/Budget23-24_Eng_Leaflet.pdf
19. China's Debut in the Metaverse: Trends to Watch (Updated). November 8, 2022, posted by China Briefing, written by Giulia In-teresse. URL: <https://www.china-briefing.com/news/metaverse-in-china-trends/>
20. How Xi Jinping will control the 'Sinoverse' China's virtual reality world will extend to everyday life restrictions. Liam Gibson February 18, 2022. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/How-Xi-Jinping-will-control-the-Sinoverse>

Методология использования больших данных в сфере финансовых услуг для повышения эффективности принятия решений

Мухтаров Иззатулло Шухратович,

Старший финансовый аналитик; Badu Furniture LTD

E-mail: I.MUXTAROV91@mail.ru

Эта методология охватывает ключевые аспекты анализа и использования данных для принятия обоснованных решений, учитывая меняющийся ландшафт аналитики больших данных. Центральное место в этой методологии занимает признание данных стратегическим активом, служащим основой для получения информации, способствующей принятию эффективных решений. В ней описан системный подход, начинающийся с выявления рассматриваемой проблемы, за которым следуют тщательный сбор данных, уточнение, исследование и моделирование. Эффективность этого подхода подкрепляется интеграцией методов статистики и машинного обучения, точно адаптированных к аналитическим задачам. Кроме того, эта методология решает проблемы, присущие интеграции аналитики больших данных в процессы принятия решений, подчеркивая важность целостности данных, устранения разрозненности данных, развития экспертных знаний, организационной культуры и соблюдения нормативных требований. Масштабируемость и устойчивость являются неотъемлемой частью этой методологии, пропагандирующей адаптивные стратегии, управление данными, безопасность и расширение прав и возможностей персонала. Реальный пример – методология Netflix, основанная на данных, иллюстрирует практическое применение этих принципов, демонстрируя преобразующий потенциал анализа данных в точной персонализации. В конечном счете, эта методология служит компасом для организаций, ориентирующихся в ландшафте, основанном на данных, позволяя им использовать весь потенциал данных для принятия обоснованных, стратегических и устойчивых решений в эпоху, обогащенную данными.

Ключевые слова: Управление данными, Принятие решений, Фреймворк, Большие данные, Аналитика, Интеграция, Вызовы, Масштабируемость, Устойчивость, Пример.

I. Introduction

1. Statement of the Problem

In the epoch of digital transformation, financial sectors grapple with an overwhelming deluge of data. This data, which encompasses transactional metrics, client interactions, market variables, and diverse, unconventional data subsets, falls under the ambit of 'Big Data'. Intrinsically, Big Data holds latent capabilities for enriching decision matrices in finance. Yet, there's an evident incongruity. A considerable faction of financial entities remain entangled in the challenge of optimizing Big Data's benefits. Predominantly, the mammoth scale, unrelenting influx, and heterogeneity of Big Data pose analytical quandaries. Conventional data algorithms falter, accentuating the need for innovative analytical paradigms. Moreover, siphoning actionable intelligence from such data isn't linear. The multifaceted nature of financial sectors coupled with intricate decision matrices demands meticulous interpretation strategies. A consequential outcome: institutions, awash with data, might be skimming just the surface of its inherent value. In essence, a lacuna exists. A methodological void which, if filled, could empower these entities to harness Big Data optimally. This inquiry delves into devising such an instrumental methodology.

2. Purpose of the Study

Central to this exploration is the formulation of a robust, methodical framework. A blueprint aimed squarely at capacitating financial entities to exploit Big Data, refining their decisional acumen. Addressing the tribulations associated with data's magnitude, dynamism, and diversity stands paramount. The impending methodology emphasizes judicious data curation, the application of avant-garde analytical protocols, and the metamorphosis of raw insights into tangible financial actions. A salient feature: empirical scrutiny in extant scenarios, assessing the methodology's pragmatic resonance. Foreseen deliverables encompass a modular, malleable, and cogent methodological toolset, capable of buttressing decisional infrastructures. Enhanced stratification of risks, amplified client rapport, incisive investment modulations, and an uptick in fiscal outcomes. Culminating objective: augment scholarly dialogues on Big Data's fiscal implications whilst bequeathing the sector with a pivotal analytical tool, ensuring its seamless transition into an era marked by data-centric.

3. Significance of the Study

In the present landscape, financial institutions grapple with an exponentially expanding pool of multifaceted datasets. A paramount concern emerges: devising efficacious techniques to channel this voluminous 'Big

Data' for decision-making matrices. Though awash with data assets, a multitude of these institutions are ensnared in a quandary – efficient management, incisive analysis, and actionable insight extraction remain elusive. Intervening into this chasm, the imminent research endeavors to blueprint a holistic methodology to harness Big Data's potential in the realm of financial services. Foreseen ramifications include the reinvigoration of decision-making architectures, culminating in superior fiscal outcomes, risk stratification enhancements, astute investment modalities, and enriched client interfaces. Pedagogically, this venture is poised to be seminal – infusing the academic interplay of finance and data science with a coherent modality for Big Data integration. Not merely a terminal investigation, it paves avenues for future explorations, notably, synergies of machine learning and artificial intelligence within financial precincts. Extending its ambit, the research's methodology might exhibit malleability, lending itself to applications in diverse sectors and amplifying the canvas of data-informed decision frameworks.

4. Empirical Observations: The Netflix Paradigm

Netflix, an exemplar in leveraging Big Data, finetunes its promotional strategies, targeting precise user cohorts. This stratification facilitates Netflix's penetration into its envisioned audience, metamorphosing viewers into staunch subscribers.

Metrics elucidate the success narrative: Come 2022, a global subscriber base surpassing 222 million coalesced with revenues soaring beyond \$30 billion (Figure 1). A symbiosis of tailored recommendations, elevated user interactions, and precision-targeted promotions catalyzed this trajectory.

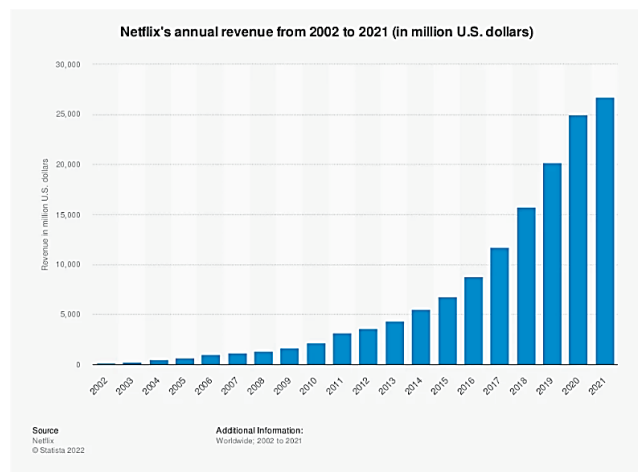

Figure 1 – Netflix's annual revenue from 2002 to 2021

Here are some specific examples of how Netflix has used big data to increase sales:

In 2017, Netflix launched a new feature called “Netflix Roulette.” This feature randomly recommends a movie or TV show to users based on their viewing history. Netflix found that users who used Netflix Roulette were more likely to watch the entire movie or TV show than users who chose their own content. This led to an increase in watch time and sales.

In 2018, Netflix released a new original series called “Stranger Things.” Netflix used big data to target its marketing campaign for “Stranger Things” to specific groups of users who were likely to be interested in the show. This led to a record-breaking number of viewers for “Stranger Things” and a significant increase in subscriptions.

In 2020, Netflix launched a new feature called “My List.” This feature allows users to save movies and TV shows that they want to watch later. Netflix found that users who used “My List” were more likely to watch the content that they had saved, which led to an increase in watch time and sales [1].

II. Literature Review

1. Overview of Big Data in Financial Services

Within the financial sector's purview, Big Data denotes the labyrinthine conglomerates of datasets, emanating from the multifarious undertakings intrinsic to the industry. Apart from conventional data founts – such as transaction-centric or client-centric data – contemporary data categories, encompassing social media imprints, geospatial markers, and mechanized data manifestations, have emerged. The digital metamorphosis transpiring in financial realms has engendered an amplification in data's volume, velocity, and heterogeneity, offering to financial entities. The latent capability of Big Data in this milieu is prodigious. Proffering perspicacious discernments on client dynamics, market oscillations, and risk constituents, it furnishes a foundation for an eclectic array of decisions – spanning from investment paradigms and risk modulation to client engagement and product ideation. Illustratively, dissecting transactional imprints permits financial entities to extrapolate client expenditure trajectories and fiscal reliability. Analogously, market data scrutiny can unearth emergent trends and lucrative investment niches. Notwithstanding its latent prowess, the actuation of Big Data within financial spheres is fraught with intricacies. Navigating the voluminous and multifaceted data milieu can be an arduous endeavor. Conventional data management modalities frequently falter when confronted with Big Data's enormity, prompting the quest for innovative alternatives. Compounding this, the proprietary essence of financial information augments data confidentiality and fortification apprehensions, mandating judicious stewardship. In the temporal backdrop of recent technological strides, the realization of Big Data's potential in finance has been rendered increasingly plausible. With the advent of powerful data processing tools, advanced analytical paradigms and sophisticated machine learning, financial institutions have at their disposal deep data analytics tools. However, an effective combination of these unusual technologies requires a clear operational plan. Under these conditions, the upcoming research is aimed at developing an integrated approach that will help financial organizations understand the complexities and opportunities of the digital age.

2. Review of Existing Methodologies for Decision-Making in Financial Services

- **Traditional Financial Analysis:** The financial domain has long been anchored in established an-

alytical techniques. These encompass practices such as ratio diagnostics, cash flux scrutinies, and assessments grounded in net present value dynamics. Such techniques conventionally pivot on the examination of fiscal chronicles to glean insights into an entity's operational vigor and fiscal wellness [2].

- **Risk Assessment Models:** Risk modulation has witnessed the deployment of a plethora of models geared towards the delineation and quantification of risk elements. Prototypes such as Value at Risk (VaR), Expected Shortfall (ES), and regimes centering on stress testing, collectively, become critical in shaping determinations pertaining to investment trajectories, credit endorsements, and risk averting stratagems [3].
- **Econometric Constructions:** Econometric models are often used in financial decision-making to understand the relationship between different economic variables. Such constructions are key when discussing investment projects, forecasting excessive market returns and making decisions in the field of fiscal policy.
- **Machine Learning Algorithms:** Concomitant with the Big Data surge, algorithmic learning frameworks have gained pronounced momentum in financial resolutions. These mechanisms, adept at sifting through expansive and multifaceted data agglomerates, serve to discern latent trends and proffer predictions. Notable exemplars span decision arboreal structures, neural nexus configurations, and segmentation algorithms [4].
- **Behavioral Finance Models:** Recognizing that financial choices can sometimes be influenced by inherent human characteristics, certain methods lean towards behavioral finance principles. These paradigms explore concepts related to cognitive biases and group behavioral tendencies, aiming to decipher and predict financial outcomes [5].
- **Simulation Models:** Tools like Monte Carlo simulations, amongst assorted simulative models, find utilization across finance's diverse spectrums, ranging from portfolio harmonization to risk delineation. These models adeptly mirror a plethora of situations, enlightening verdicts in the face of inherent ambiguities [6].

Upon reviewing the outlined methodologies, a clear gap surfaces. A unified approach, capable of channeling the breadth and complexity of Big Data within financial decision-making, remains notably lacking. While conventional methods may struggle with the sheer scale and intricacy of Big Data, newer models often demand profound technical knowledge, potentially compromising clarity. Thus, leveraging the full potential of Big Data and crafting theoretical models that seamlessly merge simplicity with comprehensibility is vital to refining financial institutions' decision-making processes.

3. Gaps in Current Knowledge and Practice

- **Lack of Comprehensive Methodology:** Notwithstanding the conspicuous strides in mobilizing big data analytics within financial services, there pre-

vails a conspicuous void pertaining to a circumscribed, ubiquitously ratified, and exhaustive paradigm for embedding big data intricacies within fiscal verdict matrices. Methodologies in action often undergo iterative customizations, inherently spawning pronounced heterogeneity in methodologies and outcomes.

- **Inadequate Tools for Handling Complex Data:** Conventional analytic implements, albeit efficacious for structured data manifestations, tend to be sub-optimal vis-à-vis Big Data's vast tapestry encompassing both unstructured and semi-structured data forms. An exigency surfaces for robust instruments and paradigms adept at adeptly managing and culling insights from these labyrinthine data conglomerates.
- **Data Privacy and Security Concerns:** Given the intrinsically sensitive nature of fiscal data, palpable trepidations ensue regarding the sanctity and fortification paradigms in the Big Data milieu. Prevalent paradigms might potentially fall short in fortifying these vertices, precipitating prospective data compromise and regulatory infringements.
- **Difficulty in Translating Data to Actionable Insights:** A tangible fissure often manifests between the extraction of discernments from Big Data and the metamorphosis of said discernments into implementable stratagems. Dominant paradigms might ostensibly lack lucid directives to seamlessly span this chasm.
- **Need for Skilled Personnel:** The realm of Big Data analytics invariably necessitates a mastery over intricate technical acumen, spanning a spectrum inclusive of data processing implements and coding lexicons. Such prerequisites might emerge as deterrents, stymieing the assimilation of Big Data paradigms within fiscal entities deficient in such expertise.
- **Lack of Transparency in Machine Learning Models:** despite the growing trend towards the introduction of algorithmic learning models into the financial decision-making process, these components, as a rule, remain mysterious objects, which leads to a lack of clarity regarding their internal mechanisms of operation. Such opacity becomes a difficult problem, especially if it is associated with tightly regulated financial sectors.

These delineated lacunae underscore the imperative for an all-encompassing paradigm, envisioned to empower fiscal entities in optimally harnessing Big Data within their determinative frameworks, whilst adeptly navigating the aforementioned challenges.

III. Research Design and Methodology

1. Explanation of the Research Paradigm (qualitative, quantitative, or mixed methods)

Starting with a detailed presentation of the methodological components inherent in our research, it becomes necessary to realize a comprehensive research paradigm, which serves as a guiding basis guiding our

efforts to solve urgent research tasks. In the following paragraphs of the methodology, we will discuss research paradigms specifically selected in the context of our research project. The methodological scheme adopted by us is characterized by the simultaneous use of both quantitative and qualitative methods, thereby providing a holistic understanding of the subject under consideration [7].

Quantitative Facet: Given the inherent characteristics of big data juxtaposed with financial realms, the prodigious volume of numerical and categorical datasets align seamlessly with a quantitative scrutiny matrix. Within this ambit, one can marshal statistical paradigms, algorithmic learning blueprints, and prognostic modeling stratagems to decipher said vast datasets. This measurement provides a platform for testing hypotheses, identifying networks of associations, inferring patterns, making predictions for the future and evaluating the efficiency coefficient of the combined approach. A typical question of quantitative research: “How much does the described methodology improve the accuracy of budget forecasts compared to traditional methods? To do this, it is necessary to conduct a rigorous quantitative assessment by comparing the effectiveness of the two methods.

Qualitative analysis: Quantitative data is also important, but qualitative analysis complements the research matrix, providing a more detailed understanding of the complexity of the decision-making process, the orientation of financial professionals to big data, as well as the confusion that arises when integrating big data into existing processes. Qualitative data can be collected during an interactive exchange of opinions, discussion sessions and text study of relevant documents and notes. A plausible suggestion for a qualitative study may be the question: “What is the level of awareness of the community of financial professionals about the specific problems associated with the implementation of the planned approach?” A dialogue with these experts can reveal some illuminating facts.

The mixed paradigm combines the advantages inherent in both quantitative and qualitative research matrices. This not only expands the possibilities of integrating methods based on big data analytics (quantitative), but also provides a real opportunity to take into account the problems of participants in the financial industry (qualitative).

2. Selection of Research Design

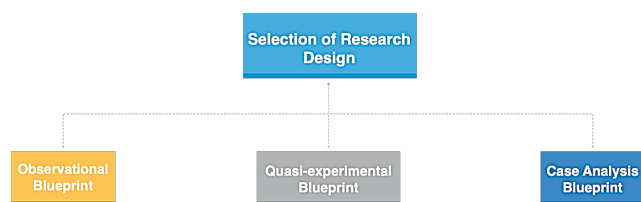

Figure 2 – Selection of Research Design

Observational Blueprint: The first attempt is to monitor the current state of big data applications in the financial sector. This exploration would encapsulate delineating data typologies, understanding data trans-

mutations, and discerning the application of resultant intelligence in decisional matrices. Employing textual evaluations, dialogic engagements, or query-driven engagements would yield the requisite insights. The non-intrusive essence of this segment ensures a lucid comprehension of the present milieu sans any interventionist distortions.

Quasi-experimental Blueprint: In accordance with modern methods using big data, it can be assumed that quasi-experimental trajectories can converge to non-equivalent configurations of consortia. This might comprise dual clusters of fiscal aficionados or entities. One group (the treatment group) would utilize your newly developed methodology, while the other group (the control group) would continue to use the standard practices. You could then measure key outcomes of interest, like accuracy of financial forecasts, speed of decision-making, etc. It’s called “quasi-experimental” because participants are not randomly assigned to groups.

Case Analysis Blueprint: In the aftermath of operationalization, one could deep dive via meticulous case analyses of specific institutions that have on-boarded the postulated methodology. Such pursuits would render intricate qualitative cognizance, shedding light on the pragmatic dimensions of deployment, perceived merits, and inherent challenges. Furthermore, these case dissections could elucidate adaptability paradigms across diverse fiscal contexts [8].

It is paramount to ensure that the elected configuration is vindicated vis-à-vis the investigative propositions, aims, and the practicable constraints of the investigative milieu. Recognizing the limitations and implicit biases endemic to each modality and contemplating countermeasures is imperative.

3. Explanation of Research Methods (case studies)

Netflix is a great example of a company that has successfully leveraged big data for enhanced decision-making. The company collects a vast amount of data on its users, including what they watch, how long they watch it for, and what they rate. This data is used to create a profile of each user’s interests. Upon user portal ingress, Netflix mobilizes these avatars, deploying algorithms to curate filmic and televisual suggestions aligned with anticipated user proclivities. The outcome? Amplified user gratification and prolonged platform fidelity.

Delving deeper, we unveil the granular modalities through which Netflix maneuvers these expansive datasets to fortify its operational decisional matrix (fig. 3):

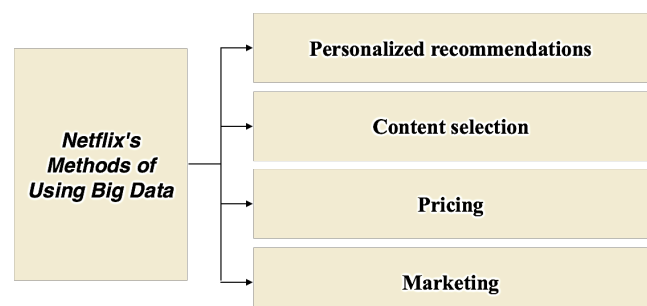

Figure 3 – Netflix’s Methods of Using Big Data

- **Personalized recommendations:** At the heart of Netflix's user experience lies its formidable ability to harness vast datasets to generate bespoke content suggestions. This user-centric algorithmic modulation ensures that each user's content landscape is a reflection of their unique viewing idiosyncrasies. Such meticulous personalization elevates user engagement metrics, given the elevated propensity for users to engage with content that resonates with their predilections.
- **Content selection:** Netflix's content acquisition and creation matrix is intricately tied to the analytical prowess of its vast datasets. Evaluating user engagement vectors juxtaposed with external content landscapes from rival platforms, the platform extrapolates content lacunae and saturation points. This analytical exercise underpins Netflix's strategic decisions regarding content production and procurement, always calibrated according to the user's expected preferences.
- **Pricing:** Harnessing vast datasets, Netflix embarks on a dynamic pricing optimization journey. By synthesizing data vertices reflecting user's monetary thresholds for divergent content genres, the platform calibrates its subscription tariffs, ensuring a harmonious balance between competitiveness and fiscal sustainability.
- **Marketing:** Netflix uses big data to help it target its marketing campaigns. The company looks at data on its users' demographics, interests, and viewing habits. This helps Netflix to create marketing campaigns that are more likely to reach its target audience.

While Netflix's tryst with vast datasets stands as a testament to the transformative potential of this digital arsenal, it's merely a precursor. As the digital data deluge intensifies, the horizon beckons with even more avant-garde deployments of this formidable toolset, poised to redefine enterprise architectures.

IV. Data Collection

1. Gather relevant data from various sources, such as historical financial data, customer behavior data, market data, and external datasets.

Leveraging Big Data for Enhanced Decision-Making in Financial Services necessitates a systematic approach to sourcing and interpreting diverse datasets [9]. These datasets, when harnessed effectively, yield actionable insights to drive financial strategies and operations:

- **Historical Financial Data:** This encompasses chronological records of a company's financial activities, which allow analysts to discern trends across sales, profits, expenses, and other pivotal metrics. By delving into these records, one can juxtapose a company's performance with that of its competitors or even the overarching market.
- **Customer Behavior Data:** This dataset provides granular insights into the engagements customers have with financial establishments. It captures a gamut of interactions ranging from purchasing

patterns and frequency to spending behavior. Further, it sheds light on responses to marketing endeavors, facilitating the evaluation of customer satisfaction and loyalty indices.

- **Market Data:** A holistic view of the market landscape is indispensable for astute decision-making. Data pertaining to supply-demand dynamics, pricing fluctuations, and emerging market trends equip decision-makers with the tools to calibrate pricing strategies, steer marketing campaigns, and foster product innovation.
- **External Datasets:** data sets that have been collected by third parties and made available for public use. These data sets can be a valuable source of information for data analysis, as they can provide data that is not available from other sources. For instance:
 - The United States Census Bureau disseminates pivotal data on U.S demographics, economic indicators, and housing statistics.
 - The World Bank champions the cause of global economic development by sharing metrics on economic progression and poverty metrics.
 - The Pew Research Center serves as a repository for public sentiment on an array of subjects.
 The judicious selection of data sources is contingent on project objectives and data accessibility. By synthesizing information from these datasets, financial institutions can foster an environment of informed decision-making, enhancing their strategic prowess in an ever-evolving market landscape [9].

2. Ensure data quality and accuracy through data cleaning and validation processes.

Maintaining impeccable data quality and accuracy is indispensable for effectuating informed decision-making in financial services. A meticulous approach involves several phases, each tailored to bolster the integrity of data [10].

- **Data Quality Stipulations:** Commence by ascertaining the criteria that earmark data as high caliber. Key attributes to consider encompass accuracy, completeness, consistency, timeliness, and pertinence.
- **Diagnosis of Data Quality Discrepancies:** With established benchmarks, embark on discerning anomalies within the data, encompassing voids, incorrect data formats, repetitive entries, and statistical outliers.
- **Data Rectification:**
 - **Imputation:** Offset missing entries by interpolating them with either statistically deduced estimates or prevalent values.
 - **Transformation:** Adapt the data by revising its type or transmuted alphanumeric entries into numerical ones.
 - **Normalization:** Reframe data to a uniform scale to ensure consistency across datasets.
- **Validation Regimen:** Post-rectification, it's imperative to reassess the data against the predetermined quality benchmarks. Deploy rigorous checks to en-

sure there's no reoccurrence of duplicates, outliers, and other inconsistencies.

- **Continuous Quality Vigilance:** Upon validation, institutionalize a surveillance mechanism to incessantly monitor data quality. This proactive approach identifies and rectifies emerging discrepancies, ensuring sustained data integrity.

Figure 4 provides recommendations for maintaining data quality

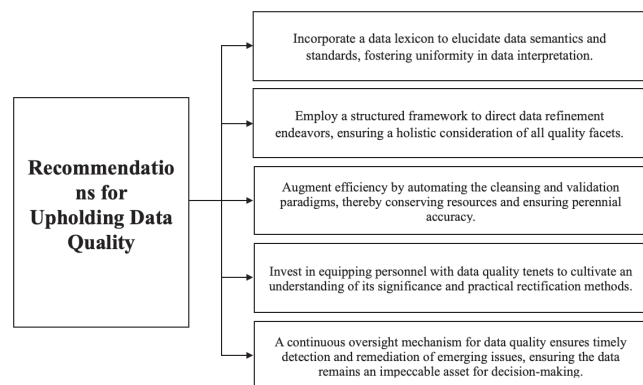

Figure 4 – Recommendations for Upholding Data Quality

3. Address data privacy and security concerns, adhering to regulatory guidelines.

Maintaining rigorous data privacy and security is paramount, especially when navigating the intricate landscape of financial services. Adherence to regulatory guidelines not only ensures operational integrity but also fortifies institutional repute [11].

At the heart of this imperative lies the need to discern potential privacy and security vulnerabilities inherent to an organization. Threat vectors such as unauthorized access, susceptibility to breaches, and potential data loss necessitate vigilant attention.

Several robust strategies can be adopted to fortify defenses:

- **Access Management:** Restrict data access strictly to individuals whose roles necessitate it.
- **Data Cryptography:** Safeguard data through encryption techniques, rendering it inaccessible to unauthorized entities.
- **Regular Data Backups:** A systematic backup regimen ensures data integrity, even in adverse circumstances.
- **Security Enlightenment:** Equip staff with a thorough understanding of best practices in data privacy and security, making them formidable first lines of defense.
- **Persistent Control Surveillance:** Post-implementation, perpetually reassess the efficacy of protective measures, refining them to align with evolving threat dynamics.
- **Breach Response Strategy:** A contingency blueprint for data breach scenarios enables swift, decisive action, encompassing breach delineation, stakeholder communication, breach etiology exploration, mitigation initiatives, and coherent public communication.

Additional strategic imperatives include:

- **Leadership Endorsement:** To imbue a culture of security, executive endorsement and active participation are essential.
- **Regulatory Vigilance:** As regulatory paradigms continually evolve, staying abreast ensures perpetual compliance.
- **Opt for Privacy-centric Cloud Solutions:** Leveraging cloud providers that prioritize robust privacy and security mechanisms is instrumental.
- **Periodic Security Audits:** External security evaluations provide unbiased insights into organizational fortifications, highlighting areas for augmentation.
- **Investment in Security Education:** A well-informed workforce is a bulwark against potential threats.
- **Breach Response Readiness:** An organization's resilience is often gauged by its preparedness and response to unforeseen adversities.

By meticulously implementing these strategies and continually refining them, organizations not only safeguard their data assets but also buttress their commitment to stakeholders, reinforcing trust and ensuring sustained operational excellence.

V. Data Analysis

1. Apply appropriate statistical and machine learning techniques to analyze the collected data.

In the realm of big data analytics, deploying apt statistical and machine learning methods is pivotal for deriving actionable insights. The selection of these methods, profoundly influenced by the analytical objectives, ensures precise interpretation and modeling of data patterns [12, 13]:

- **Descriptive statistics** serve as foundational tools for data characterization. They afford concise summaries of datasets through parameters like mean, median, and standard deviation. Visual tools, such as histograms and boxplots, further elucidate the underlying data distribution, offering a panoramic view of the data landscape.
- **Inferential statistics**, on the other hand, venture beyond mere data description. They facilitate extrapolations about broader populations based on sample data. Instances include hypothesis testing, often employed to discern significant disparities between data groups, or confidence intervals, which yield estimations of population parameters.
- **Machine learning** is the vanguard of predictive and prescriptive analytics. It crafts algorithms capable of prognostications and recommendations. Whether it's anticipating customer attrition or suggesting pertinent products, machine learning models epitomize data-driven decision-making.

Ultimately, the choice of these techniques is contingent upon the analytical aims. Engaging with experts in statistics or data science can provide nuanced guidance in method selection, ensuring that the analytical approach aligns seamlessly with the intended objectives.

When selecting statistical and machine learning approaches for data analysis, several pivotal considerations come to the fore (table 1).

Table 1. Factors influencing technique selection in data analysis

Characteristic	Description	Influence on Technique Selection
Dataset Characteristics	Both volume and nature of data impact technique selection. Massive datasets may require more efficient algorithms.	Determines the choice of algorithms and computational resources.
Data Integrity	The quality of data input is crucial. Data cleaning and validation processes are necessary for reliable outcomes.	Affects data preprocessing steps and ensures trustworthy results.
Analytical Objectives	End goals (predictive, descriptive, inferential) guide tool selection.	Determines the choice of analytical methods and modeling techniques.

Given these considerations (table 1), one can aptly tailor their methodology for optimal results. A litany of statistical and machine learning techniques, each with its unique strengths, are available:

- **Linear Regression:** Apt for predicting a continuous outcome from multiple predictors, such as estimating house prices from attributes like area, bedroom count, and locale.
- **Logistic Regression:** Suitable for binary or categorical predictions, it can, for instance, ascertain customer churn from purchasing behavior and demographics.
- **Support Vector Machines (SVM):** Versatile in nature, SVMs excel in classification tasks, and even regression or outlier detection, especially when data exhibits linear separability.
- **Decision Trees:** These provide rule-based decisions and can segment customers for promotional offers, for example.
- **Neural Networks:** Capable of discerning intricate variable relationships, they find applications from stock market forecasting to medical diagnoses.
- **Random Forests:** An ensemble technique, leveraging multiple decision trees, ideal for both classification and regression analyses.
- **K-Nearest Neighbors (KNN):** This non-parametric method predicts labels for new data points based on the similarity to known data, commonly employed in classification and regression.
- **Naive Bayes Classifiers:** Rooted in probability, these classifiers are especially adept at text categorization tasks.
- **Deep Learning:** Using layered artificial neural networks, deep learning has revolutionized fields like image recognition, natural language understanding, and voice recognition.

While this compilation is by no means exhaustive, the technique or combination thereof chosen should resonate with the analysis’s overarching objectives, ensuring analytical robustness and precision.

2. Identify patterns, trends, and correlations in the data that can be used for decision-making.

To make astute decisions based on data, it’s imperative to discern patterns, trends, and correlations inherent within the data set (table 2) [14].

Table 2. Key aspects of data analysis techniques

Aspect	Description	Role in Data Analysis
Visualization	Representation of data through charts, graphs, or maps can reveal hidden patterns.	Helps in visual exploration and pattern discovery.
Statistical Examination	Utilizing statistics, including descriptive, inferential, and machine learning techniques, to find significant patterns.	Unveils statistically pertinent insights.
Field Expertise	Leveraging domain-specific knowledge to enhance data analysis.	Enhances analysis by considering contextual insights.

Once you’ve spotlighted patterns, correlations, and trends, they become invaluable assets for decision-making. Patterns in consumer tendencies might refine marketing strategies. Sales trends can be precursors to demand predictions. Correlations between disparate variables can be harbingers of either risks or opportunities.

However, it’s crucial to approach with caution: not every detected pattern or trend necessarily holds actionable value. Evaluating the data critically and applying judicious reasoning can aid in distinguishing genuinely impactful patterns from mere coincidences.

Strategies for Pattern Recognition:

- **Employ a Diverse Toolkit:** Engaging a multifaceted approach can both reinforce conclusions and mitigate the risk of erroneous observations.
- **Spot the Unconventional:** Outliers, or those data points that deviate from the norm, can either signal emergent trends or pinpoint areas of concern.
- **Lean on Expertise:** Domain-specific knowledge can be a beacon, spotlighting nuances a novice might miss.
- **Exercise Patience:** Unearthing meaningful insights is seldom instantaneous. It necessitates persistence and a commitment to the analytical process.

3. Utilize data visualization techniques to present the findings effectively.

To effectively convey research findings, it’s essential to adeptly harness data visualization techniques [15]:

- **Selecting the Apt Visualization:** Among the myriad of visualization tools available, such as charts, graphs, and maps, the optimal choice hinges on the nature of the data in question and the target audience.
- **Clarity is Key:** Strive for simplicity in your visual representations. Minimize extraneous colors and

intricate designs. The primary objective of any visualization is to relay information lucidly and succinctly.

- **Labeling and Legends:** Ensure each element of your visualization is distinctly labeled, aiding in audience comprehension. Position legends strategically to provide context without obscuring the main content.
- **Narrative Through Numbers:** Instead of merely displaying quantitative values, let your visualizations narrate the tale encapsulated within your data, spotlighting notable trends, patterns, or anomalies.
- **Preliminary Reviews:** Prior to unveiling your findings to a broader audience, test your visualizations among a select group. This preliminary feedback can pinpoint any visualization shortcomings, ensuring effective communication.
- **Effective Use of Color:** While color can vivify a visualization, it's crucial to strike a balance. Deploy color to emphasize pivotal information and augment visual allure, but refrain from overwhelming the viewer.
- **Strategic Whitespace Utilization:** Whitespace isn't merely a void but serves to enhance the legibility of visualizations, guiding the viewer's focus towards salient points.
- **Font Finesse:** Opt for legible and pertinent fonts for your data presentation. An overabundance of diverse fonts can introduce unnecessary chaos to your visualizations.
- **Maintain Stylistic Uniformity:** To exude a professional aura, ensure a consistent stylistic approach across all visual elements.

By heeding these guidelines, one can craft visualizations that not only convey the essence of the data but also engage and inform the audience.

VI. Framework for Decision-Making

1. Explanation of How the Analyzed Data Can Inform Decision-Making

Through the intricate examination of data, pivotal insights can be harnessed to inform strategic decision-making [16]:

- **Unearthing Trends:** A meticulous data assessment often reveals underlying trends and patterns, unobservable with a cursory glance. For instance, a surge in sales data might imply escalating product popularity, guiding decisions to bolster production or augment marketing strategies.
- **Anticipatory Steps:** Data analytics can facilitate forecasts regarding forthcoming events, empowering organizations to either strategically prepare for or adeptly sidestep potential challenges. Consider weather analytics; predicting a looming hurricane could influence pivotal calls like area evacuation or other preventive measures.
- **Comparative Analytics:** Contrasting your data metrics against industry counterparts enables performance benchmarking. This comparison can spotlight strengths and areas needing augmenta-

tion. Let's say, surpassing competitors in customer satisfaction metrics can steer initiatives to further enhance client interactions.

- **Decision-making Amid Ambiguity:** Often, decisions are shrouded in uncertainty. Leveraging data can elucidate these ambiguities, equipping organizations to make more enlightened choices. For example, before venturing into a new product domain, sales projections based on data can dictate the probable success, influencing the investment decision.

Beyond these, data-driven insights can be instrumental in diverse realms:

- **Process Enhancement:** Data scrutiny can pinpoint process bottlenecks or inefficiencies, offering pathways to streamline operations.
- **Marketing Precision:** Data insights can refine marketing strategies, delineating accurate target demographics, fine-tuning messages, and optimizing delivery timings for maximal impact.
- **Elevated Customer Service:** Data analytics can offer insights into problem resolution, avenues for amplifying customer delight, and preemptive strategies to curb potential issues.
- **Financial Prudence:** Financial data analytics can guide optimal resource allocation, risk management strategies, and astute investments, fostering improved fiscal outcomes.

In summation, data serves as a compass in the complex maze of decision-making. With burgeoning data at one's disposal, decisions can be progressively more informed, enhancing the probability of desired outcomes.

2. Development of a Proposed Framework for Decision-Making Based on Big Data

- **Problem Definition:** Initially, crystallize the predicament at hand. Ascertain the objective behind the impending decision. A lucid grasp of the challenge paves the way for effective data collection.
- **Data Accumulation:** Procure data pertinent to the identified problem. Drawing from multifarious sources – be it internal repositories, external databases, or social media streams – enriches the data pool, laying a robust foundation for decision-making.
- **Data Refinement:** Post-collection, the data necessitates purification. This encompasses duplicate removal, error rectifications, and reformatting for subsequent analyses.
- **Data Exploration:** Delve into the curated data employing statistical methodologies or cutting-edge machine learning algorithms. The goal is to unveil latent patterns and trajectories that will underpin the decision.
- **Result Dissemination:** Post-analysis, it's imperative to relay the findings to the stakeholders. A transparent presentation of insights ensures that decisions rest on an informed foundation.
- **Decision Execution:** With the decision crystallized, the next phase is its implementation, which

could entail modifications to existing processes, protocols, or guidelines.

- **Decision Appraisal:** Conclusively, reflecting on the decision's efficacy is paramount. Such retrospection fosters learning, enabling improved decisions in subsequent ventures [17].

Though delineated above is a broad blueprint, the particulars might oscillate contingent on the unique challenges encountered. Nonetheless, it serves as a foundational guide to navigate data-driven decision-making.

Guidelines for a Robust Data-Centric Decision Framework:

- **Engage Stakeholders:** Integrating stakeholders' perspectives from the outset ensures decisions align with the organization's ethos.
- **Diversify Data Streams:** Relying on a singular data source might lead to tunnel vision. Embracing diverse data streams provides a holistic overview.
- **Optimal Tool Selection:** The big data realm is replete with analytical instruments. Handpick those congruent with your objectives and financial constraints.
- **Adaptive Decision-making:** Recognize that the trajectory towards a decision might necessitate recalibration based on evolving insights.
- **Perspicuous Communication:** Ensure that your analytical conclusions are communicated lucidly, empowering stakeholders to take well-founded actions.

Adherence to the aforementioned guidelines amplifies the potential of forging an efficacious big data-centric decision-making framework, steering the organization towards judicious choices.

3. Justification for the Proposed Framework

The pervasive influx of big data is reshaping the information landscape. As its ubiquity intensifies, enterprises are privy to an unprecedented data volume, serving as a reservoir for enhanced decision-making. The analytical prowess inherent in data processing techniques unveils obscured patterns within this voluminous data, aiding in more insightful resolutions across sectors like marketing, product innovation, and client engagement [17].

In the contemporary, high-stakes commercial arena, expeditious and astute decisions are paramount. Big data extends a granular comprehension of clientele, markets, and operational intricacies, fostering a more enlightened decision-making process. The advocated model for decisions predicated on big data delineates a systematic trajectory towards harnessing this potential. This paradigm, while being rooted in rigorous data analysis and decision-making tenets, offers the malleability to cater to distinct organizational requisites.

Adherence to this model accentuates several pivotal advantages:

- **Precision Augmentation:** Employing data-driven analytical tools, predictions regarding impending events or trends achieve heightened accuracy, facilitating superior decisions in realms from marketing strategies to product innovation.

- **Operational Efficacy:** The automation of decision-making, underpinned by big data, economizes both time and capital, liberating resources for alternate organizational pursuits.
- **Client Relations Enhancement:** Deciphering client behavior through big data insights paves the way for superior client services, culminating in bolstered client contentment and allegiance.
- **Risk Attenuation:** Proactively discerning potential pitfalls through big data insights empowers enterprises to devise strategies, attenuating prospective hazards and safeguarding organizational assets.

In summation, the propounded big data-centric decision-making paradigm presents an invaluable asset, poised to elevate organizational outcomes. Embracing this framework equips businesses to optimize their operations, amplify their revenue streams, and carve out a distinctive competitive edge.

VII. Testing the Framework

1. Implementation Strategy for the Decision-Making Framework within Financial Entities

Incorporating a decision-making framework rooted in big data within financial entities entails a sequence of meticulous steps [17]:

- **Problem Identification:** Pinpoint the specific challenge or question the institution intends to address. Recognizing the objective underpinning the decision is paramount.
- **Data Acquisition:** Procure pertinent data congruent with the identified problem. This data can originate from diverse sources, encompassing internal repositories, external databases, and digital media platforms. A comprehensive data set augments the depth and accuracy of the ensuing analysis.
- **Data Refinement:** Post-acquisition, the data necessitates purification. This includes the eradication of redundant entries, rectification of inaccuracies, and transmutation into an analyzable format.
- **Data Exploration:** Delve into the curated data, seeking discernible patterns or trends. Visualization utilities can enhance this exploratory process.
- **Model Formulation:** Post exploration, formulate a predictive model to envisage decision outcomes, leveraging machine learning methodologies.
- **Model Appraisal:** Subsequent to model construction, validate its reliability by juxtaposing its predictions against archived data sets.
- **Decision Execution:** Harness the analytical outcomes to finalize and enact the decision.
- **Decision Oversight:** Post-execution, continually supervise the decision's ramifications, recalibrating when necessary [17].

Beyond these methodical stages, financial entities should also emphasize a few pivotal considerations for the efficacious materialization of the decision-making framework:

- **Infrastructure Augmentation:** Prioritize investments in robust data management infrastructures, encompassing the requisite hardware, analytical software, and specialized personnel.

- **Personnel Capacitation:** Institute training initiatives, acquainting staff with the intricacies of big data-driven decision-making, from data typologies to analytical procedures and ethical considerations.
- **Cultivating Data-Reliant Culture:** Champion a workplace ethos that venerates evidence-based decisions. Employees should be galvanized to pivot from intuition to a more empirical, data-grounded decision paradigm.

Adhering to this strategy equips financial entities with a robust blueprint, enabling them to integrate a data-centric decision-making framework seamlessly, ensuring decisions are both well-informed and optimally beneficial.

2. Navigating Obstacles in the Integration of Big Data Analytics into Decision-Making

- **Data Integrity Concerns:** The vast expanse of big data can be riddled with noise and gaps, potentially leading to skewed analytical insights. It's essential to allocate resources for rigorous data cleansing and preparation to guarantee data's authenticity and relevance before proceeding with analysis.
- **Fragmented Data Reservoirs:** A prevalent challenge in many entities is the existence of data compartmentalized across different departments or systems. To foster comprehensive data insights, it's pivotal to dismantle these data silos, centralizing data in a unified repository or data lake for cohesive analysis.
- **Expertise Shortfall:** The specialized realm of big data analytics often surpasses the skill sets available within organizations. Filling this gap necessitates proactive endeavors in nurturing internal talents through targeted training, as well as harnessing a cadre of adept data scientists and analysts.
- **Organizational Culture:** The inherent inertia in some organizational cultures towards transformative methodologies can hinder the embrace of big data-driven strategies. Cultivating an environment that champions empirical decision-making and celebrates data-driven insights is crucial.
- **Regulatory Landscapes:** Navigating the intricate web of regulations, like the General Data Protection Regulation (GDPR) in the EU, is imperative. Awareness and adherence to these data-centric regulations ensure the lawful and ethical utilization of big data in decision-making processes [17].

Strategies for Efficacious Integration:

- **Initiate Gradually:** Leverage a phased approach to big data analytics. Commence with pilot projects, incrementally expanding the scope, drawing from the insights and lessons at each stage.
- **Stakeholder Engagement:** Earnest stakeholder buy-in is foundational. Ensuring alignment of all decision-making participants with the tenets and potential of big data analytics can catalyze its successful incorporation.
- **Transparent Communication:** Distill complex analytical outcomes into clear, comprehensible insights when conveying to stakeholders. This en-

hances their appreciation of big data's potential, fostering more enlightened decisions.

- **Persistence:** Cultivating a data-centric decision-making ethos is a journey, not a destination. Resilience and consistency are key, with the promise of a data-empowered future as the reward.

Addressing these impediments with strategic, informed approaches will enable organizations to seamlessly weave big data analytics into their decision-making tapestry, resulting in enhanced, data-enlightened decisions.

3. Integrating Scalability and Sustainability in Big Data Implementation Strategies

- **Scalability Considerations:** The designed implementation blueprint should inherently possess the capacity to evolve, accommodating escalating data volumes and intricacies. Solutions might encompass cloud-driven strategies or the infusion of cutting-edge hardware and software capabilities.
- **Sustainability Factors:** The longevity of the implementation strategy in both financial and resource contexts is paramount. Leveraging open-source platforms or cultivating in-house expertise in big data analytics could be instrumental in achieving this.
- **Data Governance Protocols:** Instituting a robust data governance mechanism within the implementation ensures ethical and conscientious data utilization. Crafting comprehensive data privacy guidelines or designating data stewardship roles may cater to this need.
- **Security Essentials:** Implementing fortified security protocols safeguards data from illicit intrusions or leaks. A multi-pronged approach encompassing data encryption, fortified firewall protections, and stringent access controls would bolster data security.
- **Capacitating Personnel:** A pivotal aspect of the implementation roadmap involves endowing the workforce with the requisite competencies to harness big data tools and decode analytical outcomes. This can be orchestrated either through structured in-house training modules or by commissioning expertise from external consultants [18].

Strategies for Sustainable and Scalable Big Data Deployments:

- **Embark with a Pilot:** Instead of a blanket implementation across the entire operational landscape, initiate with a circumscribed pilot within a specific department. This allows for real-time learning and adjustments, facilitating a more nuanced large-scale rollout subsequently.
- **Cloud Adoption:** Embracing cloud infrastructure can serve as an adaptable and economically prudent avenue for scaling big data endeavors.
- **Commitment to Capacity Development:** Ensure an ongoing investment in personnel training, equipping them to adeptly navigate big data tools and derive actionable insights.
- **Opt for Open-Source Platforms:** Tapping into open-source platforms can be a cost-efficient method to embed big data analytical capabilities.

- **Fortress of Data Governance:** Establishing a rigorous data governance architecture accentuates the commitment to principled and ethical data handling.
- **Rigorous Encryption Protocols:** Ensure data remains impervious to unsolicited access by encrypting it at both rest and transit stages.
- **Incorporate Defensive Mechanisms:** Integrate robust firewalls complemented by access control hierarchies to further elevate the security matrix.
- **Backup Resilience:** In the unforeseen event of data anomalies, having a contingency plan inclusive of robust data backup solutions is indispensable.

By embracing these methodologies, enterprises can confidently steer their big data endeavors, ensuring they remain scalable, sustainable, and impervious to threats.

VIII. Discussion of a real-world example

Netflix's journey in leveraging data to refine its recommendation algorithms serves as an emblematic representation of harnessing extensive data analytics in contemporary business scenarios. Beginning its data-centric journey in 2000, Netflix encouraged users to rate movies, subsequently using these ratings to tailor film suggestions. With the inception of its streaming feature in 2001, the data utilization was amplified. By 2006, in pursuit of refining its algorithms, Netflix shared over 100 million movie rental histories for enhancing its recommendation capabilities, famously termed as the Netflix Prize Challenge. The objective was a 10% improvement in the system [19].

While the winning solution from this challenge offered promising results, it never saw implementation, attributed partly to its intricate nature and Netflix's realization of inherent limitations within the 5-star rating method. This system's lack of precision signaled to Netflix the necessity for a more nuanced approach. The company initiated a comprehensive tagging system, classifying movies based on intricate criteria. By 2014, this meticulous method birthed an astonishing 76,897 hyper-specific genres. This intricate methodology was eloquently termed the Netflix Quantum Theory by Madrigal, post discussions with Netflix's VP of Product, Todd Yellin.

In essence, the Netflix Quantum Theory encapsulated strategies to meticulously tag multifarious movie elements. It analyzed the tone of movie endings, ranging from exuberance to melancholy, with a scope for ambiguity. Additionally, it methodically categorized various plot dimensions, professions of pivotal characters, and movie settings. This innovative methodology exemplifies how tangible attributes can be metamorphosed into quantitative or categorical data, catering to the evolving demands of precision-driven personalization.

IX. Conclusion

In conclusion, the methodology presented encapsulates a holistic approach to data-driven decision-making within the domain of big data analytics. It draws upon

a wealth of knowledge and insights to offer a systematic framework for organizations seeking to harness the transformative power of data in their decision-making processes.

Fundamentally, this methodology underscores the pivotal role of data as a source of invaluable insights and knowledge, urging organizations to recognize its inherent value. It delineates a structured sequence of steps, commencing with problem identification and culminating in continuous oversight, ensuring that decisions are not only informed but also systematically data-driven.

Moreover, the methodology acknowledges and addresses the challenges that organizations may face when integrating big data analytics into their decision-making. These challenges encompass issues related to data integrity, fragmented data reservoirs, expertise shortfalls, organizational culture, and regulatory compliance. Strategies to navigate these challenges are woven into the fabric of the methodology.

Scalability and sustainability are accorded paramount importance within this methodology. It emphasizes the need for solutions that can adapt to the ever-expanding volumes and complexities of data while also emphasizing the long-term viability of data-driven decision-making practices. Key aspects such as cloud adoption, personnel training, data governance, security, and resilience are integral components of this approach.

Illustrating the practical applicability of this methodology, the case study of Netflix's data-driven approach to refining recommendation algorithms serves as a compelling real-world example. This case study showcases how data analytics can be effectively employed to enhance precision-driven personalization, demonstrating the tangible benefits of data-centric decision-making.

Ultimately, this methodology serves as a comprehensive guide for organizations navigating the dynamic landscape of data-driven decision-making in the era of big data. It encapsulates the essence of contemporary data analytics practices, addressing challenges, and offering practical strategies for seamless integration. By adhering to this methodology, organizations can empower themselves to make informed decisions, optimize operations, enhance customer experiences, and gain a competitive edge in an increasingly data-centric world.

In essence, the journey from data collection to actionable insights represents a transformational voyage. It signifies the evolution of decision-making processes, where data, once dormant, emerges as the catalyst for innovation, growth, and strategic excellence. As organizations continue to embrace the possibilities of big data, the methodology presented here stands as a testament to the boundless potential that awaits those who embark on this data-driven odyssey.

Литература

1. <https://www.start.io/blog/netflix-target-market-consumer-segmentation-the-complete-brand-analysis/>

2. Damodaran, A. (2012). *Investment Valuation: Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset*. Wiley.
3. Jorion, P. (2006). *Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk*. McGraw-Hill.
4. Hastie, T., Tibshirani, R., & Friedman, J. (2009). *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. Springer.
5. Thaler, R. H. (2016). *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. W.W. Norton & Company.
6. Broadie, M., & Glasserman, P. (2004). A stochastic mesh method for pricing high-dimensional American options. *Journal of Computational Finance*, 7(4), 35–72.
7. Mayer-Schönberger, V., & Cukier, K. (2013). *Big data: A revolution that will transform how we live, work, and think*. Houghton Mifflin Harcourt.
8. Creswell, J. W., & Clark, V. L. P. (2017). *Designing and conducting mixed methods research*. Sage publications.
9. *Augmented Intelligence: The Business Power of Human–Machine Collaboration 1st Edition*. by Judith Hurwitz (Author), Henry Morris (Author), Candace Sidner (Author), Daniel Kirsch (Author)
10. *Data Cleaning and Validation: A Practical Guide* by Michael C.J. Wu.
11. *Data Privacy Law: A Practical Guide* by Christopher Kuner.
12. *Data Analysis: A Tutorial* by Michael J. Kane.
13. *Machine Learning: A Probabilistic Perspective* by Kevin P. Murphy.
14. *Data Mining: Concepts and Techniques* by Jiawei Han, Micheline Kamber, and Jian Pei.
15. *Data Visualization: A Practical Introduction* by Alberto Cairo.
16. *Data Driven Decisions: The Role of Analytics in Business* by Thomas H. Davenport and Jeanne G. Harris.
17. *Big Data for Decision-Making: The Essential Guide to Using Data for Better Business Outcomes* by Thomas H. Davenport and Jeanne G. Harris.
18. *Big Data Analytics for Decision Making: Concepts, Techniques, and Applications* by Galit Shmueli, Peter C. Bruce, and Nitin R. Patel
19. *NETFLIX AND BIG DATA. 20–05–2016*, Oslo. Department of Journalism and Media Studies (Faculty of Social Sciences) Oslo and Akershus University College of Applied Sciences.

METHODOLOGY OF LEVERAGING BIG DATA IN FINANCIAL SERVICES FOR ENHANCED DECISION-MAKING

Mukhtarov I.S.

Badu Furniture LTD

This methodology encompasses key facets of data analysis and utilization for informed decision-making, catering to the evolving landscape of big data analytics. Central to this methodology is the

recognition of data as a strategic asset, serving as the bedrock of insights that fuel effective decision-making. It delineates a systematic approach, commencing with the identification of the problem at hand, followed by meticulous data acquisition, refinement, exploration, and modeling. The efficacy of this approach is underpinned by the integration of statistical and machine learning techniques, aptly tailored to analytical objectives. Furthermore, this methodology addresses challenges inherent in the integration of big data analytics into decision-making processes, emphasizing the importance of data integrity, the dismantling of data silos, expertise development, organizational culture, and regulatory compliance. Scalability and sustainability form an integral part of this methodology, advocating for adaptive strategies, data governance, security, and personnel empowerment. A real-world exemplar, Netflix's data-driven methodology, illustrates the practical applications of these principles, showcasing the transformative potential of data analytics in precision-driven personalization. Ultimately, this methodology serves as a compass for organizations navigating the data-driven landscape, enabling them to harness the full potential of data for informed, strategic, and sustainable decision-making in a data-enriched era.

Keywords: Data-driven, Decision-making, Framework, Big data, Analytics, Integration, Challenges, Scalability, Sustainability, Exemplar.

References

1. <https://www.start.io/blog/netflix-target-market-consumer-segmentation-the-complete-brand-analysis/>
2. Damodaran, A. (2012). *Investment Valuation: Tools and Techniques for Determining the Value of Any Asset*. Wiley.
3. Jorion, P. (2006). *Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk*. McGraw-Hill.
4. Hastie, T., Tibshirani, R., & Friedman, J. (2009). *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. Springer.
5. Thaler, R. H. (2016). *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. W.W. Norton & Company.
6. Broadie, M., & Glasserman, P. (2004). A stochastic mesh method for pricing high-dimensional American options. *Journal of Computational Finance*, 7(4), 35–72.
7. Mayer-Schönberger, V., & Cukier, K. (2013). *Big data: A revolution that will transform how we live, work, and think*. Houghton Mifflin Harcourt.
8. Creswell, J. W., & Clark, V. L. P. (2017). *Designing and conducting mixed methods research*. Sage publications.
9. *Augmented Intelligence: The Business Power of Human–Machine Collaboration 1st Edition*. by Judith Hurwitz (Author), Henry Morris (Author), Candace Sidner (Author), Daniel Kirsch (Author)
10. *Data Cleaning and Validation: A Practical Guide* by Michael C.J. Wu.
11. *Data Privacy Law: A Practical Guide* by Christopher Kuner.
12. *Data Analysis: A Tutorial* by Michael J. Kane.
13. *Machine Learning: A Probabilistic Perspective* by Kevin P. Murphy.
14. *Data Mining: Concepts and Techniques* by Jiawei Han, Micheline Kamber, and Jian Pei.
15. *Data Visualization: A Practical Introduction* by Alberto Cairo.
16. *Data Driven Decisions: The Role of Analytics in Business* by Thomas H. Davenport and Jeanne G. Harris.
17. *Big Data for Decision-Making: The Essential Guide to Using Data for Better Business Outcomes* by Thomas H. Davenport and Jeanne G. Harris.
18. *Big Data Analytics for Decision Making: Concepts, Techniques, and Applications* by Galit Shmueli, Peter C. Bruce, and Nitin R. Patel
19. *NETFLIX AND BIG DATA. 20–05–2016*, Oslo. Department of Journalism and Media Studies (Faculty of Social Sciences) Oslo and Akershus University College of Applied Sciences.

Анклавный тип развития в неокOLONIALной социально-экономической системе XXI века на терминальной стадии кризиса капитализма

Альпидовская Марина Леонидовна,

д.э.н., профессор, профессор Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: morskaya67@bk.ru

Сироткина Анастасия Ильинична,

ассистент Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sir_n@bk.ru

В приведённой статье авторы проводят исследование диалектического взаимодействия таких тенденций как глобализация и угасание национальных экономик. В частности, речь идёт не только о странах периферии капиталистической системы, но и о странах ядра, то есть, так называемых, развитых странах. Глобальный тренд на снижение уровня реального сектора в структуре ВВП в турбулентной среде международных социально-экономических отношений посткризисного (после 2019–2020) снижает устойчивость национальных экономик государств, интегрированных в глобальную рыночную систему. В свою очередь нивелирование роли института государства в глобальных социально-экономических отношениях, а также тренд на снижение государственной поддержки социальной сферы в период кризисных явлений приводит к падению благосостояния большинства населения планеты, в том числе и, так называемого, «среднего класса» стран ядра капиталистической системы. Результатом исследования является вывод о взаимообусловленности тенденций глобализации и угасания национальных экономик, причиной чему является достижение пределов экстенсивного развития либеральной социально-экономической системы и, происходящее параллельно, воспроизводство социально-экономической системы неокOLONIALизма.

Ключевые слова: глобализация, капитализм, кризис, угасание, неокOLONIALизм.

Глобализационные процессы привели к интеграции практически всех стран в рыночную социально-экономическую систему, чем был достигнут предел расширения данной системы. В связи с тем, что рыночная (капиталистическая) социально-экономическая система является экстенсивной, то есть имеет возможность эффективно функционировать исключительно в условиях реализации экспансий и подчинения областей, ранее не вовлечённых в сферу капиталистической системы [6], при достижении предела расширения данная система трансформируется и начинает уничтожать сама себя, за счёт усиления эксплуатации населения как развивающихся, так и развитых стран. Иными словами, происходит усиление эксплуатации уже включённых в капиталистическую социально-экономическую систему областей.

Процесс эксплуатации вновь интегрированных территорий рассмотрен ранее на примере стран периферийного капитализма. В сущности, угасание (развитие анклавного типа) экономик стран периферийного капитализма является объективным фактом, что представлено их подчинённым положением в глобальной иерархии.

Особого внимания заслуживает влияние воспроизводства социально-экономической системы неокOLONIALизма в условиях глобализации на экономики стран развитого капитализма. Если в XX веке неокOLONIALизм способствовал поддержанию высокого уровня благосостояния населения стран ядра капиталистической системы, то есть субъектами эксплуатации колоний, то в XXI веке данный тезис теряет свою актуальность.

В условиях глобальной деградации института государства, как в странах периферии, так и в странах ядра капиталистической системы, и, как следствие, приобретения субъектности глобального уровня такими участниками социально-экономических отношений как ТНК, ТНБ, ЧВОК, ТПО и наднациональными структурами, происходит одновременное усиление эксплуатации как в странах периферии, так и в странах ядра рыночной мир-системы.

Подтверждением выступают падение уровня жизни в странах развитого капитализма, с одной стороны, и усиление эксплуатации со стороны частных субъектов социально-экономических отношений глобального уровня (ТНК, ТНБ, ЧВОК, ТПО и наднациональными структурами).

Падение уровня жизни в странах развитого капитализма подробно проанализировано Т. Пикетти в монографии «Капитал в XXI веке» [5], в частности, в указанной монографии автор исследует

замедление экономического роста, финансиализацию экономик, рост и структуру неравенства за счёт приватизации государственного имущества в странах ядра капиталистической системы на примере Франции, Германии, Великобритании и Италии. Как отмечает Т. Пикетти: «несмотря на пузыри, с 1970-х годов мы наблюдаем процесс возвращения частного капитала в богатых странах или, скорее, становление нового имущественного капитализма» [5, с. 177]. Одним из факторов происходящего процесса является долгосрочный рост цен на недвижимые и биржевые активы [5, с. 177], следствием чего является падение уровня владения домохозяйствами жилой недвижимостью. Проиллюстрировать данный тезис в дополнение к приведённому исследованию позволит уровень владения домохозяйствами жилой недвижимостью в мире по странам: США (рис. 1), Британия (рис. 2), в среднем по ЕС (рис. 3).

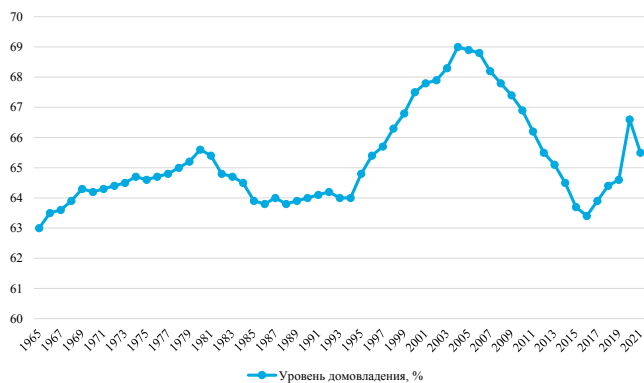

Рис. 1. Уровень владения домохозяйствами жилой недвижимостью в США с 1980 по 2021 г.

Источник: [17].

Представленный на рисунке 30 график отражает незначительный рост уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами в США (с 63% в 1965 г. до максимального значения в 69% в 2004 г.). Резкий рост уровня владения жилой недвижимостью домохозяйств (как косвенного показателя роста благосостояния среднего класса) наблюдается, начиная с 1995 года. Затем, данный уровень начинает также неуклонно снижаться, начиная с 2005 года. Падение уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами продолжается вплоть до 2015 года, после которого наблюдается незначительный рост (с 63,4% до 66,6% в 2020 году). В 2020 году, вследствие отрицательных эффектов коронакризиса наблюдается падение уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами в США до 65,5%.

Влияние «коронакризиса» на уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами в Британии не поддаётся оценке в связи с отсутствием данных за период с 2019 г. по настоящее время в открытых источниках. Но долгосрочный тренд на падение уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами наблюдается на всём протяжении времени, начиная с мирового экономического кризиса 2008 г. В период с 2007 по 2018 г. уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами в Британии сократился с 73,3% до 65,2%, достигнув

своего минимального значения в 2016 г. на уровне 63,4%. Незначительный рост уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами наблюдался только в 2017 и 2018 гг. (на 1,6% и 0,2% к предыдущему году соответственно).

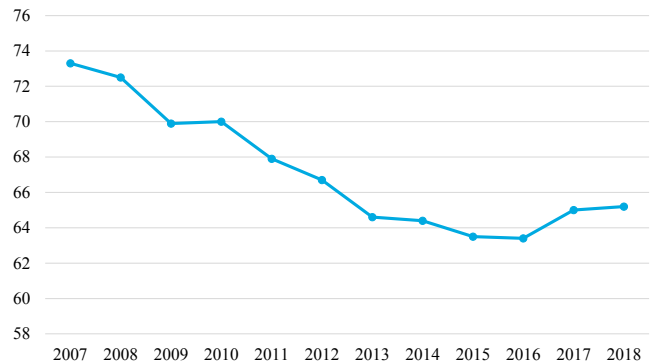

Рис. 2. Уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами в Британии с 2007 по 2018 г.

Источник: составлено автором на основании [18].

В ЕС в период с 2010 по 2022 г. уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами достиг максимального значения (71%) в 2013 году после непродолжительного роста с 2010 года. Затем, в период с 2013 по 2020 г. данный показатель демонстрировал тенденцию к снижению и достиг минимального значения (69,8%) в 2020 г. Сменившись незначительным ростом до 70% в 2021 году, уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами в ЕС снова сократился.

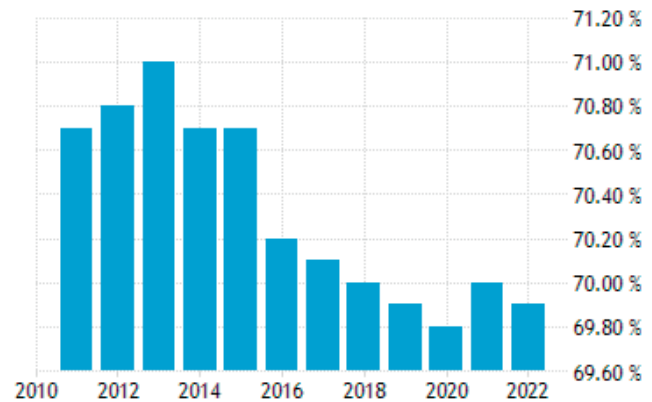

Рис. 3. Уровень владения жилой недвижимостью домохозяйствами в ЕС с 2010 по 2018 г.

Источник: [12].

Падение уровня владения жилой недвижимостью домохозяйствами соответствует падению доходов населения. Таким образом, следствием падения уровня жизни в США является усиление эмиграции населения из США в Европу (наиболее популярные страны переселения: Италия, Португалия, Греция и Франция). В соответствии с исследованием влияния роста цен на жилую недвижимость, укрепления курса доллара и политической конъюнктуры на миграцию американцев в Европу¹

¹ Bloomberg L.P. — американская компания, информационное агентство, один из двух ведущих поставщиков финансовой информации для профессиональных участников финансовых рынков (официальный сайт: www.bloomberg.com).

Блумберг [20] основными причинами миграции является доступный уровень жизни, стоимость недвижимости и более низкий уровень преступности, чем в США. Однако, в соответствии со статистическими данными, уровень жизни населения ЕС также неумолимо снижается. В частности, падение уровня жизни населения развитых стран демонстрируют также такие показатели как коэф-

фициент рождаемости (рис. 4, 5), коэффициент Джини (рис. 6), ожидаемая продолжительность жизни (рис. 7), уровень смертности (рис. 8, 9), государственные расходы на образование (рис. 10, 11).

В соответствии с графиком на рисунке 4 коэффициент рождаемости в США с 2020 года установился на уровне между 1,5 и 2.

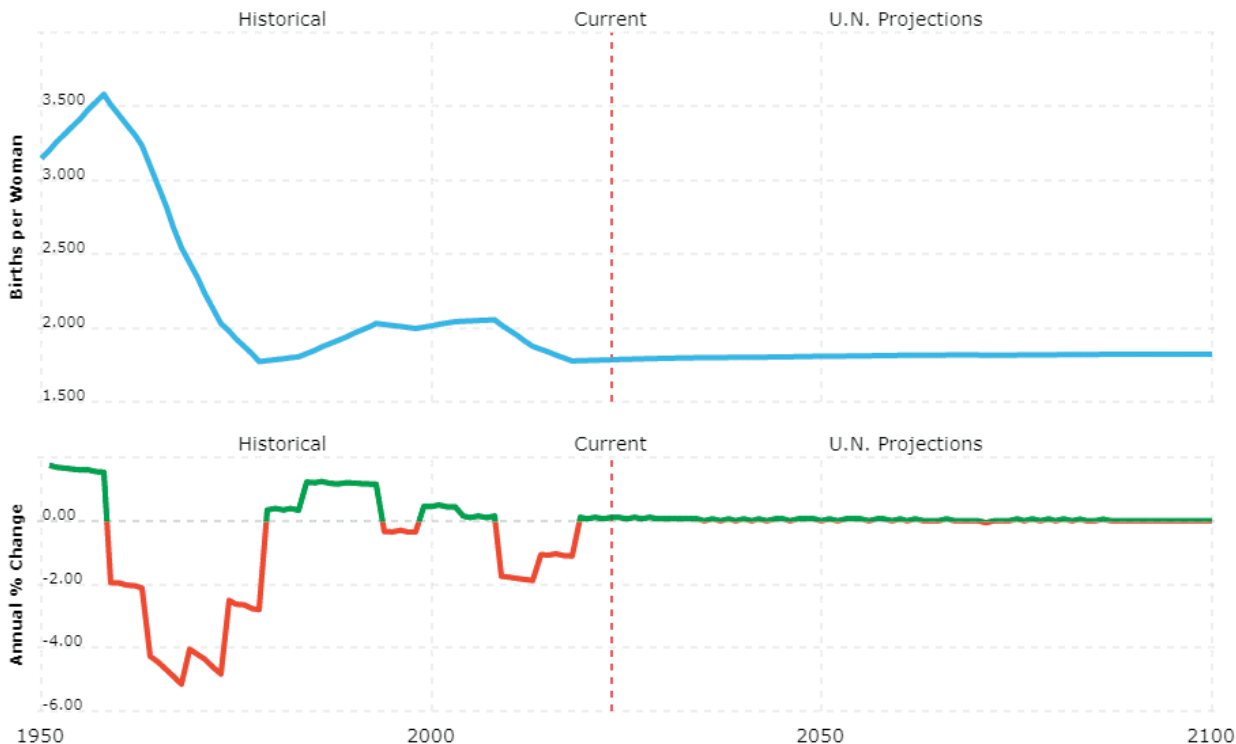

Рис. 4. Коэффициент рождаемости в США с 1950 г. с прогнозом до 2100 г.

Источник: [27].

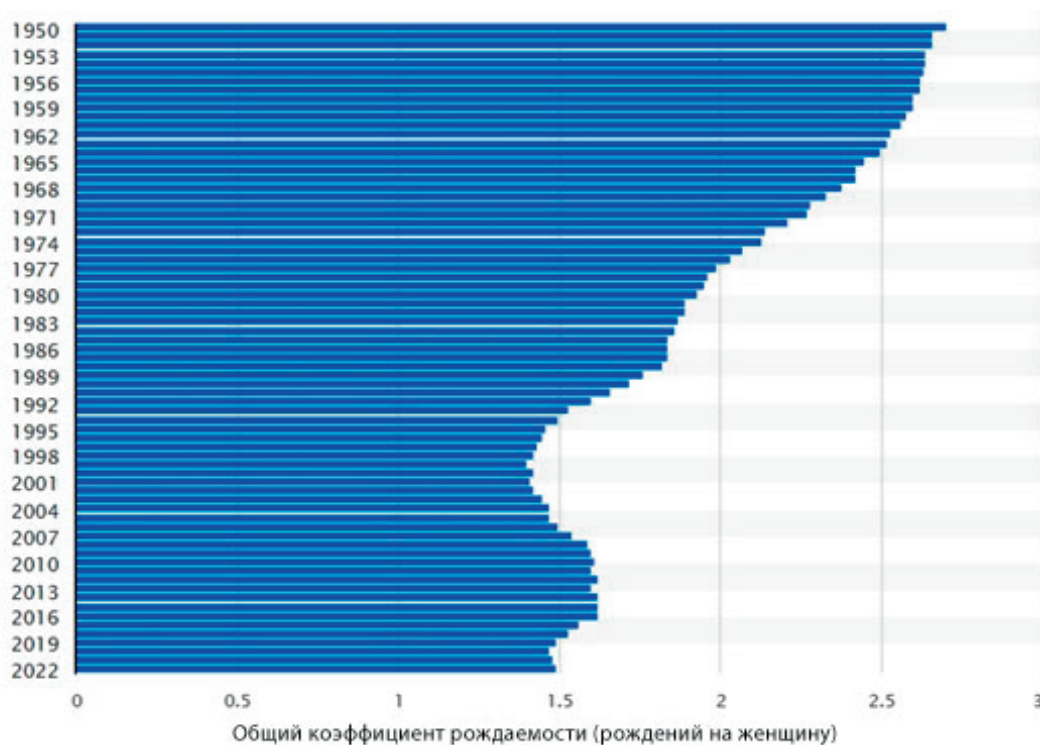

Рис. 5. Коэффициент рождаемости в ЕС с 1950 по 2022 г.

Источник: [26].

В ЕС коэффициент рождаемости с более 2,5 в 1950 г сократился до менее 1,5 в 2020 г.

Долгосрочный тренд на рост экономического неравенства (степени расслоения общества) наблюдается в США с 1980 г. Кратковременные снижения коэффициента Джини, свидетельствующее о снижении концентрации доходов у отдельных

групп населения, сменяется его компенсирующим ростом на всём рассматриваемом периоде времени (с 1980 по 2020 г.). При снижении неравенства в 2020 г. данный показатель тем не менее остался на достаточно высоком уровне, соответствующем уровню 1990-х годов.

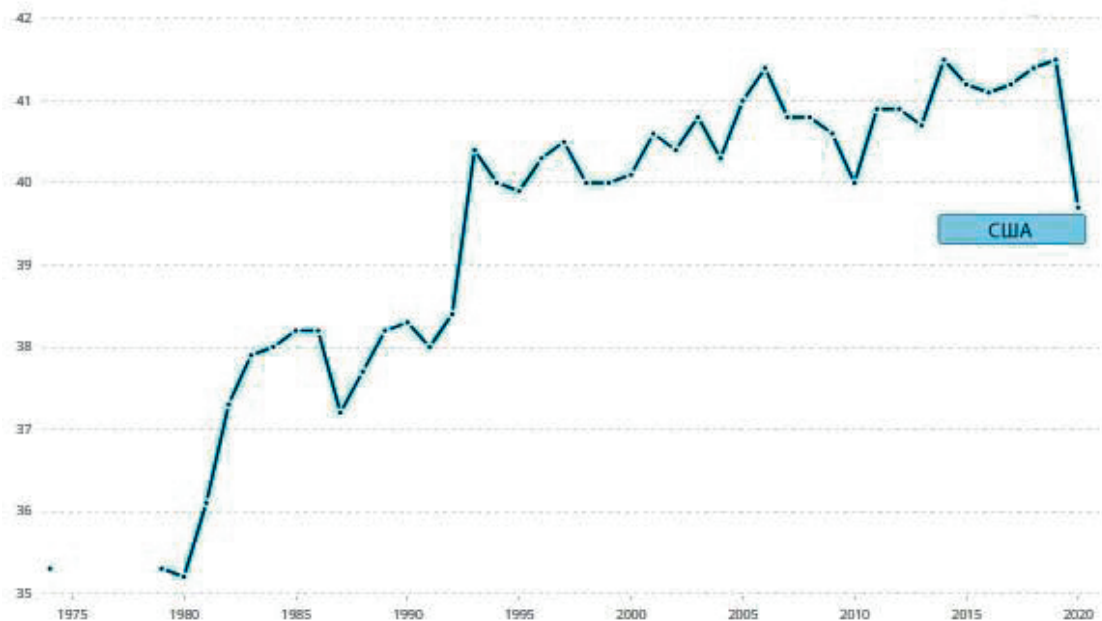

Рис. 6. Коэффициент Джини в США с 1975 по 2020 г.

Источник: [14].

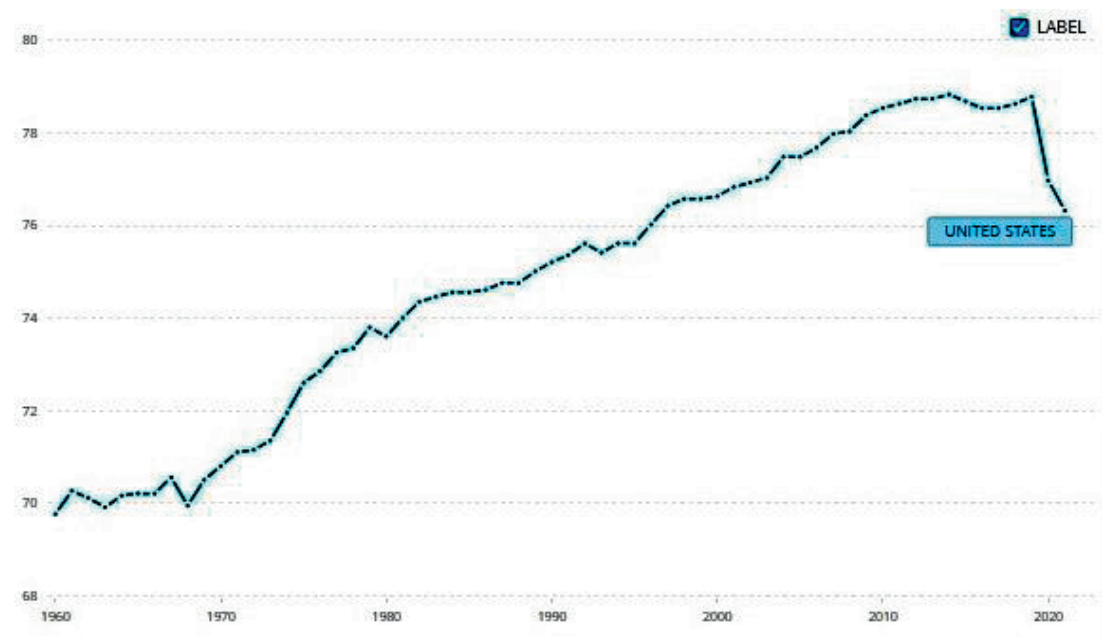

Рис. 7. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в США с 1974 по 2020 г.

Источник: [21].

В свою очередь коэффициент Джини в среднем по ЕС в период с 2000 по 2019 г. варьировался в диапазоне от 34 до 30 в разные годы [13], иными словами на протяжении всего рассматриваемого периода оставался относительно стабильным.

Рост экономического неравенства практически не отразился на ожидаемой продолжительности жизни в США (рис. 7. Данный показатель продемонстрировал значительное снижение только в период коронакризиса 2019–2020 гг.

Рис. 8. Уровень смертности в США с 1960 по 2020 г.

Источник: [11].

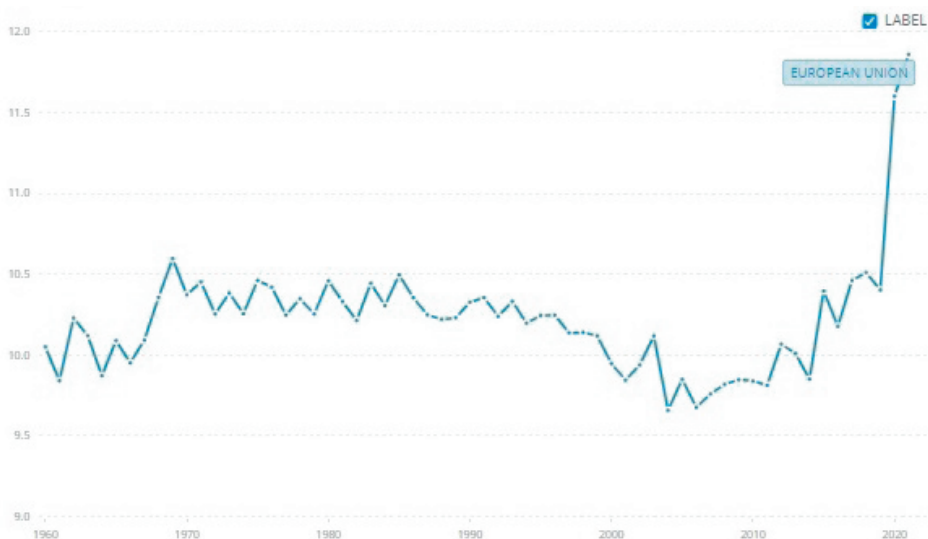

Рис. 9. Уровень смертности в ЕС с 1960 по 2020 г.

Источник: [10].

Отрицательное влияние кризисных явлений на демографию также наблюдается в части уровня смертности (рис. 8, 9).

Графики на рисунках 37 и 38 демонстрируют рост уровня смертности в периоды кризисов (в частности, в 2008 и 2019 гг.).

Коронакризис 2019–2020 гг. продемонстрировал необходимость государственной поддержки социальной сферы в период кризисных явлений. Однако, институт государства демонстрирует системное снижение своей роли и статуса в социально-экономических отношениях [25]. В частности, сфера образования, является репрезентативной областью данной тенденции. Образование является составным элементом социальной сферы, традиционно регулируемым государством. Однако, долгосрочный тренд на снижение государственного финансирования образования (рис. 10, 11) в США и странах ЕС свидетельствует о снижении доступности образования для широких

масс населения, и, как следствие, снижение благосостояния обществ. Иными словами, произошла трансформация образования из общественного блага в коммерческую услугу (третичный сектор экономики).

Глобальный системный кризис капитализма приводит к сокращению экономической активности в мире, в первую очередь за счёт третичного сектора экономики. Подтверждением чему выступают сокращения в крупнейших мировых ИТ-компаниях, странами базирования головных офисов которых являются развитые страны ядра капиталистической системы.

В связи с тем, что промышленное производство в ходе трансформации мировой социально-экономической системы было релоцировано с территорий развитых стран на территории развивающихся, в структуре ВВП стран ядра капиталистической системы стал преобладать третичный сектор (сфера услуг) (рис. 12 и 13).

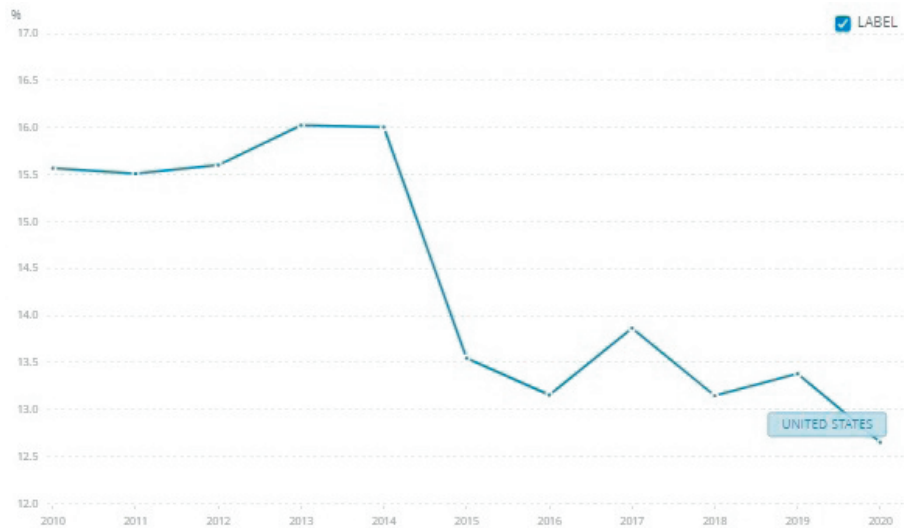

Рис. 10. Государственные расходы на образование в% к ВВП в США с 2010 по 2020 г.

Источник: [15].

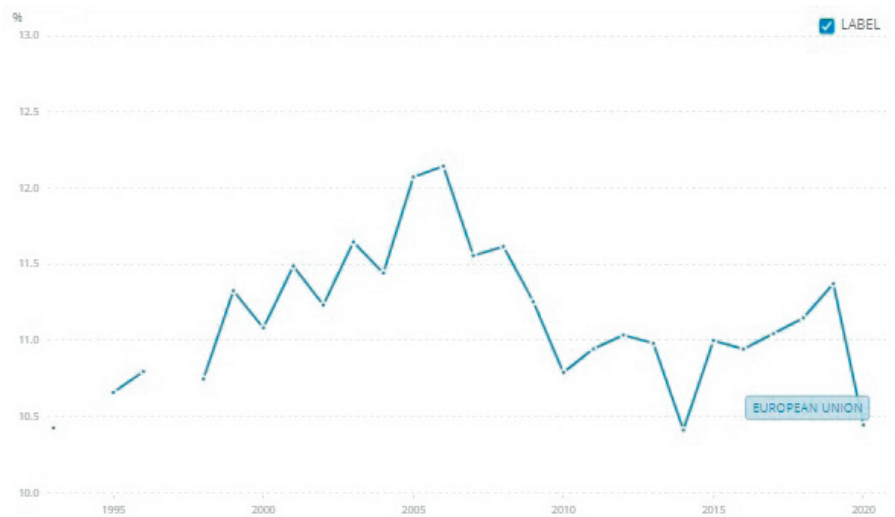

Рис. 11. Государственные расходы на образование в% к ВВП в ЕС с 1993 по 2020 г.

Источник: [16].

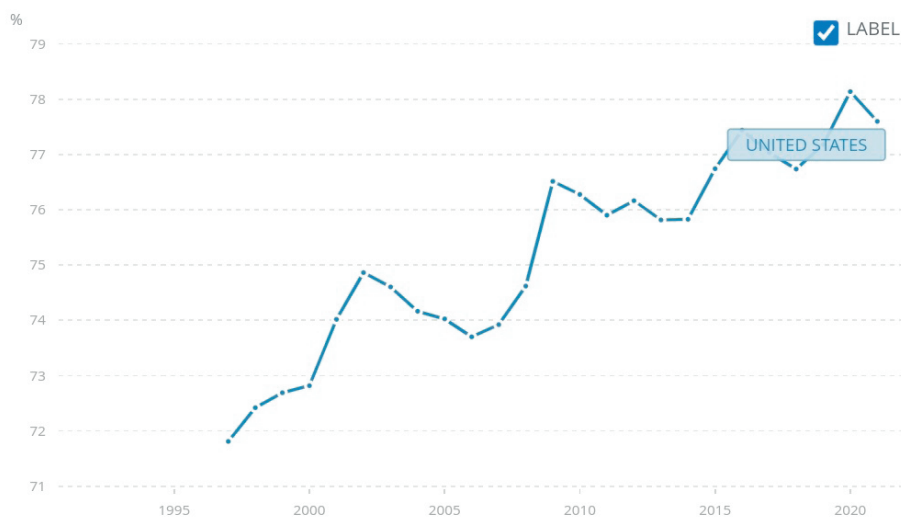

Рис. 12. Услуги, добавленная стоимость (% от ВВП) в США с 1991 по 2021 г.

Источник: [24].

По причине надстроечного характера третичного сектора экономики над промышленностью, данная область в первую очередь подвержена рискам кризисных явлений, что было подтверждено коронакризисом 2019–2020 гг., в период которого в отраслевом разрезе под влиянием карантинных ограничений сильнее всего сократилась добавленная стоимость в отраслях, ориентированных на обслуживание населения. Как отмечает А.Э. Гамидова¹

ва¹ в статье «Трансформация тенденций развития сферы услуг под воздействием пандемии COVID-19 (на материалах отрасли туризма) [2]: в среднем, в результате введённых повсеместных ограничений различной степени, страны с наиболее высоким уровнем сферы услуг в структуре ВВП пострадали от кризиса сильнее.

¹ Ариза Элдикаровна Гамидова – директор Махачкалинского представительства Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

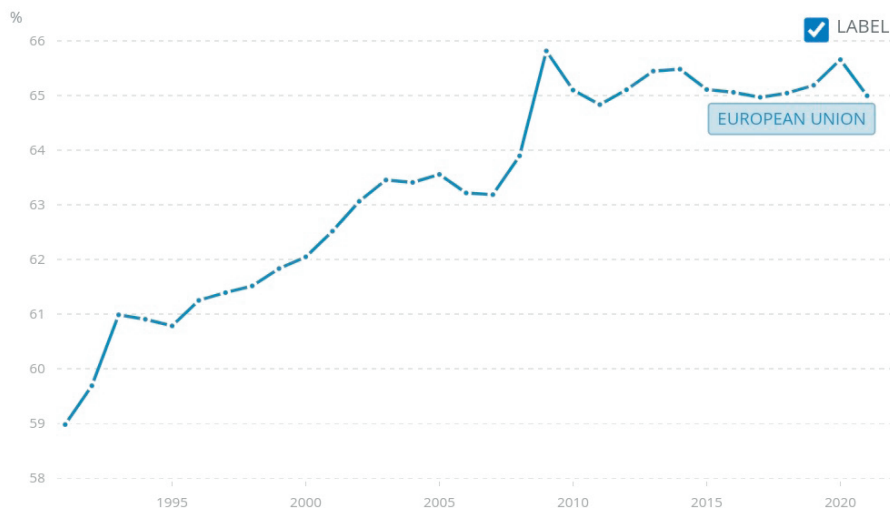

Рис. 13. Услуги, добавленная стоимость (% от ВВП) в ЕС с 1991 по 2021 г.

Источник: [23].

Рис. 14. Континентальный сдвиг: крупнейшие экономики мира с течением времени

Источник: [8].

Замедление темпов роста (сокращение) экономик развитых стран в связи с высоким уровнем услуг в структуре ВВП подтверждается прогнозом МВФ, в соответствии с которым к 2024 году прои-

зойдёт континентальный сдвиг в парадигме крупнейших экономик мира (рис. 14). По данным МВФ, 4 из 6 ведущих стран мира по размеру ВВП и ППС в 2028 году окажутся в Азии, оттеснив европейские экономики на более низкие строчки [8].

Таким образом, в период кризисов первоочередную ценность приобретает продукция лёгкой и тяжёлой промышленности, в то время как сфера услуг переходит в категорию отложенного спроса, о чём свидетельствует сокращение сферы услуг, в частности, ИТ и банковского секторов.

Подтверждением данному тезису выступают сокращения персонала в крупнейших мировых ИТ-компаниях [9], проведённых в 2022 году (рис. 15), а также банкротство крупнейших банков США, таких как ПакВест Банккорп (был назван Форбс лучшим банком США в 2017 году [7]), Вестерн Эллиенс, Метрополитен Банк [4].

Резюмируя отмеченное выше, следует отметить, что кризисные явления, наблюдающиеся в глобальной капиталистической системе, негативно отражаются на социально-экономических системах не только стран периферийного капитализма, но и на развитых странах ядра капиталистической системы. В сущности, преобладание сферы услуг в структуре ВВП развитых стран приводит к тому, что негативные эффекты кризиса (такие как рост безработицы, падение уровня жизни и т.д.) на их экономики оказываются более сильными.

Литература

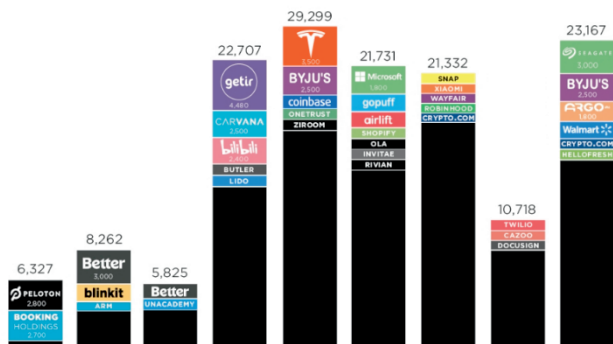

Рис. 15. Сокращения в крупнейших ИТ-компаниях за 2022 год.

Источник: [22].

В частности, системный кризис глобальной капиталистической системы приводит к структурной безработице, в том числе и в странах развитого капитализма, которая, с точки зрения Ф. Джеймисона¹, является «новой формой эксплуатации» [19], при которой в дополнение к эксплуатируемым относятся не только рабочие, производящие прибавочную стоимость, но и безработные, которые структурно не допускаются до, цитируя С. Жижек²: «капиталистического водоворота эксплуатируемого наёмного труда, включая целые регионы и нации» [3]. То есть возможность попадания в глобально сокращающийся производительный класс (эксплуатируемого наёмного труда) для большинства населения планеты сокращается. Что приводит к увеличению конкуренции за возможность участия в производственном процессе в роли эксплуатируемой рабочей силы.

Исходя из изложенного выше, привилегированное положение, занимаемое средним классом развитых стран, в XXI веке дезавуируется [1]. Системный неокOLONиализм, развивающийся в рамках глобальной капиталистической системы, способствует элиминированию глобальной социально-экономической системы, достигшей пределов своего экстенсивного развития. Иными словами, происходит усиление эксплуатации на всех ступенях глобальной иерархии, включая большую часть населения развитых стран. Данная тенденция свидетельствует об отражении негативных последствий развития системного неокOLONиализма не только на национальных экономиках стран периферийного капитализма, но и на национальных экономиках развитых стран.

¹ Фредрик Джеймисон (1934) – американский философ, автор неомарксистской концепции постмодернистской культуры.

² Славой Жижек (1949) – словенский культуролог и социальный философ фрейдомарксистского толка.

1. Альпидовская М.Л., Сироткина А.И. Социально-экономическая сущность глобализации и её роль в формировании новой социально-классовой структуры. // Теоретическая экономика. – 2023 – № 1. – С. 74–85.
2. Гамидова А.Э. Трансформация тенденций развития сферы услуг под воздействием пандемии COVID-19 (на материалах отрасли туризма). // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 2 (48), 2021. С. 15–19.
3. Жижек С. Неприятности в раю: от конца истории к концу капитализма. Екатеринбург: Гонзо, 2021. – 320 с.
4. Коган Е. Обрушились три банка в США. Кто следующий? – (электронный ресурс). – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/obrushilis-tri-banka-v-ssha-kto-sleduyushchiy-20230502-1915/> (дата обращения: 18.05.2023).
5. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
6. Сироткина А.И., Альпидовская М.Л. НеокOLONиализм XXI века: глобализм и мир-системность. // Журнал «Теоретическая экономика» № 12, 2020. С. 87–100.
7. Badenhausen K. America's Best Banks 2017. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.forbes.com/sites/kurtbadenhausen/2017/01/10/americas-best-banks-2017> (дата обращения: 18.05.2023).
8. Buchholz K. Continental Shift: The World's biggest Economies Over Time. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.statista.com/chart/22256/biggest-economies-in-the-world-timeline> (дата обращения: 17.05.2023).
9. Capoot A., Pitt S. Google, Meta, Amazon and other companies have laid off more than 104,000 employees in the last year. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.cnbc.com/2023/01/18/tech-layoffs-microsoft-amazon-meta-others-have-cut-mora-than-60000.html> (дата обращения: 17.05.2023).
10. Death rate, crude (per 1,000 people) – European Union. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN?locations=EU> (дата обращения: 17.05.2023).
11. Death rate, crude (per 1,000 people) – United States. – (электронный ресурс). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN?locations=US> (дата обращения: 17.05.2023).
12. European Union Home Ownership Rate in 2007–2018. – (электронный ресурс). – URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/home-ownership-rate> (дата обращения: 16.05.2023).
13. Gini index – European Union. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EU> (дата обращения: 17.05.2023).
14. Gini index – United States. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=US> (дата обращения: 17.05.2023).

tor/SI.POV.GINI?locations=US (дата обращения: 17.05.2023).

15. Government expenditure on education, total (% of government expenditure) – United States. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=US> (дата обращения: 17.05.2023).
16. Government expenditure on education, total (% of government expenditure) – European Union. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=EU> (дата обращения: 17.05.2023).
17. Homeownership Rate By Year. – (электронный ресурс). – URL: <https://propertymanagement.com/research/homeownership-rate-by-year> (дата обращения: 11.05.2023).
18. Homeownership rate in the UK 2007–2018. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.statista.com/statistics/543443/house-owners-among-population-uk> (дата обращения: 16.05.2023).
19. Jameson F. *Valences of the Dialectic*. – New York: Verso, 2010. – 640 p.
20. Kantor A. Americans Who Can't Afford Homes Are Moving to Europe Instead. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-20/americans-moving-to-europe-housing-prices-and-strong-dollar-fuel-relocations> (дата обращения: 16.05.2023).
21. Life expectancy at birth, total (years) – United States. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=US> (дата обращения: 17.05.2023).
22. Routley N. Visualizing Tech Company Layoffs in 2022 – (электронный ресурс). – URL: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-tech-company-layoffs-in-2022/> (дата обращения: 18.05.2023).
23. Services, value added (% of GDP) – European Union. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS?end=2021&locations=EU&start=1991&view=chart> (дата обращения: 17.05.2023).
24. Services, value added (% of GDP) – United States. – (электронный ресурс). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS?end=2021&locations=US&start=1991&view=chart> (дата обращения: 17.05.2023).
25. Sirotkina A.I., Alpidovskaya M.L. The role and status of the institution of the national state in the context of the global crisis. // *Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice*, pp. 621–626.
26. Total fertility rate in Europe from 1950 to 2022. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.statista.com/statistics/1251565/total-fertility-rate-in-europe/> (дата обращения: 17.05.2023).
27. U.S. Fertility Rate 1950–2023. – (электронный ресурс). – URL: <https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/fertility-rate#:~:text=The%20current%20fertility%20rate%20for>,

a%200.11%25%20increase%20from%202020 (дата обращения: 17.05.2023).

THE ENCLAVE TYPE OF DEVELOPMENT IN THE NEOCOLONIAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM OF THE 21TH CENTURY AT THE TERMINAL STAGE OF THE CRISIS OF CAPITALISM

Alpidovskaya M.L., Sirotkina A.I.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In this article, the authors conduct a study of the dialectical interaction of such trends as globalization and the decline of national economies. In particular, we are talking not only about the countries on the periphery of the capitalist system, but also about the core countries, that is, the so-called developed countries. The global trend towards a decrease in the level of the real sector in the structure of GDP in the turbulent environment of international socio-economic relations post-crisis (after 2019–2020) reduces the stability of the national economies of states integrated into the global market system. In turn, the leveling of the role of the institution of the state in global socio-economic relations, as well as the trend towards a decrease in state support for the social sphere during periods of crisis, leads to a decline in the well-being of the majority of the planet's population, including the so-called "middle class" of the core capitalist countries. The result of the study is the conclusion about the interdependence of globalization trends and the extinction of national economies, the reason for which is the achievement of the limits of extensive development of the liberal socio-economic system and, occurring in parallel, the reproduction of the socio-economic system of neo-colonialism.

Keywords: globalization, capitalism, crisis, decline, neocolonialism.

References

1. Alpidovskaya M.L., Sirotkina A.I. The socio-economic essence of globalization and its role in the formation of a new social class structure. // *Theoretical Economics*. – 2023 – No. 1. – P. 74–85.
2. Gamidova A.E. Transformation of trends in the development of the service sector under the influence of the COVID-19 pandemic (based on materials from the tourism industry). // *Theory and practice of service: economics, social sphere, technology*. No. 2 (48), 2021. pp. 15–19.
3. Zizek S. *Trouble in Paradise: from the end of history to the end of capitalism*. Ekaterinburg: Gonzo, 2021. – 320 p.
4. Kogan E. Three banks collapsed in the USA. Who is next? – (electronic resource). – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/obrushilis-tri-banka-v-ssha-kto-sleduyushchiy-20230502-1915/> (access date: 05.18.2023).
5. Piketty T. *Capital in the XXI century*. – M.: Ad Marginem Press, 2015. – 592 p.
6. Sirotkina A.I., Alpidovskaya M.L. Neocolonialism of the 21st century: globalism and world-systemism. // *Journal "Theoretical Economics"* No. 12, 2020. pp. 87–100.
7. Badenhause K. America's Best Banks 2017. – (electronic resource). – URL: <https://www.forbes.com/sites/kurtbadenhause/2017/01/10/americas-best-banks-2017> (accessed 05.18.2023).
8. Buchholz K. Continental Shift: The World's biggest Economies Over Time. – (electronic resource). – URL: <https://www.statista.com/chart/22256/biggest-economies-in-the-world-timeline> (access date: 05.17.2023).
9. Capoot A., Pitt S. Google, Meta, Amazon and other companies have laid off more than 104,000 employees in the last year. – (electronic resource). – URL: <https://www.cnn.com/2023/01/18/tech-layoffs-microsoft-amazon-meta-others-have-cut-mor-than-60000.html> (access date: 05.17.2023).
10. Death rate, crude (per 1,000 people) – European Union. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN?locations=EU> (access date: 05.17.2023).
11. Death rate, crude (per 1,000 people) – United States. – (electronic resource). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CDRT.IN?locations=US> (access date: 05.17.2023).
12. European Union Home Ownership Rate in 2007–2018. – (electronic resource). – URL: <https://tradingeconomics.com/european-union/home-ownership-rate> (access date: 05.16.2023).

13. Gini index – European Union. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EU> (access date: 05.17.2023).
14. Gini index – United States. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=US> (access date: 05.17.2023).
15. Government expenditure on education, total (% of government expenditure) – United States. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=US> (access date: 05.17.2023).
16. Government expenditure on education, total (% of government expenditure) – European Union. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SE.XPD.TOTL.GB.ZS?locations=EU> (access date: 05.17.2023).
17. Homeownership Rate By Year. – (electronic resource). – URL: <https://ipropertymanagement.com/research/homeownership-rate-by-year> (access date: 05.11.2023).
18. Homeownership rate in the UK 2007–2018. – (electronic resource). – URL: <https://www.statista.com/statistics/543443/house-owners-among-population-uk> (access date: 05.16.2023).
19. Jameson F. Valences of the Dialectic. – New York: Verso, 2010. – 640 p.
20. Kantor A. Americans Who Can't Afford Homes Are Moving to Europe Instead. – (electronic resource). – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-20/americans-moving-to-europe-housing-prices-and-strong-dollar-fuel-relocations> (date of access: 16.05. 2023).
21. Life expectancy at birth, total (years) – United States. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=US> (access date: 05.17.2023).
22. Routley N. Visualizing Tech Company Layoffs in 2022 – (electronic resource). – URL: <https://www.visualcapitalist.com/visualizing-tech-company-layoffs-in-2022/> (access date: 05.18.2023).
23. Services, value added (% of GDP) – European Union. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS?end=2021&locations=EU&start=1991&view=chart> (access date: 05.17.2023).
24. Services, value added (% of GDP) – United States. – (electronic resource). – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.SRV.TOTL.ZS?end=2021&locations=US&start=1991&view=chart> (access date: 05.17.2023).
25. Sirotkina A.I., Alpidovskaya M.L. The role and status of the institution of the national state in the context of the global crisis. // Reimagining Socioeconomic Development of Russia: New Directions, Theory, and Practice, pp. 621–626.
26. Total fertility rate in Europe from 1950 to 2022. – (electronic resource). – URL: <https://www.statista.com/statistics/1251565/total-fertility-rate-in-europe/> (access date: 05.17.2023).
27. U.S. Fertility Rate 1950–2023. – (electronic resource). – URL: <https://www.macrotrends.net/countries/USA/united-states/>